

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

1
2026

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 6 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: istfak_vestnik@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: istfak_vestnik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shtetzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- M.A. Andreev*, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Методология истории, источники, историография

<i>Ирина П. Азерникова</i> Историческая урбанистика: методология и практика исследования городского пространства	12
<i>Светлана В. Букалова</i> Общественное призрение в годы Первой мировой войны: между благотворительностью и социальной политикой (историография проблемы)	21
<i>Федор В. Георги</i> Инструкция генеральному консулу России в Иерусалиме С.В. Арсеньеву о задачах деятельности в Палестине (1891 г.)	44
<i>Ксения С. Гусева</i> Известный неизвестный архитектор: фигура Ф.Б. Растрелли в свете историографических источников XIX в.	61
<i>Ирина Ю. Демичева</i> Особенности документального оформления и учета терракот майя I тыс. н. э. по материалам музеев	74
<i>Андрей С. Сараев</i> Н.Я. Марр и суварская концепция происхождения чувашей	83

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>Кирилл А. Демичев</i> Правитель радующийся: элементы эмоционального портрета махараджи Ранджита Сингха по данным придворных хроник	111
---	-----

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

<i>Евгений О. Барсуков</i> Образы предков в святилище Рамсеса I в Абидосе и идеология царской власти ранней XIX династии	120
--	-----

Александра Ю. Бахтурина
Пересмотр административно-территориальных границ
Выборгской губернии в конце XIX – начале XX в.:
государственная безопасность и общественно-политический
резонанс 131

Алексей А. Волвенко
Казачий период в карьере Альфонса Шаньявского (1866–1876 гг.) 148

Даниил П. Голубев
Германская социал-демократическая пресса
о Крестьянской войне XVI в. 162

Борис М. Горелик
Первая миротворческая инициатива России
в связи с англо-бурской войной 1899–1902 гг. 175

Егор Е. Кочетков, Анна А. Никлаус
Политика оптимизации внутрирегионального пространства
Российской Федерации: проблемы асимметричного федерализма
и пространственного развития 187

Книжная полка

Екатерина А. Архипова
История этноконфессиональных отношений в России:
размышления над книгой М. Кизилова и Г. Бондаренко
«Старообрядцы и евреи. Триста лет рядом». М.: НЛО,
2024. 352 с.: ил. (Серия «Что такое Россия») 218

CONTENTS

Methodology of History, Sources, Historiography

Irina P. Azernikova

Historical urban studies: Methodology and practice
of urban space research 12

Svetlana V. Bukalova

Public custody during the World War I between charity
and social policy (historiography of the problem) 21

Fedor V. Georgi

Instructions to the Consul General of Russia in Jerusalem
S.V. Arsenyev on the tasks of activities in Palestine (1891) 44

Ksenia S. Guseva

Famous unknown architect. The figure of F.B. Rastrelli
in the light of historiographical sources of the 19th century 61

Irina Yu. Demicheva

Features of the documentation and accounting of Maya terracottas from
the 1st millennium AD based on museum materials 74

Andrei S. Saraev

N.Ya. Marr and the Suvar concept of the origin of the Chuvash 83

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

Kirill A. Demichev

The ruler rejoicing: elements of the emotional portrait
of Maharaja Ranjit Singh according to court chronicles 111

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Evgenii O. Barsukov

Images of ancestors in the temple of Ramses I at Abydos
and the ideology of royal power of the early 19th dynasty 120

<i>Aleksandra Yu. Bakhturina</i>	
Revision of the administrative-territorial borders of Vyborg province in the late 19 th and early 20 th centuries: State security and socio-political resonance	131
<i>Aleksei A. Volvenko</i>	
The Cossack period in the career of Alphonse Shanyavsky (1866–1876)	148
<i>Daniil P. Golubev</i>	
The German social democratic press on the Peasant's War of the 16 th century	162
<i>Boris M. Gorelik</i>	
Russia's first peace-making initiative in response to the Anglo-Boer War of 1899–1902	175
<i>Egor E. Kochetkov, Anna A. Niklaus</i>	
Policy of optimizing the intraregional space of the Russian Federation: issues of asymmetrical federalism and spatial development	187

Scientific Life

<i>Ekaterina A. Arkhipova</i>	
The history of ethnic and confessional relations in Russia: Reflections on the book by M. Kizilov and G. Bondarenko "Old Believers and Jews. 300 years nearby". Moscow: NLO, 2024. 352 p.; il. (Series "Chto takoe Rossiya?")	218

Методология истории, источники, историография

УДК 930:325.111

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-12-20

Историческая урбанистика: методология и практика исследования городского пространства

Ирина П. Азерникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, azernikova.i@rggu.ru*

Аннотация. В статье представлена попытка анализа развития исторического урбанизма как междисциплинарного направления исследований. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к изучению процессов урбанизации в контексте необходимости осмысления исторического опыта развития городских пространств. Цель работы – исследование методологических подходов и исследовательских практик в области исторического урбанизма, включая анализ отечественных и зарубежных научных школ. В ходе исследования рассмотрены ключевые эпистемологические подходы к изучению городов, особое внимание уделено анализу малоизученных направлений, таких как концепция топофилии, гендерный подход и теория сельско-городского континуума. Научная новизна заключается в систематизации современных подходов к изучению урбанистических процессов и выявлении их взаимосвязей с историческими прецедентами. Основные выводы демонстрируют необходимость междисциплинарного подхода к изучению городских процессов и важность интеграции исторического опыта в решение современных урбанистических проблем. Исследование показывает, что понимание механизмов городской эволюции возможно только через комплексный анализ исторических прецедентов в контексте современных вызовов.

Ключевые слова: историческая урбанистика, краеведение, историко-культурное наследие, городская среда, историография, история городов, урбанизация, история XX–XXI вв.

Для цитирования: Азерникова И.П. Историческая урбанистика: методология и практика исследования городского пространства // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 12–20. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-12-20

© Азерникова И.П., 2026

Historical urban studies: Methodology and practice of urban space research

Irina P. Azernikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, azernikova.i@rggu.ru*

Abstract. This article attempts to analyse the development of historical urbanism as an interdisciplinary field of research. The relevance of the study is driven by the growing interest in examining urbanisation processes in the context of the need to comprehend the historical experience of urban space development.

The aim of the work is to explore methodological approaches and research practices in the field of historical urbanism, including an analysis of domestic and foreign academic schools. The study examines key epistemological approaches to the study of cities, with special attention given to understudied areas such as the concept of topophilia, the gender approach, and the theory of the rural-urban continuum.

The scientific novelty lies in the systematisation of modern approaches to the study of urban processes and the identification of their connections with historical precedents. The main conclusions demonstrate the necessity of an interdisciplinary approach to the study of urban processes and the importance of integrating historical experience into solving contemporary urban problems. The study shows that understanding the mechanisms of urban evolution is only possible through a comprehensive analysis of historical precedents in the context of modern challenges.

Keywords: historical urban studies, local history, historical and cultural heritage, urban environment, historiography, history of cities, urbanisation, history of the 20th – 21st centuries

For citation: Azernikova, I.P. (2026), “Historical urban studies: Methodology and practice of urban space research”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 12–20, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-12-20

Введение

Процесс развития городов и их влияние на становление человеческой цивилизации в разные периоды истории от древности до современности в последнее время стал популярной темой междисциплинарных исследований – от истории, социологии и географии до экономики и пр. В целом именно это направление можно

назвать историческим урбанизмом, который выступает важным инструментом для понимания глубинных механизмов городской эволюции, позволяя соотнести исторические прецеденты с актуальными проблемами урбанизации XXI в.

Современная отечественная историография исследования городов

В современной отечественной историографии исследования о городах, с одной стороны, укладываются в традиционную советскую и российскую школу краеведческих и регионоведческих исследований, с другой стороны, следуют глобальному процессу трактовки города с разных точек зрения – от социологии до искусствоведения.

Среди современных отечественных работ по историческому урбанизму особенно стоит отметить публикацию М.А. Пономаревой «История одного города: от глобальных изменений до повседневных практик» [Пономарева 2017]. В статье автор анализирует основные подходы к изучению процессов формирования и развития городов, «выявляет основные историографические школы, сравнивает различные этапы исследования городов, выявляет ключевые лакуны городского трансфера. Город в данном исследовании рассматривается как социально-культурный феномен, включающий в себя разнообразие структур и практик повседневности». Мария Александровна, проведя анализ различных региональных исследований в русле урбан-истории, приходит к выводу, что «отдельный город и каждый отдельный горожанин находятся в неразрывной связи общественных отношений, детерминированных как особенностями исторического развития, так и глобальными факторами» [Пономарева 2017, с. 19].

Если М.А. Пономарева подходит к урбанистике с точки зрения истории, то, например, статья доцента МГУ И.А. Вершининой посвящена эволюции основных идей социологии города – путь от социологических изысканий К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Зиммеля и М. Вебера до современной концепции глобальных городов [Вершинина 2012]. В вышедшем в 2012 г. исследовании автор верно указала, что идея глобальной урбанизации должна выйти за пределы Северной Америки и Европы в сторону так называемых развивающихся стран.

В процессе развития изучения городов сформировались различные методологические подходы и исследовательские практики. В основе научного познания лежат четыре ключевых эпистемоло-

гических подхода, которые определяют методы изучения городских процессов. Позитивистский подход основывается на строгой эмпирической проверке фактов и построении теорий через верификацию гипотез. В свою очередь, структуралистский подход исследует глубинные структурные связи и закономерности развития городов. Современный гуманистический подход фокусируется на человеческом опыте и восприятии городского пространства. И, конечно же, постструктуралистский подход, который анализирует городские процессы через призму деконструкции традиционных представлений и принятых мнений.

В современных междисциплинарных исследованиях все чаще можно наблюдать критику чрезмерной рационализации человеческого поведения и механистический подход к изучению городов. Ее представители акцентируют внимание на личностном восприятии пространства и историко-культурном значении городских территорий. Особо стоит отметить историко-биографические исследования, посвященные отечественным ученым, которые развивали науки о городе, например статья К.А. Страхова, посвященная Льву Александровичу Велихову, российскому общественному деятелю начала XX в., профессору Ростовского университета, теоретику муниципального управления городов [Страхов 2025]. Работа подтверждает ведущую роль ученого в развитии урбанистики в России, позиционируя его как первопроходца в этой сфере. «Л.А. Велихов понимал урбанистику как “науку о городе, а также искусство устройства городского хозяйства”, постулировал широкую междисциплинарность городской науки и выступил первым синтетическим ученым-урбанистом» [Страхов 2025, с. 150]. К.А. Страхов справедливо указывает, что в современной России позиции урбанистики как междисциплинарного поля исследований достаточно слабы: «популяризация урбанистики идет по пути девальвации междисциплинарной науки до попкультуры. Сложилась, в сущности, нелепая ситуация, когда “урбанистами” признаются любители мелкого благоустройства» [Страхов 2025, с. 152].

Начиная с 1980-х гг. в мире стала развиваться концепция *нового урбанизма*, которая предполагает «наличие традиционной иерархии в планировке и силуэте города, традиционных улиц с общественными функциями в первых этажах, приоритет пешехода, экологии и натуральных материалов» [Копылова 2023, с. 81].

Особое место в развитии нового урбанизма занимает концепция топофилии (любви к местности), введенная исследователем И-Фу Туаном и определяющая эмоциональную привязанность человека к определенной территории. В своих исследованиях ученый детально рассмотрел процессы формирования чувства дома и

малой родины, проанализировал механизмы эмоционального восприятия пространства и способы его осмысления индивидом. Его исследования привели к тому, что понятие «место» (place) заняло центральное положение в англо-американской историографии второй половины XX в., сменив традиционные категории региона и культурного ландшафта [Кибасова, Галкова 2020]. Согласно концепции американско-китайского исследователя, место представляет собой участок пространства, который приобретает смысл и значение в результате человеческого опыта взаимодействия с ним. Благодаря научным разработкам И.-Ф. Туана такие категории, как образ места, «гений места», чувство места и «дух места» стали неотъемлемыми элементами исследования и описания культурных ландшафтов [Лавренова 2023]. Его работы не только обогатили методологический инструментарий географической науки, но и способствовали формированию нового взгляда на взаимодействие человека с окружающей средой в контексте культурного и социального развития общества.

Концепцию топофилии можно сравнить с идеей «краелюбия» в научном наследии академика С.О. Шмидта, которая предстает как многогранное явление, объединяющее в себе не только эмоциональную привязанность к родному краю, но и глубокое знание его истории, культуры, а также активную гражданскую позицию. Ученый принципиально переосмыслил традиционное понимание краеведения, выйдя за рамки чисто научной дисциплины и представив его как фундаментальный инструмент формирования патриотического сознания и развития региональной идентичности.

В основе идеи краелюбия лежит комплексный подход к изучению региона, который включает в себя несколько ключевых аспектов. Прежде всего это историческая память, выступающая фундаментом формирования региональной идентичности. Не менее важным компонентом является культурное наследие, рассматриваемое как неисчерпаемый источник духовного развития общества. Особое место в концепции занимает социальная активность как практическое проявление гражданской позиции, неразрывно связанное с научно-исследовательской работой по познанию родного края. Методологическая база С.О. Шмидта строится на принципах междисциплинарного взаимодействия различных научных направлений и системного анализа исторических и современных процессов. Сигурд Оттович подчеркивал необходимость практической направленности исследований, что нашло отражение в развитии региональных музеев и архивов, создании краеведческих центров, организации образовательных программ и сохранении историко-культурного наследия.

Таким образом, концепция современного краеведения («крае-любия») Сигурда Шмидта представляет собой целостную систему взглядов на роль регионального компонента в развитии общества и формировании личности. Она демонстрирует, как через любовь к малой родине происходит становление более глубоких патриотических чувств и гражданской позиции, что делает ее особенно актуальной в современных условиях развития общества.

Зарубежная историография исследования городов

В зарубежной историографии, кроме вышеупомянутых, существует также гендерный или феминистский подход к исследованию города. Направление появилось в 1970-х гг., когда гендерные исследования были интегрированы в широкий спектр исторических, социологических, географических и прочих гуманитарных наук. Первоначально исследования базировались на трех основных эпистемологических подходах. В четвертом издании исследования по урбан-географии Д. Каплан и С. Холлоуэй [Kaplan, Holloway 2024] пишут, что значительным прорывом в урбанистике стали первые эмпирические работы, например исследование Хансон и Хансон, опубликованное в 1980 г. и посвященное анализу пространственной мобильности мужчин и женщин в шведском городе Уппсала [Hanson, Hanson 1980]. Исследование выявило существенное различие в пространственной активности работающих женщин и мужчин, что было подтверждено методами пространственного анализа. В 1980-х гг. направление получило значительное развитие и признание в научном сообществе. Авторы ссылаются на работы, подобные исследованиям М. Гилберт (Gilbert 1997) по феминизму в городской среде, подтверждая этим рост числа научных публикаций, увеличение количества докладов на конференциях и появление специализированной литературы, в которой исследователи начали активно изучать разнообразие женского опыта в городской среде и влияние различных структур неравенства на городские процессы. Методологическая база феминистского урбанизма эволюционировала от структуралистского подхода к более комплексному анализу. Каплан и Холлоуэй отмечают, что «особое внимание уделялось изучению взаимосвязи патриархальных и капиталистических структур, роли женщин в процессах социального воспроизводства, а также влиянию гендерного разделения труда на городскую пространственную организацию, включая процессы субурбанизации» [Kaplan, Holloway 2024, p. 14].

Таким образом, в зарубежной литературе феминистские городские исследования трансформировались из узкоспециализированного направления в важное исследовательское поле, существенно расширившее понимание городской среды и ее социальных аспектов, внесли значительный вклад в переосмысление традиционных представлений о городе как пространстве с выраженной гендерной спецификой.

Полидисциплинарность урбанистики – ключевая особенность этой научной сферы, отражающая ее многогранный характер, благодаря чему существуют самые разные подходы к исследованию организации городов.

Так, например, заслуживает отдельного внимания концепция сельско-городского континуума, которую приводят в своей работе Д. Каплан и С. Холлоуэй [Kaplan, Holloway 2024]. Данная идея, по факту, является методологическим подходом к классификации территориальных образований на основе их урбанизационных характеристик. Сельско-городской континуум работает с поселениями от полностью сельских до высокоурбанизированных, образуя таким образом спектр. На полюсах этого спектра располагаются два крайних типа территорий: сельские территории, которые характеризуются отсутствием признаков городской инфраструктуры и преимущественно аграрным укладом жизни. К ним можно отнести необжитые пространства и малонаселенные районы с преобладанием сельскохозяйственной деятельности. Противоположным полюсом выступают высокоурбанизированные территории, демонстрирующие максимальную степень городского развития.

Авторы указывают, что при классификации территориальных образований возникает необходимость детального анализа всех типов поселений: от малых сельских с минимальной инфраструктурной обеспеченностью, среднеразмерных населенных пунктов с элементами коммерческой и административной инфраструктуры, поселковых образований повышенного уровня развития, пригородных территорий различного типа застройки и др.

Особую сложность представляет классификация пригородных территорий, которые демонстрируют значительную вариативность. Исторически сложившиеся пригороды с высокой плотностью застройки имеют черты урбанизированных территорий, в то время как современные периферийные поселения с разреженной застройкой ближе к сельскому типу. Такой подход способствует глубокому пониманию процессов урбанизации и развития территориальных систем.

Заключение

Город – это не просто совокупность зданий и инфраструктуры, но сложный социокультурный феномен, требующий всестороннего изучения. В данной статье была предпринята попытка сравнения отечественных и зарубежных школ изучения городов – сопоставление советской/российской краеведческой традиции с глобальными урбанистическими исследованиями. Интеграции различных подходов и методов исследования открывает новые возможности для понимания города как сложного, многогранного явления. Проведенный анализ демонстрирует многогранность и сложность феномена урбанизации, а также ключевую роль междисциплинарного подхода в изучении процессов развития городов. Историческая урбанистика, объединяющая методы истории, социологии, географии, экономики и других наук, позволяет проследить эволюцию городских пространств – от древних поселений до современных мегаполисов – и выявить закономерности, актуальные для решения проблем XXI в.

Литература

- Вершинина 2012 – *Вершинина И.А.* Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 195–206.
- Кибасова, Галкова 2020 – *Кибасова Г.П., Галкова О.В.* Ландшафт в пространстве и пространство ландшафта (англо-американская историография) // Философия и культура. 2020. № 11. С. 59–71.
- Копылова 2023 – *Копылова Л.В.* Идеи нового урбанизма в России // Academia: Архитектура и строительство. 2023. № 1. С. 80–88.
- Лавренова 2023 – *Лавренова О.А.* Любовь и место: Памяти И-Фу Туана // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 58–67.
- Пономарева 2017 – *Пономарева М.А.* История одного города: от глобальных изменений до повседневных практик // Новое прошлое (The new past). 2017. № 3. С. 10–24.
- Страхов 2025 – *Страхов К.А.* Первый русский урбанист: К 150-летию Льва Александровича Велихова // Городские исследования и практики. 2025. Т. 10. № 2. С. 150–160.
- Gilbert 1997 – *Gilbert M.R.* Feminism and difference in urban geography // Urban Geography. Vol. 18. No. 2. 1997. P. 166–179.
- Hanson, Hanson 1980 – *Hanson S., Hanson P.* Gender and urban activity patterns in Uppsala, Sweden // Geographical Review. 1980. Vol. 70. P. 291–299.
- Kaplan, Holloway 2024 – *Kaplan D., Holloway S.* Urban geography. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2024. 528 p.

References

- Gilbert, M.R. (1997), “Feminism and difference in urban geography”, *Urban Geography*, vol. 18, no. 2, pp. 166–179.
- Hanson, S. and Hanson, P. (1980), “Gender and urban activity patterns in Uppsala, Sweden”, *Geographical Review*, vol. 70, pp. 291–299.
- Каплан, Д. и Холлоуэй, С. (2024), *Urban geography*, John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey, USA.
- Kibasova, G.P. and Galkova, O.V. (2020), “Landscape in space and space of the landscape (Anglo-American historiography)”, *Filosofiya i kul'tura*, no. 11, pp. 59–71.
- Kopylova, L.V. (2023), “Ideas of new urbanism in Russia”, *Academia: Arkhitektura i stroitel'stvo*, no. 1, pp. 80–88.
- Lavrenova, O.A. (2023), “Love and place. In memory of Yi-Fu Tuan”, *Geographical Environment and Living Systems*, no. 2, pp. 58–67.
- Ponomareva, M.A. (2017), “The story of a city: From global changes to everyday practices”, *Novoe proshloe (The new past)*, no. 3, pp. 10–15.
- Strakhov, K.A. (2025), “The first Russian urbanist: On the 150th anniversary of Lev Aleksandrovich Velikhov”, *Urban Studies and Practices*, vol. 10, no. 2, pp. 150–160.
- Vershinina, I.A. (2012), “Urban sociology: The roots and key concept”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, no. 1, pp. 195–206.

Информация об авторе

Ирина П. Азерникова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; azernikova.i@rggu.ru
ORCID ID: 0009-0007-0791-8438

Information about the author

Irina P. Azernikova, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; azernikova.i@rggu.
ORCID ID: 0009-0007-0791-8438

Общественное признание
в годы Первой мировой войны:
между благотворительностью и социальной политикой
(историография проблемы)

Светлана В. Букалова
*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
Орёл, Россия, STL1612@yandex.ru*

Аннотация. В статье сравниваются историографические подходы к освещению практик социальной поддержки в годы Первой мировой войны, оценивая их место в контексте общего развития социальной сферы в Российской империи. Особое внимание уделяется оценке участия государства в социальной помощи и определению соотношения связанных с государством и негосударственных институтов. Данная проблема лежит в русле изучения государственно-общественных взаимодействий и влияния войны на общественные отношения. Автор констатирует недостаточное внимание, отводимое сложившейся историографией российского тыла Первой мировой войны социально-управленческим аспектам и неопределенность используемой терминологии, вытекающую из неразвитости теоретических представлений о сути благотворительности и социальной политики, что приводит к расширительному использованию понятия благотворительности и недостаточному вниманию к процессам усиления государственного присутствия в социальной сфере. На основе применения предложенного М.В. Фирсовым алгоритма изучения исторической эволюции субъектов, объектов и идеологием социальной помощи сделан вывод о начале трансформации форм социальной помощи от благотворительности и общественного признания к государственной социальной политике на примере организации мер поддержки солдатских семей, сирот и инвалидов войны. Организационной основой предреволюционного этапа этого процесса стали всероссийские государственно-общественные структуры, патронировавшие членами императорской фамилии, которые осуществляли координацию и частично финансировали помощь пострадавшим категориям населения.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, благотворительность, общественное признание, социальная политика, социальная помощь, социальная работа, солдатские семьи, инвалиды войны, сироты

© Букалова С.В., 2026

Для цитирования: Букалова С.В. Общественное призрение в годы Первой мировой войны: между благотворительностью и социальной политикой (историография проблемы) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 21–43. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-21-43

Public custody during the World War I between charity and social policy (historiography of the problem)

Svetlana V. Bukalova

*The Central Russian Institute of Management – branch of the RANERA,
Orel, Russia, STL1612@yandex.ru*

Abstract. The article compares historiographical approaches to the coverage of social support practices during the World War I, assessing their place in the context of social sphere development in the Russian Empire. Special attention is paid to assessing the state's participation in social assistance and determining the ratio of state-related and non-state institutions. This issue lies in the course of studying the impact of war on public relations. The author notes the insufficient attention given by the present historiography of the Russian rear of the World War I to the socio-managerial aspects and the uncertainty of the terminology used, resulting in incomplete theoretical ideas about the essence of charity and social policy, which leads to the extensive use of the concept of charity and insufficient attention to the processes of expanding state presence in the social sphere. Based on the application proposed by M.V. Firsov's algorithm for studying the historical evolution of subjects, objects and ideologues of social assistance concluded that the beginning of the transformation of the forms of social assistance from charity and public charity to state social policy was based on the example of organizing support measures for soldiers' families, orphans and war invalids. The organizational basis of the pre-revolutionary stage of this process was the All-Russian quasi-state structures patronized by members of the imperial family, who coordinated and partially financed assistance to the affected categories of the population.

Keywords: Russian Empire, World War I, charity, public charity, social policy, social assistance, social work, soldiers' families, war invalids, orphans

For citation: Bukalova, S.V. (2026), "Public custody during the World War I between charity and social policy (historiography of the problem)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 21–43, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-21-43

Введение

Длительное время государство не исполняло социальных функций непосредственно. По мере модернизации общественных отношений потребность в оптимизации количественных и качественных показателей социальных процессов потребовала активизации роли государства в социальной сфере.

Период Первой мировой войны в Российской империи связан с трансформацией социальной роли государства. Были введены выплаты казенных пособий для семей мобилизованных, возникли специализированные структуры, занятые удовлетворением нужд солдатских семей, беженцев, сирот и инвалидов войны. Логичным завершением этого процесса стало появление в составе Временного правительства Министерства государственного призрения. Таким образом, предреволюционный период Первой мировой войны занимает важное место в процессе усиления роли государства в социальной сфере и становления государственной социальной политики современного типа.

Осмысление роли государства в социальной сфере и несоответствия благотворительных механизмов социальным проблемам привлекало внимание общественных деятелей начала XX в., что нашло свое воплощение в проведении Министерством внутренних дел Съезда по общественному призрению в мае 1914 г. Рефлексия относительно новаций, вызванных мировой войной, была представлена главным образом в публикациях С.К. Гогеля, издававшего журнал «Призрение и благотворительность в России»¹. В послереволюционный период концепция организации социальной сферы радикально изменилась, власть перешла к реализации модели государственного социального обеспечения. Изучение советскими историками последних лет существования Российской империи отличалось значительным догматизмом и практически не включало обращения к социальной проблематике.

В постсоветский период произошло «воскрешение» благотворительности как социальной практики, что сделало востребованным освещение ее исторического опыта. Более разнообразной стала и тематика исследований истории России начала XX в. По-

¹ *Гогель С.К.* Верховный Совет и Комитет с отделениями по призрению семей лиц, призванных на войну, а также раненых и павших воинов // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 597–603; *Он же.* К чему пришли на съезде в Москве по вопросам призрения детей в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 3. С. 119–129.

явились работы, посвященные благотворительным институциям периода Первой мировой войны, организации помощи беженцам, раненым, детям-сиротам; гуманитарная тематика затрагивается в диссертациях и статьях региональных исследователей. Однако сложившаяся отечественная историография проблем тыла Первой мировой войны не выработала системного представления об эволюции в этот период организации социальной сферы; сам факт существования социальной политики в предреволюционной России подвергается сомнению.

Можно констатировать значительное разнообразие в терминологии, лежащей в основе исследования проблем социальной сферы. Авторы строят свои работы на понятиях благотворительности (в том числе государственной), филантропии, общественного и государственного призрения, социальной деятельности, социальной помощи, социальной работы, по-разному передавая их содержание и соотношение. Подобный смысловой плюрализм можно связать с многоликостью самого процесса социальной помощи: мотивы акторов могли быть как альтруистическими, так и сугубо прагматическими, а также иметь политическую окраску [Бауэркемпер 2021, с. 18].

Таким образом, терминологический аппарат, сложившийся в работах постсоветских исследователей истории социальной политики, должен быть приведен в более точное соответствие с сущностью обозначаемых понятий, позволяя полнее раскрыть содержание процессов, происходивших в годы Первой мировой войны в социальной сфере.

Основная часть

Для прояснения проблемы следует дать определение исследуемому явлению. В современном российском законодательстве отсутствует нормативное определение социальной политики. Представляется наиболее продуктивным рассмотрение этого феномена в рамках двух подходов – широкого и узкого, разработанных Т.Ю. Сидориной и принятых в учебной литературе [Сидорина 2005а, с. 20–21; Сидорина 2005б]². В широком смысле социальная политика – это упорядочивающее воздействие государства на сферу общественных отношений. В узком смысле социальная поли-

² *Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю.* Социальная политика: учеб. пособие. Москва, 2004; *Сидорина Т.Ю.* История и теория социальной политики: учеб. пособие. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ВШЭ, 2012.

тика сводится к смягчению негативных последствий социальных рисков и социального неравенства через перераспределительные практики. В целях нашего исследования мы будем опираться на узкое определение социальной политики как мер поддержки со стороны общества в адрес отдельных его членов, пострадавших от воздействия связанных с войной факторов.

Проблематика развития социальной сферы долгое время не получила отражения ни в обобщающих [Мировые войны... 2002; Война и общество... 2008], ни в справочных работах по истории Первой мировой войны³. В коллективной монографии «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис» социальные процессы раскрываются как изменения в социально-демографической структуре общества, а решение социальных проблем отнесено к разделу «Общество в годы войны», что как бы «выносит за скобки» присутствие государства в этой сфере [Иванова 2014, с. 188–260; Туманова 2014, с. 425–446; Ульянова 2014а, с. 447–469]. В 11-м томе фундаментальной «Истории России», подготовленном коллективом авторов под эгидой Института российской истории РАН, появился параграф «Каритативные инициативы власти и общества», автором которого стала Т.Г. Леонтьева [Леонтьева 2024, с. 292–316]. Будучи специалистом по истории Русской православной церкви, она разделяет религиозную каритативную деятельность и светскую филантропию, говоря о том, что их слияние в годы войны свидетельствовало бы о жизнеспособности общественно-политической системы. Также Т.Г. Леонтьева противопоставляет низовую благотворительность филантропической деятельности «образованного общества», ставя вопрос о разных мотивировочных основаниях церковной и светской, народной и аристократической благотворительности. В практиках военной благотворительности автор видит столкновение двух подходов: демонстративно-ритуального и собственно каритативного, констатируя, что покровительствуемая императорской фамилией благотворительная деятельность стала фасадом патерналистской системы, превратившись в патриотический ритуал. Т.Г. Леонтьева приходит к заключению, что благотворительность не приобрела общегражданского характера, чему препятствовал глубокий культурный раскол между элитой и народными массами. Таким образом, итоги современного уровня

³ Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия: В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2014; Первая мировая война: Энциклопедический словарь / рук. проекта А.О. Чубарьян; отв. ред. Е.Ю. Сергеев; Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Весь мир, 2014.

академической рефлексии процессов в социальной сфере периода Первой мировой войны не выходят за рамки благотворительной (карикативной, филантропической) парадигмы.

Такое положение можно объяснить несформированностью теоретических представлений об исторических процессах институционализации социальной политики. Немногочисленные авторы, которые обращались к ретроспективным исследованиям социальной проблематики, стараются избегать использования термина «социальная политика». Здесь же следует отметить абсолютное преобладание формы диссертационных исследований генезиса социальной политики в России, что вынуждает в историографическом анализе опираться на статьи, опубликованные в процессе подготовки диссертаций.

И.Ю. Ташбекова, характеризуя государственную политику в социальной сфере во второй половине XIX – начале XX в., определяет ее как более широкое понятие по отношению к собственно государственной социальной политике. По мнению автора, социальная политика направлена на воспроизводство личности, выступая гарантией ее материального и духовного благополучия, тогда как политика в социальной сфере является средством обеспечения политической и социальной стабильности в рамках существующей системы отношений [Ташбекова 2009, с. 44–46]. Рассматривая заключительный этап исторической эволюции государственной политики Российской империи в социальной сфере, И.Ю. Ташбекова выделяет значимую роль местного самоуправления и заметное развитие социальной инфраструктуры [Ташбекова 2010, с. 136], не замечая качественных изменений, связанных с периодом Первой мировой войны.

Ю.Н. Малека предлагает в качестве базового концепт социальной деятельности государства, которая представлена как деятельность государственных органов по управлению социальными процессами, включающая в себя общественное и государственное призрение, социальную защиту, социальное обеспечение и социальную работу [Малека 2012, с. 5–9]. В хронологическом изложении развития системы управления социальными процессами периода абсолютизма от Петра I до реформ Временного правительства качественные особенности этапа Первой мировой войны не нашли отражения, будучи растворенными в пореформенном этапе эволюции социальной деятельности. Его содержание Ю.Н. Малека очень размыто определяет как формирование «государственной системы социальной деятельности с различными видами частной и общественной благотворительности» [Малека, Антонова 2014, с. 5–8].

В качестве альтернативы понятию социальной политики в отечественной историографии используется категория социальной помощи как осовремененный смысловой аналог общественного признания. Так, С.Ч. Мантурова, рассматривая практики государственного признания и благотворительности в Забайкалье на рубеже веков, определяет признание как культурно-исторические практики социальной помощи. Становление государственного признания автор связывает с развитием местных организационных структур помощи, административных форм управления и законодательной базы, регламентирующей взаимоотношения между государством и различными социальными группами. Государство при этом брало на себя функции наблюдения, контроля и законодательного регулирования [Мантурова 2005, с. 4–5, 218].

В расширительной трактовке деятельность по оказанию социальной помощи, реализуемая не только государством, но и обществом, может отождествляться с социальной работой. В настоящее время социальная работа понимается как сфера профессиональной деятельности, имеющая свои теоретические основы [Задворнова 2000, с. 142–143]. Появились и учебные курсы по истории социальной работы, однако, как будет показано ниже, они не лишены существенных недостатков.

М.В. Фирсов предложил получившую признание периодизацию истории социальной работы, подразделив ее на общинный и церковный периоды, период государственной благотворительности, советский период социального планирования и современный период социальной работы. Период «государственной благотворительности» охватывает XVIII – начало XX в. и характеризуется становлением сословной помощи, появлением светских благотворительных объединений, государственной регламентацией предоставления помощи. М.В. Фирсов раскрывает его сущность как как «*общественное признание и частная благотворительность*», отражая рост влияния на оказание социальной помощи как государства, так и гражданского общества [Фирсов 2005, с. 65–70].

Ю.А. Шестаков, раскрывая понятие «государственной благотворительности», связывает его с индустриальной цивилизацией Нового времени, в которой основным организатором и координатором социальной помощи, а также и главным помогающим субъектом становится централизованное бюрократическое государство. При этом относительно пореформенной России автор выделяет государственно-земскую, корпоративную, конфессиональную и общинную социальную помощь, а также благотворительность. От-

носителем последней констатируются изменения как идеологии благотворительности, так и ее организационных форм, выделяется деятельность благотворительных организаций, «находившихся под государственным контролем»⁴.

В.Д. Ширшов также определяет внецерковное, светское социальное признание, возникающее в России в эпоху Петра I, как «государственную благотворительность» и полагает, что уже в петровское время появилась жесткая централизованная система помощи и поддержки, которая включала и образование. По мнению автора, в начале XX в. «общественная благотворительность не претерпевает существенных изменений»⁵.

Как мы видим, неопределенность представлений об исторических формах социальной политики в России не позволяет провести четкие границы между государственным участием и благотворительными практиками в социальной сфере. На такие же недостатки в отношении благотворительности указывает и А.С. Шабуров. Он отмечает несформированность правовой базы, способной дать точное определение благотворительной деятельности [Шабуров 2017, с. 148–168].

Т.Е. Покотилова рассматривает благотворительность в качестве механизма социальной помощи. Она определяет светскую благотворительность в качестве сферы реализации некоторых функций государства как социального института. Автор уделяет особое место генезису организованной благотворительности, в которой реализовывалась нормативно-санкционирующая и стабилизирующая роль государственного управления, нашедшая свое выражение в «учреждениях, на особых основаниях управляемых», имевших полуобщественный полугосударственный характер – Ведомстве учреждений императрицы Марии, Императорском человеколюбивом обществе и др. [Покотилова 1998, с. 6–7, 87].

Сама по себе благотворительная деятельность как проявление альтруистических и гуманистических ценностей является элементом гражданского общества, т. е. принадлежит к негосударственной сфере общественных отношений. Роль государства относительно благотворительности и место благотворительности в осуществлении социальных функций государства раскрывается через правовое регулирование государством благотворительной сферы. Именно эту функцию государства иногда ошибочно называют

⁴ Шестаков Ю.А. История социальной работы: учеб. пособие. М., 2021. С. 13, 126, 128.

⁵ Ширшов В.Д. История социальной работы: учеб. пособие. М., 2020. С. 150, 152, 192.

«государственной благотворительностью» [Шабуров 2017, с. 152]⁶. По нашему мнению, такой термин в принципе некорректен, так как объединяет в себе два различных по своей природе понятия. Ту же позицию занимают В.И. Шарин и В.А. Дегтерев, проанализировавшие данную проблему на примере античных традиций филантропии [Шарин, Дегтерев 2010, с. 218].

Финансовая поддержка благотворительной деятельности, осуществляемая государством, не может считаться благотворительностью, поскольку она ведется за счет средств налогоплательщиков. Такая поддержка представляет собой форму осуществления социальной функции государства, т. е. реализации социальной политики, организационной основой которой выступает не государственный аппарат, а общественные объединения. Особенностью взаимодействия государства и общества в социальной сфере Российской империи начала XX в. является присутствие в ней в роли благотворителей и покровителей благотворительных обществ членов императорской фамилии. Восхищаясь крупными пожертвованиями членов Дома Романовых на благотворительные цели, следует иметь в виду, что сами они на основании «Положения об Императорской фамилии» от 1885 г. получали содержание из государственной казны и из удельных сумм. Та заметная роль, которую играли родственники императора в социальной сфере, подчеркивает значение императорской фамилии как политического института.

Таким образом, взаимодействие государства и общества в социальной сфере и сочетание в ней государственных и общественных элементов помощи нуждается в дальнейшем осмыслении. Как было показано, большинство авторов не выделяют функции государства в регулировании социальной сферы. Не только изменения, происходившие в этом отношении в годы Первой мировой войны, но и обусловленные ею задачи социальной помощи, новые формы социальной работы не получили освещения в учебной литературе.

Это не удивительно, ведь число исследований, предметом которых является социальная сфера Первой мировой войны, невелико. Прежде всего это монография И.П. Павловой [Павлова 2003]. Она остается единственной опубликованной работой, специально посвященной данной проблематике. В качестве предмета изучения в ней выступает социальное попечение как род общественной

⁶ Государственная благотворительность // Благотворительный фонд «Подари шанс». Официальный сайт. URL: <https://chance.su/850-gosudarstvennaja-blagotvoritelnost.html> (дата обращения: 17.01.2024).

деятельности – общественная помощь нуждающимся – и роль государственных органов в социальном попечении. Вслед за современниками И.П. Павлова выделяет «общественное призрение» органов местного самоуправления, «государственное призрение» приказов общественного призрения и «частное призрение» благотворительных обществ.

За рамками этой классификации остаются «учреждения, на особых основаниях управляемые» – между тем находящиеся в их ведении заведения были важным элементом социальной сферы. Отчасти этот пробел закрывают работы Н.Л. Матвеевой [Матвеева 2004а; Матвеева 2004б], которой удалось показать, что создание новых именных благотворительных комитетов в годы войны лежало в русле принятой политики в социальной сфере: провалы в системе социальной поддержки власть стремилась компенсировать созданием особых организаций под эгидой царской семьи.

В большинстве случаев авторы, касающиеся социальных гарантий для жертв войны, рассматривают их через призму благотворительности, игнорируя принципиальные изменения, происходившие в данной области. Так, в статье А.Н. Грицаевой, освещающей изменения, произошедшие в годы войны в области общественного призрения, приведена краткая характеристика мер помощи пострадавшим. Перечисляя структуры, возникшие с началом Первой мировой войны, А.Н. Грицаева по умолчанию считает их благотворительными, а помощь пострадавшим от военных действий однозначно определяет как благотворительность. Тем самым к благотворительным организациям оказались причислены, в частности, Земский союз и Союз городов, Елизаветинский комитет [Грицаева 2008, с. 118–122]. Таким образом, не выделена сущностная разница между организациями помощи жертвам войны принципиально разного правового статуса.

Здесь стоит остановиться на том, что в работах, посвященных конкретным сюжетам оказания помощи разным группам пострадавших, авторы, следуя за фактическим материалом, отмечают участие государства и квазиобщественных структур в этой помощи. Наиболее обширна историография беженской проблемы. Пионеры в освещении этой темы – В.В. Хасин и И.П. Щеров [Хасин 1999; Щеров 2001] – исследуют ее через призму миграционной политики, априори подразумевающей участие государства. В ходе формирования системы органов, занимавшихся решением миграционных проблем, осуществлялось взаимодействие и распределение полномочий между государственными и общественными организациями, центральными и местными властями. Наиболее

подробно законодательное регулирование, организация и формы деятельности правительственных, общественных и благотворительных организаций помощи беженцам проанализированы в диссертации Д.Г. Цовяна [Цовян 2005]. Автор приходит к выводу, что правительство не создало единой государственной системы управления беженской помощью, что сместило акцент на деятельность общественных организаций. В обширном исследовании цикла вынужденной миграции И.Б. Белова рассматривает процесс формирования и функционирования системы обеспечения нужд беженцев в тыловых губерниях [Белова 2014]. В ее монографии отмечается, что в комплекс государственных мероприятий по беженскому делу входила его правовая регламентация и финансовое обеспечение, а элементами системы попечения о беженцах выступали местная административно-исполнительная власть, органы самоуправления, благотворительные организации всех уровней при поддержке населения.

Таким образом, система помощи беженцам оценивается как государственно-общественная. Центральное место в ней занимал Татьянинский комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Один из первых исследователей беженства А.А. Курцев отмечает правительственную поддержку и широкие государственные субсидии, предоставлявшиеся Татьянинскому комитету, а также важную координирующую функцию его отделений, возглавлявшихся губернаторами, но все же именует Комитет «крупнейшей общественной благотворительной организацией по оказанию помощи беженцам» [Курцев 1999, с. 130]. Цикл публикаций о работе Татьянинского комитета принадлежит аспиранту Санкт-Петербургского института истории РАН И.Н. Васильеву [Васильев 2021; Васильев 2022а; Васильев 2022б]. Он указывает, что с принятием Закона об обеспечении нужд беженцев от 30 августа 1915 г. государство приняло на себя основные обязанности их обеспечения, при этом Татьянинский комитет продолжил свое существование, сосредоточив под своим началом несколько важнейших направлений помощи беженцам, в первую очередь – их регистрацию. Такой подход И.В. Васильев объясняет опытом деятельности Татьянинского комитета в качестве связующего звена между государственными и общественными учреждениями [Васильев 2023, с. 55–56], наличием административного ресурса, а также его большей лояльностью власти.

А.А. Хитров оценивает решение беженской проблемы через призму взаимодействия власти и общества, необходимого для мобилизации ресурсов государства на ведение войны [Хитров 2023]. Форму благотворительной организации автор считает наи-

более удачной для привлечения пожертвований, сотрудничества с широкими общественными кругами и обеспечения гласности и прозрачности работы. Татьянинский комитет автор причисляет к организованной благотворительности и «благотворительному социальному попечению».

Освещение механизмов поддержки солдатских семей также основывается на законодательном закреплении государственных гарантий семьям нижних чинов российской армии и дополнительной к казенному пайку помощи, которая имела факультативный характер и осуществлялась из благотворительных источников, за счет средств местного самоуправления, а также при финансовом участии Елизаветинского комитета, получавшего, в свою очередь, средства из казны. В одной из первых публикаций, подробно анализирующих систему призрения нижних чинов, П.П. Щербинин и Н.Л. Пушкарёва оценивают ее как входящую в рамки модели прогрессивной социальной работы при преобладании государственных агентов социальной политики [Пушкарёва, Щербинин 2005, с. 160]. Акцент на правовое регулирование помощи солдатским семьям и особенности его применения сохраняется и в новейших публикациях на эту тему [Разумная 2024а; Разумная 2024б]. О.С. Поршнева, Н.Н. Кайдышева конкретизируют благотворительные социальные практики пермского крестьянства в годы Первой мировой войны, направленные на помощь односельчанам, фронту и раненым. Заслугой авторов является выделение институтов вовлечения сельских жителей в благотворительную деятельность, таких, как церковно-приходские попечительства, земства, кооперативы [Поршнева, Кайдышева 2025].

Благотворительная активность в годы Первой мировой войны непосредственно связывается современными исследователями с патриотическими ценностными ориентациями. И.Н. Литвинова и О.А. Карагодина называют годы Первой мировой войны «вершиной общественной филантропии со свойственным данному времени небывалым подъемом патриотических чувств» [Литвинова, Карагодина 2024, с. 235]⁷. Показывая разнообразие благотворительных практик в Кубанской области, Ш.Ж. Рамазанов выделяет среди них помощь фронту и раненым, отмечая, что эти мероприятия способствовали сплочению общества и являлись одной из важнейших форм проявления патриотизма [Рамазанов 2024].

⁷ Исследование И.Н. Литвиновой и О.А. Карагодиной выполнено в рамках поддержанного РНФ проекта «Волонтерские и благотворительные практики российского общества в экстремальных условиях жизнедеятельности (первая четверть XX и XXI вв.): сравнительный анализ».

А.М. Филатов вводит понятие военно-патриотической благотворительности, опыт которой востребован в современных условиях [Филатов 2024а; Филатов 2024б]. Н.Н. Кайдышева определяет мотивы активизации благотворительности как патриотические и религиозные [Кайдышева 2016].

Тему благотворительности развивают и конкретизируют публикации, посвященные социальному служению Русской православной церкви в годы войны. Перечисляются разнообразные формы активности клира, направленные на помощь прихожанам, раненым и фронту [Гусева, Михалкович 2024; Иконников 2024]. Субъективно эта деятельность, в наибольшей степени соответствующая христианским ценностям, оценивается, разумеется, положительно, но американский историк Грегори Фриз справедливо указывает, что крайне ограниченные материальные ресурсы церковной организации делали ее эффективность номинальной [Freeze 2023].

Свойственная для текущего периода идеализация и идеологизация предреволюционной благотворительности создают резкий контраст с нарративом экономического и социального кризиса, усталости общества от войны и отчуждения от власти, создавшими благоприятную почву для революционных процессов.

В то же время Г.Н. Ульянова отмечает, что понятие благотворительности не вполне применимо к социальной деятельности периода Первой мировой войны [Ульянова 2014б, с. 235]. Таким образом, стоит задача более четкого определения содержания дефиниций «благотворительность», «социальная политика», «общественное признание» и их соотношения между собой.

В основу может быть положен предложенный автором фундаментального курса по истории социальной работы М.В. Фирсовым алгоритм изучения исторической эволюции субъектов, объектов и идеологием социальной помощи⁸. Применяя данный алгоритм к организации фактического материала в исследуемой сфере, можно заметить процессы оформления правового статуса групп получателей помощи (принятие законов «О пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства», «О признании нижних воинских чинов и их семейств», «Об обеспечении нужд беженцев»; разработка законов о военных инвалидах и солдатских сиротах). Субъекты предоставления мер поддержки пострадавших организовывались вокруг Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов

⁸ Фирсов М. В. История социальной работы: учеб. пособие. М., 2021. С. 11–16.

и Елизаветинского комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну как исполнительной структуры Совета по призрению. Росло значение государственного финансирования, распределяемого через указанные организации. Религиозные идеологемы благотворительности сменялись идеологемами социальной солидарности.

Заключение

В годы Первой мировой войны в Российской империи складывалась централизованная полисубъектная система социальной помощи жертвам войны, которые постепенно приобретали универсальные гарантии государственной поддержки. Можно сделать вывод об институционализации социальной политики, которая определяется появлением правовых норм и организационных структур, на основе которых складываются устойчивые, воспроизводящиеся общественные отношения, отвечающие определенным ценностям общества. Инициативная, активная роль в этой сфере принадлежала государственной власти, которая шла по пути мобилизации общественных ресурсов для решения социальных проблем, порожденных войной.

Такой подход отражает плюралистичность социальной сферы дореволюционной России, в которой действовали акторы разной правовой природы, и требует концептуализации введенного в научный оборот фактического материала и достижения консенсуса относительно понятий, отражающих процессы в социальной сфере, и переосмысления подходов к изучению социальных практик Первой мировой войны в общем процессе эволюции социальной функции государства.

Литература

- Бауэркемпер 2021 – *Бауэркемпер А., Вурцер Г., Ростиславлева Н.В.* Гуманитарная помощь гражданским пленным в России и Германии: Акторы и реценция (1914–1918 гг.) // Новый исторический вестник. 2021. № 3 (69). С. 10–25.
- Белова 2014 – *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России: 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 431 с. (АИРО-Монография; т. 36)
- Васильев 2021 – *Васильев И.Н.* Регистрация и учет беженцев Татьянинским комитетом на территории Петроградской губернии (осень 1915 – весна 1917 г.) // Студент – Исследователь – Учитель: Материалы 22-й Межвузовской сту-

- денческой научной конференции (Санкт-Петербург, 1 апреля 2020 г.). СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. С. 340–345. EDN OUCCAK
- Васильев 2022а – *Васильев И.Н.* Деятельность Юридического бюро (Бюро справок) Татьянинского комитета // Герценовские чтения 2021: Актуальные проблемы русской истории: сб. научных и учебно-методических трудов / отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 239–243. EDN BWUVVM
- Васильев 2022б – *Васильев И.Н.* «Беженские выставки» Татьянинского комитета // XVII Петербургские военно-исторические чтения: Всероссийская научная конференция (Санкт-Петербург, 17 марта 2021 г.) / ред. Д.А. Бажанов, А.М. Захаров. СПб.: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2022. С. 115–120. EDN YSUEJP
- Васильев 2023 – *Васильев И.Н.* Деятельность Бюро сношений Татьянинского комитета (1915–1917 гг.) // XVIII Петербургские военно-исторические чтения: к 350-летию со дня рождения Петра I: сб. научных статей Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26 марта 2022 г.) / ред. Д.А. Бажанов, А.М. Захаров. СПб.: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2023. С. 52–58. EDN IANCCS
- Война и общество... 2008 – Война и общество в XX в.: В 3 кн. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / отв. ред. С.В. Листиков. М.: Наука, 2008. 610 с.
- Грицаева 2008 – *Грицаева А.Н.* Испытания отечественной благотворительности в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 118–122.
- Гусева, Михалкович 2024 – *Гусева Т.М., Михалкович Н.Ю.* Социальное служение православной церкви на территории Пензенской епархии в годы Первой мировой войны // Центр и периферия. 2024. Т. 19. № 3. С. 43–49. EDN JBMXYQ
- Задворнова 2000 – *Задворнова Е.Е.* Теоретико-методологические подходы к изучению истории социальной работы // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. Т. 8. № 1. С. 142–143.
- Иванова 2014 – *Иванова Н.А.* Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. С. 188–260.
- Иконников 2024 – *Иконников С.А.* Вклад приходского духовенства в поддержку населения и армии в годы Первой мировой войны (на примере центрально-черноземных губерний России) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2024. № 4. С. 36–42. EDN GBWFCS
- Кайдышева 2016 – *Кайдышева Н.Н.* Благотворительная деятельность в Пермской губернии в годы Первой мировой войны: 1914 – февраль 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016. 325 с.

- Курцев 1999 – *Курцев А.Н.* Беженство // Россия и I мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 129–147.
- Леонтьева 2024 – *Леонтьева Т.Г.* Каритативные инициативы власти и общества // История России: В 20 т. Т. 11: Империя, война, революция: 1914–1917 г. Кн. 1: От войны к краху империи / отв. ред. В.П. Булдаков; Ин-т российской истории РАН. М.: Наука, 2024. С. 292–316.
- Литвинова, Карагодина 2024 – *Литвинова И.Н., Карагодина О.А.* Благотворительные и волонтерские практики периода Первой мировой войны в отношении раненых воинов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-4 (97). С. 52–56. DOI 10.24412/2500-1000-2024-10-4-52-56
- Малека 2012 – *Малека Ю.Н.* Особенности формирования социальной политики в России: историко-социологический анализ // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 4 (104). С. 5–9.
- Малека, Антонова 2014 – *Малека Ю.Н., Антонова Т.Н.* Социальная политика в Российском государстве: истоки формирования (историко-политический анализ) // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2014. № 3. С. 5.
- Мантурова 2005 – *Мантурова С.Ч.* Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. Улан-Удэ: Республиканская тип., 2005. 230 с.
- Матвеева 2004а – *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 189 с.
- Матвеева 2004б – *Матвеева Н.Л.* Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 106 с.
- Мировые войны... 2002 – Мировые войны XX в.: В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / под ред. Г.Д. Шкундина. М.: Наука, 2002. 686 с.
- Павлова 2003 – *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: Красноярский государственный аграрный ун-т, 2003. 150 с.
- Покотилова 1998 – *Покотилова Т.Е.* Теоретико-методологический и историографический аспекты феномена российской благотворительности. Ставрополь: Ставропольский государственный ун-т, 1998. 96 с.
- Поршнева, Кайдышева 2025 – *Поршнева О.С., Кайдышева Н.Н.* Участие Уральского крестьянства в благотворительной деятельности в условиях Первой мировой войны (по материалам Пермской губернии) // Уральский исторический вестник. 2025. № 3 (88). С. 176–184. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-176-184
- Пушкарёва, Щербинин 2005 – *Пушкарёва Н.Л., Щербинин П.П.* Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.
- Разумная 2024а – *Разумная Н.Н.* Помощь инвалидам и семьям солдат в годы Первой мировой войны // Военно-исторические аспекты жизни Юга России

- XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: Материалы VI Международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (Волгоград, 27–28 сентября 2024 г.). Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 2024. С. 169–175.
- Разумная 2024б – *Разумная Н.Н.* Социальное обеспечение вдов и сирот в годы Первой мировой войны // Регионы России в военной истории страны: сб. материалов VI Всероссийской научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 13–14 ноября 2024 г.) / ред.-сост. О.А. Кошкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. С. 170–179. EDN EOLSSI
- Рамазанов 2024 – *Рамазанов Ш.Ж.* Патриотизм в годы Первой мировой войны: к истории благотворительности на Кубани // Современная научная мысль. 2024. № 6. С. 76–81. DOI: 10.24412/2308-264X-2024-6-76-81
- Сидорина 2005а – *Сидорина Т.Ю.* Социальная политика – попытка философской интерпретации // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 20–29.
- Сидорина 2005б – *Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. 441 с.
- Ташбекова 2009 – *Ташбекова И.Ю.* Теоретико-правовые основы социальной политики государства // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 44–46.
- Ташбекова 2010 – *Ташбекова И.Ю.* Историко-правовой аспект реформирования социальной сферы в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Курского государственного технического университета. 2010. № 4 (33). С. 132–138.
- Туманова 2014 – *Туманова А.С.* Общественные организации // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. С. 424–445.
- Ульянова 2014а – *Ульянова Г.Н.* Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. С. 446–468.
- Ульянова 2014б – *Ульянова Г.Н.* Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг. // Россия в годы Первой мировой войны: 1914–1918: Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 ноября 2014 г.) / отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М.: Ин-т российской истории РАН, 2014. С. 230–237.
- Филатов 2024а – *Филатов А.М.* Военно-патриотическая благотворительность в России: сравнительный анализ по основным направлениям в годы Первой мировой войны, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в ходе специальной военной операции // Гуманитарный вестник ВА РВСН. 2024. № 3 (37). С. 14–31.
- Филатов 2024б – *Филатов А.М.* Благотворительность как проявление патриотизма гражданами России (от Первой мировой войны до специальной военной операции) // Военный академический журнал. 2024. № 3 (43). С. 112–122. EDN ROHPRU

- Фирсов 2005 – *Фирсов М.В.* История социальной работы в России: тенденции становления // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. статей / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 65–70.
- Хасин 1999 – *Хасин В.В.* Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну: По документам Нижнего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. Саратовский государственный университет. Саратов, 1999. 189 с.
- Хитров 2023 – *Хитров А.А.* Помощь беженцам в России в период Первой мировой войны: Татьянанский комитет // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 5 (127). DOI: 10.18254/S207987840026830-2
- Цовян 2005 – *Цовян Д.Г.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Государственный университет управления. М., 2005. 216 с.
- Шабуров 2017 – *Шабуров А.С.* Благотворительность в условиях социального государства // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 3. С. 148–168.
- Шарин, Дегтерев 2010 – *Шарин В.И., Дегтерев В.А.* «Государственная филантропия»: к вопросу о понятии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 6 (82). С. 215–218.
- Щеров 2001 – *Щеров И.П.* Военная миграция в России, 1914–1922 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Смоленск, 2001. 512 с.
- Freeze 2023 – *Freeze G.L.* Imperial Russia as a failed state: the role of Orthodox Church // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Вып. 1 (68). С. 67–81.

References

- Baujerkämper, A., Wurzer, G. and Rostislavleva, N.V. (2021), “Humanitarian aid to civilian prisoners in Russia and Germany: Actors and reception (1914–1918)”, *Novyi istoricheskii vestnik*, vol. 69, no. 3 (69), pp. 10–25.
- Belova, I.B. (2014), *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voyny v Rossii: 1914–1925 gg.* [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the World War I in Russia: 1914–1925], AIRO-XXI, Moscow, Russia. (AIRO-Monografiya; vol. 36)
- Filatov, A.M. (2024), “Military-patriotic charity in Russia: comparative analysis of the main trends during the World War I, the Great Patriotic War of 1941–1945, during a special military operation”, *Gumanitarnyi vestnik VA RVSU*, vol. 37, no. 3, pp. 14–31.

- Filatov, A.M. (2024), "Charity as a manifestation of patriotism by Russian citizens (from the World War I to a special military operation)", *Voennyi akademicheskii zhurnal*, vol. 43, no. 3, pp. 112–122.
- Firsov, M.V. (2005), "The history of social work in Russia: trends of formation", in Romanov, P.V. and Yarskyaya-Smirnova, E.R., eds., *Nuzhda i poryadok: istoriya sotsial'noi raboty v Rossii, XX v.: Sbornik nauchnykh statei* [Need and order: the history of social work in Russia, 20th century. Collected scientific articles], Nauchnaya kniga, Tsentr sotsial'noi politiki i gendernykh issledovaniy, Saratov, Russia, pp. 65–85.
- Freeze, G.L. (2023), "Imperial Russia as a failed state: the role of Orthodox Church", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, vol. 68, no. 1, pp. 67–81.
- Gritsaeva, A.N. (2008), "Tests of domestic charity during the First World War (1914–1917)", *Prepodavatel' XXI vek*, no. 2, pp. 118–122.
- Guseva, T.M. and Mikhalkovich, N.Yu. (2024), "Social service of the Orthodox Church in the Penza Diocese during the World War I", *Tsentr i periferiya*, vol. 19, no. 3, pp. 43–49.
- Ikonnikov, S.A. (2024), "The contribution of the parish clergy to the support of the population and the army during the World War I (using the example of the Central Chernozem provinces of Russia)", *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 4, pp. 36–42.
- Ivanova, N.A. (2014), "Demographic and social processes", in Petrov, Yu.A., ed., *Rossiia v gody Pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis* [Russia during the World War I: economic situation, social processes, political crisis], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 188–260.
- Kaidysheva, N.N. (2016), *Blagotvoritel'naya deyatelnost' v Permskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny: 1914 – fevral' 1917 g.* [Charitable activities in Perm province during the World War I: 1914 – February 1917], Ph.D. Thesis (History), Ekaterinburg, Russia.
- Khasin, V.V. (1999), *Migratsionnye protsessy v Rossiiskoi imperii v Pervuyu mirovuyu voynu: Po dokumentam Nizhnego Povolzh'ya* [Migration processes in the Russian Empire during the World War I: According to the documents of the Lower Volga region], Ph.D. Thesis (History), Saratov, Russia.
- Khitrov, A.A. (2023), "Assistance to refugees in Russia during the World War I: Tatiana Committee", *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, vol. 14, no. 5 (127), available at: <https://history.jes.su/s207987840026830-2-1/> (Accessed 3 Nov. 2025).
- Kurtsev, A.N. (1999), "Refugeeing", in *Rossiia i I mirovaya voina: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma* [Russia and the World War I. Proceedings of the International Scientific Colloquium], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia, pp. 129–147.
- Leont'eva, T.G. (2024), "Caritative initiatives of the government and society", in Buldakov, V.P., ed., *Istoriya Rossii. T. 11: Imperiya, voina, revolyutsiya: 1914–1917 g. Kn. 1: Ot voiny k krakhu imperii* [Empire, war, revolution: 1914–1917. Book 1: From the war to the collapse of the Empire], Nauka, Moscow, Russia, pp. 292–316.

- Listikov, S.V., ed. (2008), *Voina i obshchestvo v XX v. Kn. 1: Voina i obshchestvo nakanune i v period Pervoi mirovoi voiny* [War and society in the 20th century. Book 1: War and society on the eve and during the World War I], Nauka, Moscow, Russia.
- Litvinova, I.N. and Karagodina, O.A. (2024), “Charity and volunteer practices during the World War I in relation to wounded soldiers”, *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, vol. 97, no. 10-4, pp. 52–56.
- Maleka, Yu.N. (2012), “Features of the formation of social policy in Russia: a historical and sociological analysis”, *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 104, no. 4, pp. 5–9.
- Maleka, Yu.N. and Antonova, T.N. (2014), “Social policy in the Russian state: the origins of formation (historical and political analysis)”, *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*, no. 3, p. 5.
- Manturova, S.Ch. (2005), *Gosudarstvennoe prizrenie i blagotvoritel'nost' v sotsial'noi i kul'turnoi zhizni Zabaikal'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [State charity and charity in the social and cultural life of Transbaikalia in the second half of the 19th – early 20th centuries], Respublikanskaya tipografiya, Ulan-Ude, Russia.
- Matveeva, N.L. (2004), *Blagotvoritel'nost' i imperatorskaya sem'ya v gody Pervoi mirovoi voiny* [Charity and the Imperial family during the World War I], Izdatel'stvo MGOU, Moscow, Russia.
- Matveeva, N.L. (2004) *Blagotvoritel'naya deyatel'nost' imennykh komitetov chlenov imperatorskoy sem'i v gody pervoy mirovoy voyny* [Charitable activity of the nominal committees of members of the Imperial family during the First World War], MGOU Publishing House, Moscow, Russia.
- Pavlova, I.P. (2003), *Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Social care in Russia during the World War I], Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, Krasnoyarsk, Russia.
- Pokotilova, T.E. (1998), *Teoretiko-metodologicheskii i istoriograficheskii aspekty fenomena rossiiskoi blagotvoritel'nosti* [Theoretical, methodological and historiographical aspects of the phenomenon of Russian charity], Stavropol'skii gosudarstvennyi universitet, Stavropol', Russia.
- Porshneva, O.S. and Kaidysheva, N.N. (2025), “The participation of the Ural peasantry in charitable activities during the World War I (based on the materials of the Perm Province)”, *Ural'skii istoricheskii vestnik*, vol. 88, no. 3, pp. 176–184.
- Pushkareva, N.L. and Shcherbinin, P.P. (2005), “Organization of charity for families of lower ranks during the World War I”, *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 147–162.
- Ramazanov, Sh.Zh. (2024), “Patriotism during the World War I: towards the history of charity in the Kuban”, *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, no. 6, pp. 76–81.
- Razumnaya, N.N. (2024) “Assistance to disabled people and families of soldiers during the World War I”, in *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi*

- voine (Volgograd, 27–28 sentyabrya 2024 g.)* [Military-historical aspects of the life of the South of Russia in the 17th – 21st centuries: issues of study and museification. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War (Volgograd, 27–28 Sept. 2024)], Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Volgograd, Russia, pp. 169–175.
- Razumnaya, N.N. (2024), “Social security for widows and orphans during the World War I”, in Koshkina, O.A., ed., *Regiony Rossii v voennoi istorii strany: sbornik materialov VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ioshkar-Ola, 13–14 noyabrya 2024 g.)* [Regions of Russia in the military history of the country. VI All-Russian Scientific and Practical Conference (Ioshkar-Ola, 13–14 Nov. 2024), MarNIYALI, Ioshkar-Ola, Russia, pp. 170–179.
- Shaburov, A.S. (2017), “Charity in the context of the societal state”, *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, vol. 3, no. 3, pp. 148–168.
- Sharin, V.I. and Degterev, V.A. (2010), “‘State philanthropy’: on the question of the concept”, *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 82, no. 6, pp. 215–218.
- Shcherov, I.P. (2001), *Voennaya migratsiya v Rossii, 1914–1922 gg.* [Military migration in Russia, 1914–1922], Ph.D. Thesis (History), Smolensk, Russia.
- Shkundin, G.D., ed. (2002), *Mirovye voiny XX v. Kniga 1: Pervaya mirovaya voina: Istoriicheskii ocherk* [The World Wars of the 20th century, book. 1: The World War I: A historical essay], Nauka, Moscow, Russia.
- Sidorina, T.Yu. (2005), *Dva veka sotsial'noi politiki* [Two centuries of social policy], RGGU, Moscow, Russia.
- Sidorina, T.Yu. (2005), “Social policy is an attempt at philosophical interpretation”, in *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 20–29.
- Tashbekova, I.Yu. (2009), “Theoretical and legal foundations of the social policy of the state”, *Biznes v zakone*, no. 4, pp. 44–46.
- Tsovyan, D.G. (2005), *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsii po okazaniyu pomoshchi bezhentsam v gody Pervoi mirovoi voiny: 1914–1917 gg.* [The activities of government agencies and public organizations providing assistance to refugees during the World War I: 1914–1917], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Tashbekova, I.Yu. (2010), “Historical and legal aspect of reforming of social sphere in Russia in second half 19th – the 20th century beginning”, in *Izvestiya KGTU*, vol. 33, no. 4, pp. 132–138.
- Tumanova, A.S. (2014), “Public organizations”, in Petrov, Yu.A., ed., *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizi* [Russia during the World War I: economic situation, social processes, political crisis], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 425–446.
- Ul'yanova, G.N. (2014), “Philanthropic activity of the society”, in Petrov, Yu.A., ed., *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy*,

- politicheskii krizis* [Russia during the World War I: economic situation, social processes, political crisis], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 447–469.
- Ul'yanova, G.N. (2014), “Charitable assistance of the society to the victims of the war in 1914–1918: controversial issues and the content of the problem”, in Artizov, A.N., Levykin, A.K. and Petrov, Yu.A., eds., *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: 1914–1918: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 30 sentyabrya – 3 noyabrya 2014 g.)* [Russia during the World War I. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, Sept. 30 – Nov. 3, 2014)], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 230–237.
- Vasil'ev, I.N. (2021), “Registration and registration of refugees by the Tatiana Committee in the territory of the Petrograd province (autumn 1915 – spring 1917)”, in *Student – Issledovatel' – Uchitel': Materialy 22-i Mezhvuzovskoi studencheskoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 1 aprelya 2020 g.)* [Student – Researcher – Teacher. Proceedings of the 22nd Interuniversity Student Scientific Conference (Saint Petersburg, 1 Apr. 2020), RGPU im. A.I. Gertsena, Saint Petersburg, Russia, pp. 340–345.
- Vasil'ev, I.N. (2022), “Activities of the Law Bureau (Information Bureau) The Tatiana Committee”, in Nikolaev, A.B., ed., *Gertsenovskie chteniya 2021: Aktual'nye problemy russkoi istorii: sb. nauchnykh i uchebno-metodicheskikh trudov* [The Herzen readings. Actual problems of Russian history. Collected of scientific and educational works], Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii “Asterion”, Saint Petersburg, Russia, pp. 239–243.
- Vasil'ev, I.N. (2022), “ ‘Refugee exhibitions’ of the Tatiana Committee”, in Bazhanov, D.A. and Zakharov, A.M., eds., *XVII Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya: Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya (Sankt-Peterburg, 17 marta 2021 g.)* [27th Saint Petersburg Military Historical Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Saint Petersburg, 17 March 2021)], Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii “Asterion”, Saint Petersburg, Russia, pp. 115–120.
- Vasil'ev, I.N. (2023), “Activities of the Bureau of Relations of the Tatiana Committee (1915–1917)”, in Bazhanov, D.A. and Zakharov, A.M., eds., *XVIII Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya: k 350-letiyu so dnya rozhdeniya Petra I: sb. nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 26 marta 2022 g.)* [18th Saint Petersburg Military Historical Readings. On the 350th anniversary of the birth of Peter the Great. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Saint Petersburg, 26 March 2022), Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii “Asterion”, Saint Petersburg, Russia, pp. 52–58.
- Zadvornova, E.E. (2000), “Theoretical and methodological approaches to the study of the history of social work”, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 8, no. 1, pp. 142–143.

Информация об авторе

Светлана В. Букалова, доктор исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Орёл, Россия; 302028, Россия, Орёл, ул. Октябрьская, д. 12; STL1612@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7788-9299

Information about the author

Svetlana V. Bukalova, Dr. of Sci. (History), associate professor, The Central Russian Institute of Management – branch of the RANERA, Orel, Russia; 12, Oktyabrskaya St., Orel, Russia, 302028; STL1612@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7788-9299

УДК 327.82(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-44-60

Инструкция
генеральному консулу России в Иерусалиме
С.В. Арсеньеву
о задачах деятельности в Палестине (1891 г.)

Федор В. Георги

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации, Москва, Россия,
fedor.georgi@yandex.ru*

Аннотация. В рамках исследования истории российского дипломатического присутствия на Ближнем Востоке впервые публикуется Инструкция министра иностранных дел Российской империи Н.К. Гирса генеральному консулу России в Иерусалиме С.В. Арсеньеву о задачах и особенностях деятельности российского представителя в Палестине от 9 сентября 1891 г., хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации. Документ описывает положение дел вокруг Святых мест Иерусалима на рубеже XIX–XX вв. и отражает основные направления работы российского консульства в Святой земле, получившего в 1891 г. статус генерального. Также источник позволяет составить представление о ситуации в отнюдь не всегда простом церковно-дипломатическом взаимодействии между российским генеральным консульством, Русской духовной миссией в Иерусалиме, Императорским Православным Палестинским Обществом и Иерусалимским патриархатом (Иерусалимская греческая православная церковь).

Ключевые слова: Российская империя, Ближний Восток, Палестина, Святая земля, Иерусалим, Яффа, дипломатия, консульство, генеральный консул

Для цитирования: Георги Ф.В. Инструкция генеральному консулу России в Иерусалиме С.В. Арсеньеву о задачах деятельности в Палестине (1891 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 44–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-44-60

© Георги Ф.В., 2026

Instructions to the Consul General of Russia in Jerusalem S.V. Arsenyev on the tasks of activities in Palestine (1891)

Fedor V. Georgi

MGIMO University, Moscow, Russia, fedor.georgi@yandex.ru

Abstract. In the framework of studying of the history of the Russian diplomatic presence in the Middle East, the Instruction of the Minister for Foreign Affairs of the Russian Empire N.K. Girs to the Consul General of Russia in Jerusalem S.V. Arsenyev on the tasks and specifics of the activities of the Russian representative in Palestine dated September 9, 1891 and stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, is published for the first time. The document describes the situation in the Holy Places of Jerusalem on the cusp of the 19th and 20th centuries and reflects the main areas of work of the Russian consulate in the Holy Land, which received the status of General in 1891. The source also allows one to get an idea of the situation in the not always simple church-diplomatic interaction between the Russian Consulate General, the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, the Imperial Orthodox Palestine Society and the Jerusalem Patriarchate (the Jerusalem Greek Orthodox Church).

Keywords: Russian Empire, Middle East, Palestine, Holy Land, Jerusalem, Jaffa, Diplomacy, Consulate, Consul General

For citation: Georgi, F.V. (2026), "Instructions to the Consul General of Russia in Jerusalem S.V. Arsenyev on the tasks of activities in Palestine (1891)". *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 44–60, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-44-60

Введение

Российская внешняя политика в Палестине формировалась под сильным влиянием религиозного фактора – в этом вопросе у Святой земли¹ всегда был статус особого места, отведенного ей в истории, философии и традиции русского православия. Вместе с тем установление во второй четверти XIX в. именно дипломатического присутствия Российской империи в Палестине стало частью развернувшегося международного процесса взаимодействия и борьбы великих держав за расширение влияния в Османской империи [Вах 2015, с. 29].

¹ Святая земля – синоним исторической Палестины, области на Ближнем Востоке, расположенной между Средиземным морем на западе, Мертвым морем и севером Аравийского полуострова на востоке, Красным морем на юге и горами Ливана и Антиливана на севере.

Важнейшей составляющей изучения истории отечественной дипломатической деятельности в Иерусалиме в XIX – первой четверти XX в. является работа с массивом источников, содержащимся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) МИД России. Большой объем архивных документов был опубликован в уникальном 3-томном труде «Россия в Святой земле. Документы и материалы», который был подготовлен Н.Н. Лисовым. Тем не менее значительная его часть все еще сравнительно мало известна и изучена, и можно только согласиться со словами Н.Н. Лисового о том, что фонды АВПРИ неисчерпаемы [Лисовой 2015, с. 10].

Российское дипломатическое присутствие в Иерусалиме в XIX в.

Внешняя политика Петербурга в регионе формировалась параллельно с развитием аналогичной политики других государств – Франции, Англии, Пруссии и Австрии, которые, равно как и Россия, искали в своих внешнеполитических стратегиях место для обоснования своего присутствия в Святой земле. Франция, предоставившая защиту большинству иностранцев и католическим учреждениям в Палестине в рамках режима капитуляций, в течение нескольких столетий до наполеоновского вторжения (1799 г.) вела в этой части Османской империи лишь незначительную деятельность. Россия, в свою очередь, только в 1774 г. (по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору) создала правовую основу для своей деятельности в Святой земле как покровитель Восточного православия. К традиционному для Руси восприятию Святой земли через духовно-религиозную призму добавился поиск государственных и внешнеполитических интересов, при этом эта смена парадигмы вполне укладывается в рамки отказа России от своеобразного допетровского изоляционизма и выхода на мировую арену в качестве самостоятельного и влиятельного политического игрока.

Первым шагом стало создание в 1820 г. российского вице-консульства в Яффе. Его возглавил Г. Мострас, главной задачей которого было опекать многочисленных паломников, прибывавших к библейским местам по морю: в XIX в. Яффа становится важным портом средиземноморского побережья, именно этим путем русские богомольцы попадали в Святую землю. Вице-консул сопровождал паломников по дороге из Яффы в Иерусалим, где бесчинствовали отряды разбойников [Крылов и др. 2024, с. 143].

Российское консульство в Иерусалиме было основано вскоре после окончания Крымской войны, в 1858 г. На тот момент в Святом Граде уже существовали представительства Великобритании (1838 г.), Пруссии (1842 г.), Франции и Сардинии (1843 г.), США (1844 г.), Австрии (1849 г.) и Испании (1854 г.). Задержка объясняется отнюдь не «нерасторопностью», а перипетиями непростых в XIX в. российско-турецких отношений и стремлением в Зимнем дворце и на Певческом мосту² найти наиболее действенный метод утверждения российского присутствия в Святом граде – с 1847 г. начала действовать Русская духовная миссия в Иерусалиме (РДМ) [Георги 2024а, с. 110].

Крымская война не только пошатнула позиции России (а с ней и Восточного православия) в Палестине, но и усилила положение Франции (а с ней и францисканцев), поэтому Иерусалимский патриархат, которому Россия предоставляла дипломатическое и политическое покровительство, начал настаивать на необходимости открытия российского консульства в Иерусалиме.

Учреждение консульства имело смысл и с точки зрения государственной – в турецкой «властной вертикали» консулы занимали особое место. Условия режима капитуляций позволили иностранным консулам занять наиболее влиятельные позиции, заставив османских губернаторов в Иерусалиме относиться к ним с уважением и принимать во внимание их пожелания [Eliav 1997, p. 15].

Повышение статуса консульства в Иерусалиме до генерального

В последние десятилетия XIX в. российское присутствие в Иерусалиме вновь расширилось [Георги 2024b, с. 109]. Этот период был ознаменован активной деятельностью Православного палестинского общества, основанного в 1882 г. (с 1889 г. – Императорского, ИППО) по содействию паломничеству в Святую землю.

В 1891 г. в Петербурге было принято решение повысить статус представительства в Иерусалиме до генерального консульства. Обосновывая необходимость этого шага, министр иностранных дел России Н.К. Гирс писал во Всеподданнейшем докладе императору Александру III: «Важность интересов наших в Св. Граде и необходимость поднять значение консульства в глазах местных властей давно уже побуждали иметь в Иерусалиме нашим представителем лицо со

² Министерство иностранных дел Российской империи располагалось в Петербурге на Мойке напротив Певческого моста.

званием генерального консула»³. 21 мая 1891 г. Александр II своей рукой написал «Съ» (Согласен). Роль Иерусалима на восточном направлении внешней политики Российской империи возросла.

Повышение статуса консульства было не в последнюю очередь связано и с кандидатурой его нового руководителя: 1 июля 1891 г. им стал дипломат и историк С.В. Арсеньев (1854–1922), принадлежавший к одному из древнейших дворянских родов Российской империи. Его дядя, Д.С. Арсеньев, с 1864 по 1885 г. состоял сначала воспитателем, а затем попечителем великих князей Сергея и Павла Александровичей. С момента основания Палестинского Общества Д.С. Арсеньев был его почетным членом, состоял членом Совета ИППО (1889 г.), избирался его вице-председателем (1901 г.) и почетным вице-председателем (1894 г.). Он поддерживал тесные контакты с племянником и оказывал ему свое покровительство [Вах 2021, с. 86]. За назначение С.В. Арсеньева в Иерусалим хлопотал лично великий князь Сергей Александрович.

*Рис. 1. Генеральный консул России в Иерусалиме
Сергей Васильевич Арсеньев, 1891 г.*

Из коллекции Национальной библиотеки Израиля⁴

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. Главный архив, IV-2. Оп. 121: 1891 г. Д. 1. Л. 18–18 об., заверенная копия, рус. яз.

⁴ Personal du Consulat Impérial de Russie à Jérusalem <Album of photographs>. Photograph Collection. The National Library of Israel. The Pritzker Family National Photography Collection. Номер в системе Национальной библиотеки Израиля 990034267360205171.

Источниковедческий анализ документа

Публикуемый официальный документ Министерства иностранных дел Российской империи – Инструкция министра Н.К. Гирса генеральному консулу в Иерусалиме С.В. Арсеньеву о задачах и особенностях деятельности российского представителя в Святой Земле от 9 сентября 1891 г.⁵ – хранится в АВПРИ в фонде «Посольство России в Константинополе», дело «Иерусалимские инструкции (1883–1894)». Такого рода письменные указания и по сей день даются главой внешнеполитического ведомства каждому руководителю загранучреждения при назначении. Текст задач С.В. Арсеньеву сохранился в виде копии, выполненной, по всей видимости, в Посольстве России в Константинополе, в ведении которого находилось консульство в Иерусалиме (архив последнего, где мог храниться оригинал не сохранился и, предположительно, был разграблен турками в июле 1916 г.). В деле находится также краткое сопроводительное письмо министра Н.К. Гирса на имя посла в Турции А.И. Нелидова с указанием ознакомиться с инструкцией и затем вручить ее генконсулу⁶.

С точки зрения полноты документ является целостным и законченным. Он содержит в себе как общие политические установки, так и конкретные практические указания, регламентирующие деятельность генерального консула. К основной части задач прилагается отдельный лист с 12 пунктами, детализирующими порядок взаимодействия с ИППО, что составляет единый комплект. Достоверность источника не вызывает сомнений ввиду места его хранения. Стилистически текст принадлежит к канцелярской разновидности официально-делового стиля своего времени. Внешние особенности – рукописный текст (без исправлений и помарок), выполненный дореформенной орфографией на стандартных листах канцелярской бумаги верже с обеих сторон с соответствующими атрибутами (исходящий номер, дата, пометы).

При подготовке источника к публикации были применены следующие принципы передачи:

- орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского языка, за исключением тех случаев, где изменение могло исказить смысл или специфику документа. Сохранены характерные для эпохи написания словосочетания и термины;

⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3365. Л. 43–51 об., копия, рус. яз.

⁶ Там же. Л. 42–42 об.

Посольствам, Миссиям и Консульствам»⁸. Как представляется, отдельный акцент на внешнем виде прислуги ИППО был сделан в 1891 г. в связи с событиями 1887 г., когда именно с вопроса неправомерного использования привратником РДМ униформы каваса разгорелся конфликт между начальником Миссии Антонином (Капустинным) и консулом Д.Н. Бухаровым, который в результате был смещен по требованию председателя ИППО великого князя Сергея Александровича, принявшего сторону архимандрита [Георги 2024b, с. 112–113].

Отдельно и предельно четко описывались те отношения, которые должны были бы быть установлены между ИППО, РДМ и Иерусалимским патриархатом:

Не подлежит сомнению, что единодушными усилиями Иерусалимской Патриархии, Православного Палестинского Общества и нашей Духовной Миссии могли быть достигнуты весьма благоприятные результаты относительно поддержания Православных Святынь и Православия вообще в Святой Земле. К сожалению, такое единодушие не всегда существует. Оно является, тем не менее, заветным желанием Императорского Правительства. Ваша обязанность должна быть направлена к достижению этой цели не столько посредством ревнивого поддержания Вашего Консульского авторитета, сколько посредством дружеской и совместной работы⁹.

Назначение С.В. Арсеньева пришлось на кризис в руководстве Иерусалимского патриархата – 30 июля 1890 г. в отставку отправился Иерусалимский патриарх Никодим, считавшийся ставленником России, а 28 февраля 1891 г. престол занял Антиохийский патриарх Герасим, считавшийся ранее одним из его главных соперников. Особое внимание в инструкции уделено положению дел в Иерусалимском патриархате и необходимости генеральному консулу поддерживать с его иерархами конструктивные отношения для укрепления в Святой земле позиций православия.

В документе дается характеристика Иерусалимского патриарха и отдельно упоминаются возможные способы воздействия на иерусалимский патриарший престол:

Наиболее действенным средством воздействия на Патриархию, в случае крайности, является задержание доходов с принадлежащих ей Бессарабских имений. Но этот способ давления применим лишь в

⁸ Там же. Л. 51 об.

⁹ Там же. Л. 46–46 об.

чрезвычайных обстоятельствах. Императорское Правительство прибегает к оному с большою осторожностью¹⁰.

Дело в том, что после 1830 г.¹¹ Российская империя как покровитель православия столкнулась в Святой земле не только с западными державами, но и с другой идеей византийского происхождения – с так называемой идеей панэллинизма, предполагавшей возвращение доминирующего положения греческого народа в Восточном Средиземноморье как общего источника православной веры. Эта концепция противопоставлялась идее панславизма. Под влиянием греческих националистов нередко оказывались иерархи Восточных церквей, включая Иерусалимский патриархат [Биби-ков 2019, с. 46].

Новому генеральному консулу предписывалось внимательно отслеживать эту проблематику. В этом плане инструкция – ценный источник для изучения существовавших в Иерусалиме на рубеже XIX–XX вв. раскладов как внутри «Русской Палестины», так и в взаимоотношениях с Иерусалимской православной церковью. За время службы в Святом Граде С.В. Арсеньеву удалось добиться впечатляющего результата, а именно переубедить Иерусалимский патриархат, который отказывался благословить освящение домового церкви Александровского подворья, расположенного рядом с Храмом Гроба Господня. Святогробское братство опасалось усиления русского присутствия в этом наиболее сакральном для христиан месте. После того как непростые и долгие переговоры с Иерусалимским патриархом Герасимом увенчались успехом петербургской дипломатии, церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского была освящена 22 мая 1896 г. в память о небесном покровителе императора Александра III [Георги 2023, с. 218].

Заключение

Россия стала вторым государством, повысившим статус своего консульства в Иерусалиме до генерального – первым в 1868 г. стала Пруссия. Уже в 1893 г. примеру России следует Франция, опасавшаяся ее чрезмерного усиления в Святой земле. Личное звание генерального консула получили некоторые представители Австро-Венгрии [Георги 2024b, с. 117]. Российское генеральное консульство в Иерусалиме последовательно выполняло все по-

¹⁰ Там же. Л. 46 об.

¹¹ Год образования независимого Греческого королевства.

ставленные перед ним задачи, внося значительный вклад в создание Русского центра на Ближнем Востоке вплоть до 1914 г., когда началась Первая мировая война. Его наследие актуально и сегодня, а изучение истории отечественной дипломатии на Ближнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. позволяет лучше понять происходящие в настоящее время процессы.

Копия с инструкции Г<енерального> Консула
в Иерусалиме

от 9 сентября 1891 г. № 242

АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2,
д. 3365, л. 43–51 об., копия, рус. яз.

Важность церковных и политических интересов в Св<ятой> Земле побудила Императорское Правительство преобразовать Консульство наше в Иерусалиме в Генеральное Консульство.

Вверяя Вам этот пост, Министерство Иностранных Дел считает нужным снабдить Вас некоторыми общими указаниями для руководства Вашего в предстоящей Вам деятельности.

Палестинские Святыни принадлежат различным христианским исповеданиям. Большая часть их является, однако, на основании вековых преданий, бератов и фирманов Порты¹² собственностью Православной Церкви. Охранение сих прав будет лежать на Вашей обязанности. Вам предстоит поэтому изучить на месте весьма сложные юридические и исторические условия, служащие основанием вышеупомянутого порядка вещей. Генеральное Консульство наше должно бдительно следить за ненарушимостью оногo, избегая в то же время, по возможности, пререканий, могущих возбудить религиозные страсти и привести к нежелательным и щекотливым столкновениям.

Турецкие власти признают лишь за Греческой Православной Патриархией право распоряжаться в метах Священного поклонения, находящихся в обладании Православных.

Каноническим Главою Автокефальной Иерусалимской Церкви является Патриарх. Богослужение в Православных Палестинских Святынях совершается поэтому Его Блаженством¹³ или с Его благословения.

¹² Берат – грамота османского султана, предоставлявшая права и привилегии. Фирман – султанский указ. Порта (Высокая Порта) – принятое в европейской дипломатии обозначение правительства Османской империи.

¹³ Патриархи восточных поместных церквей имеют титул «Его Блаженство».

Но Императорское Правительство постоянно считало священным долгом своим заботиться о преуспевании Палестинской Церкви и соблюдении в ней внутреннего благоустройства и доброго порядка. Задача эта не всегда бывает легкой. Эллинская пропаганда пользуется на Востоке влиянием Православных Иерархов, принадлежащих к греческой национальности, для достижения своих односторонних политических целей. Святогробская братия¹⁴ нередко обнаруживает преступное равнодушие к духовным интересам местного народонаселения и даже к нуждам Православия вообще в Св. Земле. Синод, от которого зависит избрание Патриарха, стремится подчинить его себе и сделать его орудием крайних эллинских вождедений¹⁵. Блаженнейший Никодим, считавшийся ставленником России, недавно принужден был сложить с себя сан Патриарха, отчасти вследствие подобных происков. Его преемник Герасим, только что возведенный на Иерусалимский Патриарший Престол, в течение нескольких лет управлял Антиохийской Патриархией весьма осторожно. Это человек просвещенный и умеренный, но несколько слабого характера.

Вам предстоит поддерживать Его благие намерения, если бы они встретили сопротивление со стороны греческих фанатиков. Мы не оставляем воздействовать в таком же умеренном смысле на Афинское Правительство.

Иноверческая пропаганда, в особенности католическая, нигде не угрожает Православию более непосредственно чем в Палестине. Ревнителю Православия между нашими соотечественниками, опасаясь успехов главнейшим образом католицизма в Св. Земле, основали в 1883 г. Православное Палестинское Общество под Августейшим покровительством Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. В 1889 г. Обществу этому было присвоено наименование Императорского. Деятельность его в начале была встречена с некоторым недоверием Патриархией. Стронникам эллинского влияния казалось, будто бы цель его заключалась в том, чтобы подорвать значение местного греческого духовенства и, по возможности, заменить его русским. Хотя умеренный образ действия Па-

¹⁴ Братство Святого Гроба Господня – общество, объединяющее монашествующих Иерусалимской православной церкви, греков по национальности. Резиденция братства располагается в монастыре святых Константина и Елены в Старом городе Иерусалима. Главой братства является патриарх Иерусалимский.

¹⁵ Речь об устремлениях и деятельности части святогробцев, направленных на укрепление исключительно греческого (эллинского) государственного влияния в делах Восточных православных церквей, противостоящая интересам России и идеям панславизма.

лестинского Общества в делах устройства школ и постройки церквей отчасти рассеяли эти предвзятые опасения, нельзя сказать, однако, чтобы они совершенно исчезли и чтобы отношения Патриархии к Обществу всегда были правильными и чуждыми недоразумений.

Рядом с Палестинским Обществом действует Русская Духовная Миссия, обязанностью которой является удовлетворение духовным нуждам наших поклонников¹⁶.

Не подлежит сомнению, что единодушными усилиями Иерусалимской Патриархии, Православного Палестинского Общества и нашей Духовной Миссии могли бы быть достигнуты весьма благоприятные результаты относительно поддержания Православных Святынь и Православия вообще в Св. Земле. К сожалению, однако, такое единодушие не всегда существует. Оно является тем не менее заветным желанием Императорского Правительства. Ваша деятельность должна быть направлена к достижению этой цели, не столь посредством ревнивого поддержания Вашего консульского авторитета, сколько посредством дружеской и совместной работы.

Для сего Вам надлежит соблюдать к Патриарху наилучшие личные и официальные отношения. Всякая рознь между нашим Генеральным Консульством и Его Блаженством составляла бы прискорбное явление.

Наиболее действенным средством воздействия на Патриархию, в случае крайности, является задержание доходов с принадлежащих ей Бессарабских имений¹⁷. Но этот способ давления применим лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Императорское Правительство прибегает к оному с большою осторожностью. На основании Высочайше утвержденного Положения Комитета Министров 21 мая 1876 г., $\frac{3}{5}$ из общей суммы доходов с Бессарабских имений, преклоненных заграничным Святым Местам, высылаются по принадлежности и $\frac{2}{5}$ предназначаются на удовлетворение богоугодных и благотворительных нужд в самом крае, согласно с первоначальным назначением пожертвованных и завещанных имуществ. Для имений Гроба Господня, по ходатайству бывшего Патриарха Никодима, было сделано исключение

¹⁶ Здесь – паломники.

¹⁷ Бессарабские имения – земельные владения, завещанные или подаренные Иерусалимскому патриархату молдавскими и валашскими господами, а также частными лицами, располагавшиеся на территории Бессарабии. Контроль над распределением доходов с них был важным инструментом финансового и политического влияния России на иерархов ИПЦ. Подробнее см.: *Смирнова И.Ю.* Реформа в управлении имениями восточных монастырей в Бессарабии (1873–1874 гг.): причины, задачи, следствия // Русин. 2022. № 67. С. 113–130. EDN OXSM DX

и Иерусалимской Патриархии посылаются $\frac{4}{5}$ доходов. Обыкновенно суммы эти забираются вперед посредством аванса, делаемого Министерством Иностранных Дел. Патриарху Герасиму уже высланы почти полностью все причитающиеся Ему за целый год поступления, вследствие расходов, предстоявших Ему при восшествии на Патриарший Престол. Как сохранение этих льгот, так и дальнейшее возможное содействие Иерусалимской Патриархии, обремененной долгами, будут зависеть от ее образа действий в будущем.

Вам надлежит особенно заботиться об устранении всякой возможности столкновений между Патриархией и нашим Православным Палестинским Обществом. Деятельность сего последнего определяется его Уставом и Высочайшим Повелением 1889 г. по передаче Обществу дел упраздненной Палестинской Комиссии¹⁸, состоявшей при Азиатском Департаменте Министерства Иностранных Дел. Православное Палестинское Общество заведует обширными постройками, возведенными в Иерусалиме для русских поклонников. Оно имеет особенного Уполномоченного, который является его представителем в Святом Граде. В прилагаемой при сем записке, удостоившейся Высочайшего одобрения, изложены правила, определяющие взаимные отношения Общества и нашего Генерального консульства. Для большего удобства и выигрыша времени Ген. Консульство по всем вопросам, которые касаются Православного Палестинского Общества и не требуют немедленной поддержки Константинопольского Посольства в Порте, может обращаться непосредственно в Министерство Иностранных Дел. Ваши донесения по вышеупомянутым вопросам будут поступать в Азиатский Департамент и поэтому должны быть адресованы на имя Г<осподина> Директора этого Д-та. Копии с оных, однако, должны препровождаться Вами Послу нашему в Константинополе, дабы таким образом избежать излишней переписки, в случае необходимости воздействия Императорского Посольства на Турецкие власти и соответствующих сему предписаний Министерства Иностранных Дел. Ген. Консульству нашему предоставляется вместе с тем, в случае надобности, прямо сообщать замечания и соображения свои по делам Палестинского Общества Августейшему Председателю оною, отправляя копии таковых представлений в Министерство Иностранных Дел. Вообще Вам предписывается оказывать деятельности Православного Палестинского Общества в Св. Земле всевозможную зависящую от Вас и законную поддержку.

¹⁸ Палестинская комиссия (до 1864 г. – Палестинский комитет) – государственное учреждение при Азиатском департаменте МИД (1859–1889), ведавшее делами и финансами русского присутствия в Палестине. В 1889 г. ее функции были переданы ИППО.

Наша Духовная Миссия в Иерусалиме состоит в ведении Святейшего Синода. Ее специальное назначение определяется инструкциями сего последнего. В делах богослужебных она подчинена, однако, на точном основании канонов Православной Церкви, Патриархии. Вы должны иметь в виду, что сии каноны требуют совершенного единомыслия и старайтесь посредством Вашего личного влияния устранять, по возможности, в этом отношении поводы к каким-либо взаимным неудовольствиям.

Отношения Ваши к Турецким властям и к пребывающим в Палестине русским подданным определяются трактатами и капитуляциями¹⁹, а также Консульским Уставом и установившимися обычаями.

Таковы общие инструкции, кои Министерство Иностранных Дел полагает нужным преподать Вам при вступлении Вашем в должность.

Что же касается текущих политических и других дел, то Вы должны обращаться за разъяснениями и указаниями по сим предметам к Императ. Посольству в Константинополе.

Примите и т. д.

К № 242.

Петербург. 1891 г.

1. Для большего удобства и выигрыша времени, Консульство в Иерусалиме препровождает непосредственно в Министерство Иностранных Дел те донесения, которые касаются дел Палестинского Общества и не требуют содействия и поддержки Константинопольского Посольства нашего в Порте.

2. Генеральный Консул оказывает полное и законное содействие Императорскому Православному Палестинскому Обществу в его деятельности в Св. Земле.

3. По действиям Императорского Палестинского Православного Общества Ген. Консул имеет право сообщать свои замечания, если найдет необходимым, непосредственно Августейшему Председателю Общества и отправлять копии оных в Императорское Министерство Иностранных Дел.

4. На месте, т. е. в Св. Земле, Ген. Консул сносится по делам Общества и по его учреждениям непосредственно с Уполномоченным Общества в Иерусалиме, а отнюдь не с подчиненными сему последнему лицами.

5. Ген. Консул как представитель Императорского Правительства имеет право посещать все учреждения Общества и свои по оным заме-

¹⁹ Капитуляции – особые международные соглашения Османской империи с различными европейскими государствами в XVI–XX вв., фиксировавшие привилегированный режим для иностранцев.

чания сообщать Уполномоченному Общества, который принимает их к исполнению, если они не противоречат данным ему наставлениям; в противном случае доносит о них Совету Общества, ожидая от сего последнего дальнейших указаний. О последствиях сего представления Уполномоченный уведомляет Ген. Консула.

6. В случае формальной жалобы на нарушение кем-либо из служащих в учреждениях Императорского Палестинского Православного Общества личных прав или денежных интересов русского подданного, Ген. Консул сохраняет за собою общее право привлечения виновного к законной ответственности.

7. Обязательные для поклонников объявления вывешиваются по предварительном сношении с Консулом (так как ему принадлежит полицейская власть).

8. В случае появления эпидемической болезни, Консул принимает зависящие санитарные меры.

9. В случае смерти или умопомешательства поклонников Уполномоченный немедленно извещает Консула для принятия законом предписанных в таких случаях мероприятий.

10. При составлении больших караванов поклонников Консул извещается о маршруте (так как ответственность за нарушение порядка падает на него).

11. Уполномоченный Палестинского Общества не может одевать свою прислугу кавасами, так как на Востоке право иметь кавасов принадлежит исключительно Посольствам, Миссиям и Консульствам.

12. Уполномоченный Общества в Иерусалиме назначается Августейшим Председателем Общества. Он заведует непосредственно всеми учреждениями Общества в Св. Земле и есть прямой начальник всех служащих в оных.

Уполномоченный распоряжается хозяйственной частью этих учреждений в пределах уполномочий данных ему Советом Общества.

Литература

Бибиков 2019 – *Бибиков М.В.* Дипломатическая поддержка Азиатским департаментом МИД Российской империи русского присутствия в Палестине и на Афоне // 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи: Сборник материалов всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 3–4 октября 2019 г. СПб.: Индрик, 2019. С. 41–49. EDN EBFYIK

Вах 2015 – *Вах К.А.* Основание Российского консульства в Иерусалиме в свете новых архивных документов // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 29–33.

EDN UKJKV

Вах 2021 – Вах К.А. Свой среди чужих: Генеральный консул в Иерусалиме С.В. Арсеньев: 1891–1897 гг. // Православный Палестинский сборник. Вып. 119. М.: Индрик, 2021. С. 86–94. EDN RFURGY

Георги 2023 – Георги Ф.В. Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев: биографические материалы // Исторический вестник. 2023. Т. 46. С. 200–237. EDN EGAEZL

Георги 2024а – Георги Ф.В. История Российского дипломатического присутствия в Иерусалиме в лицах (1858–1880 гг.) // Международная жизнь. 2024. № 1. С. 106–128. EDN PFARMA

Георги 2024б – Георги Ф.В. История Российского дипломатического присутствия в Иерусалиме в лицах (1881–1914 гг.) // Международная жизнь. 2024. № 9. С. 106–121. EDN JXJNUW

Лисовой 2015 – Лисовой Н.Н. К истории русского духовного и политического присутствия в Святой земле и на Ближнем Востоке // Россия в Святой Земле: Документы и материалы / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.Н. Лисовой: В 3 т. Т. 1. М.: Индрик, 2015. С. 9–68.

Крылов и др. 2024 – Крылов А.В., Федорченко А.В., Морозов В.М., Шебалина Е.О. Иерусалим и Россия: связь веков. М.: МГИМО-Университет, 2024. 489 с. EDN DQBYXG

Eliav 1997 – Eliav M. *Britain and the Holy Land, 1838–1914. Selected documents from the British Consulate in Jerusalem.* Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi: The Magnes Press, 1997. 430 p.

References

Bibikov, M.V. (2019), “Diplomatic support by the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire for the Russian presence in Palestine and on Athos”, in Zhitenev, S.Yu. and Vakh, K.A., eds., *200 let diplomaticheskoi podderzhki russkogo prisutstviya na Blizhnem Vostoke: istoriya sozdaniya i deyatelnosti Aziatskogo departamenta MID Rossiiskoi imperii. Sb. materialov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 3–4 oktyabrya 2019 g.* [200 years of diplomatic support for the Russian presence in the Middle East: the history of the establishment and activities of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire: Collection of materials from the All-Russian scientific conference, Saint Petersburg, 3–4 Oct. 2019], Indrik, Saint Petersburg, Russia, October 3–4, pp. 41–49.

Eliav, M. (1997), *Britain and the Holy Land, 1838–1914. Selected documents from the British Consulate in Jerusalem*, Yad Izhak Ben-Zvi, The Magnes Press, Jerusalem, Israel.

Georgi, F.V. (2023), “Consul General in Jerusalem Alexander Yakovlev. Biographical materials”, *Istoricheskii vestnik*, vol. 46, pp. 200–237.

- Georgi, F.V. (2024), “Personalities in the History of Russia’s Diplomatic Presence in Jerusalem (1858–1880)”, *Mezhdunarodnaya zhizn’*, no. 1, pp. 106–128.
- Georgi, F.V. (2024), “Personalities in the History of Russia’s Diplomatic Presence in Jerusalem (1881–1914)”, *Mezhdunarodnaya zhizn’*, no. 9, pp. 106–121.
- Krylov, A.V., Fedorchenko, A.V., Morozov, V.M. and Shebalina, E.O. (2024), *Ierusalim i Rossiya: svyaz’ vekov* [Jerusalem and Russia: the connection of centuries], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia.
- Lisovoi, N.N. (2015), “On the history of Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East”, in Lisovoi, N.N., comp., *Rossiya v Svyatoi Zemle. Dokumenty i materialy* [Russia in the Holy Land. Documents and materials], vol. 1, Indrik, Moscow, Russia.
- Vakh, K.A. (2015), “The establishment of the Russian Consulate in Jerusalem under the light of new archival documents”, *Vostochnyi arkhiv*, vol. 31, no. 1, pp. 29–33.
- Vakh, K.A. (2021), “Embraced by strangers. Consul General in Jerusalem S.V. Arsenyev. 1891–1897”, in *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik* [Orthodox Palestinian Collection], iss. 119, Indrik, Moscow, Russia, pp. 86–94.

Информация об авторе

Федор В. Георги, соискатель, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 76; fedor.georgi@yandex.ru /
ORCID ID: 0009-0007-9814-4545

Information about the author

Fedor V. Georgi, applicant, MGIMO-University, Moscow, Russia; 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; fedor.georgi@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0007-9814-4545

Известный неизвестный архитектор:
фигура Ф.Б. Растрелли
в свете историографических источников XIX в.

Ксения С. Гусева

*Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург, Россия, palmion@bk.ru*

Аннотация. Статья представляет собой ретроспективный анализ историографических источников XIX в., посвященных работам знаменитого русского архитектора Франческо Бартоломео Растрелли на предмет выявления сведений биографического характера из контекста истории творческого наследия. В процессе исследования автор столкнулся с проблемой специфики восприятия фигуры Растрелли историками рассматриваемого периода, при которой художественная деятельность архитектора долгое время заслоняла историю его жизни. Лишь с последней трети XIX в. интерес к личности Растрелли, наряду с его творческим наследием, начал возрастать. Первопроходцем в этом вопросе выступил известный петербургский историк П.Н. Петров, которого впоследствии поддержал коллектив исследователей его времени. Таким образом, XIX век стал ареной формирования, преобразования и развития историко-биографической мысли, посвященной архитектору. Анализ историографических источников показал, как едва зафиксированные формы устных воспоминаний о Растрелли очевидцев и их потомков постепенно переросли в серьезные научные повествования и завершились первой в России посвященной ему энциклопедической статьей. В это время учеными был выявлен и проанализирован базовый исторический материал и заложен прочный фундамент к дальнейшему развитию и усовершенствованию познания биографии архитектора, которая, тем не менее, до сих пор содержит в себе много вопросов и неясностей.

Ключевые слова: Ф.Б. Растрелли, П.Н. Петров, историография XIX в., биография

Для цитирования: Гусева К.С. Известный неизвестный архитектор: фигура Ф.Б. Растрелли в свете историографических источников XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 61–73. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-61-73

Famous unknown architect.
The figure of F.B. Rastrelli in the light
of historiographical sources of the 19th century

Ksenia S. Guseva

*The State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia,
palmion@bk.ru*

Abstract. The article is an analysis of historiographic sources of the 19th century dedicated to the works of the famous Russian architect Francesco Bartolomeo Rastrelli, with the aim of identifying biographical information from the context of the history of his creative heritage. In the course of the study, the author encountered the problem of the specific perception of Rastrelli by historians of the period under consideration, in which the creative activity of the architect for a long time overshadowed the history of his life. Only in the last third of the 19th century did interest in Rastrelli's personality, along with his creative heritage, begin to increase. The pioneer in this matter was the famous St. Petersburg historian P.N. Petrov, who was subsequently supported by a group of researchers of his time. The 19th century became the arena for the formation, transformation and development of historical and biographical thought dedicated to the architect. As a result, the analysis of historiographic sources showed how, from the form of oral recollections of eyewitnesses and their descendants, historical and biographical thought about Rastrelli gradually developed into a serious scientific narrative, research and culminated in the first encyclopedic article dedicated to him in Russia. At this time, the first basic historical and biographical material was identified and analyzed, and a solid foundation was laid for the further development and improvement of historical knowledge of the biography of the famous architect, which still contains many questions and ambiguities.

Keywords: F.B. Rastrelli, P.N. Petrov, 19th century historiography, biography

For citation: Guseva, K.S. (2026), "Famous unknown architect. The figure of F.B. Rastrelli in the light of historiographical sources of the 19th century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations"* Series, no. 1, pp. 61–73, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-61-73

Введение

Для исследователей биографии Ф.Б. Растрелли XIX столетие примечательно прежде всего открытием первых страниц в истории ее изучения. Именно в это время, приблизительно в конце первой трети века, спустя шестьдесят с небольшим лет со времени

завершения его земного пути, когда практически уже не осталось свидетелей жизни архитектора, начинает формироваться историческое осмысление его фигуры, появляются первые литературные источники и письменная фиксация имеющейся информации. Устная память о нем постепенно обретает материальные носители. Так или иначе, все записи о зодчем в первой половине XIX в. сводились к простому перечислению его основных построек под фамилией, которая в то время традиционно указывалась без имени с приставками «граф» или «обер-архитектор», как он, собственно, сам себя в документах и называл [Гусева 2025, с. 104–113].

Целью настоящей работы является анализ историографических источников XIX в., посвященных работам знаменитого русского архитектора Франческо Бартоломео Растрелли, на предмет выявления сведений биографического характера из контекста творческого наследия. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что главная задача настоящей работы состоит в первую очередь в установлении и осмыслении источников, способных предложить материал непосредственно о самой фигуре архитектора, о его повседневной жизни, а также статей, заметок, докладов, протоколов заседаний, посвященных конкретно Растрелли. Информация об архитектурной деятельности зодчего рассмотрена лишь в тех случаях, когда она сообщает какие-либо биографические данные о нем.

Истоки биографики Ф.Б. Растрелли

Детальное изучение биографии Растрелли привело автора статьи к выявлению такой проблемы, как отсутствие историографических работ, посвященных целиком XIX в. в рамках заданной темы. Этот факт обозначил актуальность настоящей работы. На сегодняшний момент, пожалуй, единственный значительный историографический обзор, касающийся Франческо Бартоломео Растрелли, представлен в книге Ю.М. Овсянникова [Овсянников 1982, с. 189–192], однако список литературных источников у него берет свое начало с последней трети XIX столетия.

Обстоятельства, при которых начинают появляться первые исследовательские заметки об архитекторе, не имеют ничего общего с целенаправленным научным изучением его биографии. Наглядным примером может служить записка архитектора В.П. Стасова¹, составленная в 1835 г. в связи с необходимостью производства, воз-

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 737: Стасов В.П. Ед. хр. 42. Л. 1.

ложенных на него работ по ремонту, поддержанию и в некоторых случаях восстановлению отдельных интерьеров зданий, построенных Растрелли. В этой записке Стасов будто бы напоминает, кто такой Растрелли и чем, собственно, он известен – перечисляет его основные постройки². Малоинформативные строки об архитектуре запечатлены в знаменитой сатире А. Кантемира, опубликованной в 1858 г., из которой можно почерпнуть сведения лишь о национальности и творческом амплу нашего героя: «Граф Растрелли родом итальянец, в российском государстве искусный архитектор»³. И хотя сама сатира была создана в XVIII в., в печать она попала гораздо позднее, соответственно, к ней мы обращаемся, как к источнику XIX в. Очевидно, что подобные записи информативными назвать нельзя, а тем более они не могут претендовать на полноценное историческое исследование, их можно сравнить только что с заметками «на полях».

В очерках исследователей XIX столетия, посвятивших свои работы отдельным постройкам Растрелли (например, С.Н. Гаврилова⁴, А. Мердера⁵, Л.Н. Колмакова⁶ или архимандрита Леонида⁷, составившего «Историческое описание» Новоиерусалимского монастыря), мы можем наблюдать лишь беглое упоминание имени архитектора в связи с его причастностью к тем или иным работам и полное отсутствие при этом историко-биографических пояснений.

Вместе с тем мы видим, что в народной среде начиная с самого XVIII в. имя Растрелли продолжает быть широко известным.

² Забегая вперед, можно сказать, что и столетие спустя мы также встречаем подобный феномен, например, в книге А. Суслова 1928 г. [Суслов 1928, с. 5], где он, посвящая свой обзор одному из творений Растрелли, относит информацию о нем в сноску, практически в точности повторяя записку В.П. Стасова.

³ Сатиры А. Кантемира в первоначальном виде // Библиографические записки. Т. 1. 1858. № 20. С. 620.

⁴ *Гаврилов С.Н.* О постройке в Москве сгоревшего в 1753 году Головинского дворца // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 2. СПб., 1872. С. 8.

⁵ *Мердер А.* Киевский храм Андрея Первозванного: Историческая справка о постройке церковного здания и позднейших строительных в нем работах. Киев, 1898. С. 18.

⁶ *Колмаков Н.М.* Дом и фамилия графов Строгановых: 1752–1887 гг. // Русская старина. 1887. Т. 53. С. 583–584.

⁷ Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оного Архимандритом Леонидом. М., 1876. С. 767.

Повсеместно его называют «нашим», «знаменитым». «Начали мы с ближайшего от нашей отели, собора Св. Павла <...> по сторонам портика на углах самого собора, вероятно вместо архитектурных частей высятся две башни, напоминающие *нашего*⁸ Растрелли», – бережно упоминает архитектора во время пребывания в Англии в своем дневнике от 6 ноября 1860 г. один из офицеров русского Военно-морского флота Ф.Н. Чалеев⁹. «К исполнению принят проект *знаменитого* зодчего обер-архитектора графа Бартоломея де-Растрелли»¹⁰; или: «поручено было осмотреть ее обер-архитектору *знаменитому* графу Растрелли...»¹¹, – величают его С.Н. Гаврилов и А. Мердер. Можно проследить, как беспрекословная известность архитектора полностью затмевает его личность так, словно его имя не требовало пояснений. Подобное восприятие на протяжении XVIII–XIX вв. крайне усложнило систему поиска историко-биографической информации того времени о нем, а сама его фигура упорно продолжала оставаться в тени.

Одновременно с отсутствием в печатных изданиях биографических данных об архитекторе мы встречаем также попытки все-таки найти и вытащить на поверхность хоть какие-то осколки информации. «Я говорю о Графе Растрелли, жизнеописание которого было бы весьма занимательно», – пишет в своей статье 1835 г., посвященной Смольному монастырю, Б. Волжин¹². И приводит редкие для того времени факты и рассуждения, посвященные непосредственно самому архитектору, его судьбе, воспоминаниям о нем, хотя и в очень краткой форме. Начиная свою статью словами: «Храм сей, произведение гениального художника, Графа Растрелли, служит колоссальным монументом сыновней доблести нашего Русского Царя», он сообщает о нем следующие сведения: «Место погребения его не известно: одни говорят, что он умер на родине, в Италии; другие, что в России; знаем только, что он кончил жизнь в нищете. Помнящие его старцы, бывшие тогда детьми, говорят, что он был всегда восторжен, что какая-то невыразимая мысль беспрестанно томила и занимала его, и что он, при доброте душевной, был энтузиаст высшей степени, восторги которого шагали через все рубежи». Это, казалось бы, не очень информативное биографическое

⁸ Здесь и далее в документе курсив мой. – К. Г.

⁹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 315. Оп. 2. Д. 339. Л. 17 об.

¹⁰ Мердер А. Указ. соч. С. 3.

¹¹ Гаврилов С.Н. Указ. соч. С. 6–7.

¹² Волжин Б. Собор всех учебных заведений // Северная пчела. 1835. № 245. С. 971.

повествование являет собой в действительности одно из самых существенных по объему сведений на то время, учитывая, что иные исследователи ограничивались лишь упоминанием о Растрелли в качестве автора, полностью сосредотачиваясь на описании группы построек или чаще какого-то одного, принадлежащего ему произведения. Несомненно, хроники творческих деяний любого художника неразрывно связаны с его биографией, однако когда она исключает вообще любые сведения об авторе или рассматривает их крайне фрагментарно, то биографией это назвать нельзя, в особенности, если речь идет лишь о едином произведении искусства, не включенном в авторский контекст.

Иными словами, большинство публикаций XIX столетия были сосредоточены, главным образом на историко-искусствоведческих обзорах, посвященных непосредственно зданиям Растрелли, сама же его фигура чаще оставалась неприкосновенной. Общий фон историографической ситуации так, в общем, и выглядел вплоть до начала XX в., когда уже исследователи активно начали обращаться к архивным источникам и к труду П.Н. Петрова, о котором хотелось бы поговорить подробнее.

Исследовательское значение П.Н. Петрова в истории биографики Ф. Растрелли

Петр Николаевич Петров, известный историк, искусствовед, библиограф XIX столетия, сотрудник отдела искусств Императорской Публичной библиотеки, заведующий «отделом искусств начертательных» в журнале «Искусства», сотрудник редакции «Энциклопедического словаря», «Всемирной Иллюстрации» и иных периодических изданий¹³. Почетный вольный общник Императорской Академии художеств, член Русского Исторического, Археологического, Русского Географического и других обществ. Также сотрудник Центрального статистического Комитета Министерства внутренних дел, где он специально занимался собиранием материалов для истории Петербурга. Современники о нем говорили так: «По любви к делу Петров принимался с редким рвением и одушевлением за всякую литературную работу, если она хоть маломальски отвечала его специальности. Надо ли было определить какой-нибудь памятник старины, проверить сомнительные даты рождения, смерти известного лица, утвердить принадлежность старинной книги без имени тому или другому автору, – Петров рылся

¹³ ОР РНБ Ф. 575: Петров П.Н. Ед. хр. 6. Л. 1–1 об.

в архивах, в исповедальных списках, углублялся в “кладбищенскую литературу”, искал следов всюду и везде, куда только был открыт ему доступ, настойчиво преследовал свою цель, не страшась самого кропотливого и самого неблагодарного труда»¹⁴.

В тематических рамках своей деятельности, находясь в постоянном поиске информации, в том числе об истории Петербурга, а соответственно, и обо всех его деятелях искусства, как по долгу основной службы, так и для прочих упомянутых выше организаций, при которых состоял Петров, он непрестанно работал с материалами всех доступных ему архивов Петербурга и Москвы. Делал выписки, создавал заметки, подвергал систематизации вновь обретенные материалы, хранил их и далее использовал в своих публикациях и докладах. В фонде П.Н. Петрова, находящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, хранится множество подобных черновых записей трудночитаемого почерка, включающих в себя сведения обо всех деятелях искусства, которых он только встречал на своем исследовательском пути. Нужно отметить, что сфера его интересов не исчерпывалась искусствоведческим вниманием к различным произведениям искусства. Петров прежде всего был историком, это подтверждает количество проработанных им архивов и документов, прошедших через его руки, которые он кропотливо изучал, анализировал, попутно фиксируя выявленные различные сведения. А значит, точные исторические факты, в том числе биографические, не были ему чужды и также входили в область его исследовательских изысканий.

Нужно ли пояснять, насколько тщательно им был собран и проработан материал об одном из самых ярких представителей петербургской архитектуры – Франческо Бартоломео Растрелли, и насколько эта работа до сих пор притягивает внимание исследователей, хотя и не во всем остается актуальной.

Изначально биографией Растрелли Петров специально не занимался. Но массив собранной им информации, зафиксированный в многочисленных записях, хранил также сведения и о нем. Переход в биографическую зону исследования Петровым был обозначен с самого начала. Тогда же им был отмечен ряд неясностей и пробелов, касающихся этой темы, и выдвинуты предположения, которые, увы, в дальнейшем некоторыми исследователями будут приняты за непреложные факты: «Такая личность как гр. Растрелли – сын во всяком случае представляет между строителями русскими и иностранными, бывшими в его время в России, исключительную личность <...> Между тем есть много неразъясненного,

¹⁴ Там же. Л. 1.

почти только обозначенного, много такого, что представляет обилие богатых материалов в одном случае и недостаток в другом, так что для полного обрисования, по крайней мере в тех размерах, которые я считал необходимыми, личности Растрелли я нахожу себя вправе входить в обстоятельства сложившиеся в то время, указывать значение, влияние самой среды архитекторов, значение лиц правительственных, связи их и пр., а прежде всего поставить вас на настоящую точку зрения указанием что предшествовало появлению у нас Растрелли: и вместе с тем, если не имеется достаточно материалов, предложить те догадки, которые мне пришли в голову для уяснения кому, где и в какое время обязан сам Растрелли своим художественным развитием»¹⁵.

О том, что побудило Петрова остановиться на теме Растрелли, он указывает сам: «Поводом к моим чтениям были те немногие сообщения, которые дали возможность открыть даты его рождения по случайному открытию его надгробной плиты в Италии»¹⁶. Сведения, поступившие к нему от неизвестного источника о нахождении места захоронения зодчего, заставили Петрова собрать всю имеющуюся у него информацию и продолжить исследование в биографическом ключе, попутно выявляя новые данные уже непосредственно о самом архитекторе. Некоторые исследователи склонны думать, что Петров сам обнаружил надгробную плиту [Кедринский 2013, с. 66]. Но, судя по биографии историка, в Италии он не был, и говорит об этом факте достаточно пространственно, без подробностей, что склоняет к заключению необоснованности подобного рода утверждений.

17 февраля 1876 г. на заседании Петербургского Общества архитекторов П.Н. Петров впервые представил свои наработки в виде обширного доклада¹⁷ [Гусева 2024, с. 78], дав ему наименование «Биография графа Растрелли». В протоколе заседания доклад отразился более чем на тридцати рукописных страницах. «Обещав в одном из следующих заседаний общества, еще раз поговорить об архитектурной деятельности Растрелли и о значении этого художника в истории искусства, г. Петров закончил свое интересное сообщение при громких рукоплесканиях всего собрания»¹⁸. К сожалению, история не сохранила для нас сведений о последующих выступлениях Петрова, посвященных Растрелли. Однако мы обладаем статьей, вышедшей немного позднее, в которой историк

¹⁵ Там же. Ед. хр. 48. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 32.

¹⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸ Там же. Ф. 708: Собко Н.П. Ед. хр. 551. Л. 39.

постарался в достаточно емкой форме зафиксировать основные свои тезисы, озвученные на докладе. Это была первая публикация о Растрелли, носящая биографический характер.

На докладе Петрова среди прочих присутствующих находился искусствовед и библиограф Николай Петрович Собко, который, бегло законспектировав его выступление, весьма оперативно опубликовал свои записи в газете¹⁹: «Вчера, во вторник, 17-го февраля, в заседании общества архитекторов, П.Н. Петров сообщил несколько любопытных сведений о знаменитом зодчем XVIII-го века, графе Растрелли-сыне». Мы понимаем, что конспект, конечно же, ничего нового в биографию зодчего привнести не мог, но он сыграл важную роль в популяризации и фокусировке внимания к личности архитектора. К тому же эта публикация имеет любопытные особенности. Она отражает отклик присутствующей на докладе аудитории и показывает, какие подробности и детали больше всего ее заинтересовали. Собко упоминает работы в доме вице-канцлера Шафирова, пишет о его «удачном дебюте» и успехе «молодого строителя» – Зимнем дворце Анны Иоанновны, о его перестройке. Отмечает высокую стоимость этой постройки, на которой также было акцентировано внимание публики и во время доклада Петрова – присутствующие активно интересовались этим вопросом, дискутировали, все это было зафиксировано в протоколе заседания. Далее Собко уделяет внимание «Митавским поместьям» Бирона в контексте появления у зодчего высоких покровителей, о командировке Растрелли в Курляндию для строительства «герцогского замка», который по предположению Петрова так и не был достроен и в результате был разрушен. Освещает эпоху Елизаветы Петровны в рамках строительной деятельности зодчего, говоря и о работах в Царском Селе, и о постройке Смольного монастыря и прочих постройках. В своей заметке Собко также перечисляет коллектив зодчих, среди которых работал Растрелли. И в завершение добавляет сведения о том, что «в том же заседании присутствовавшим были продемонстрированы фотографические снимки с конкурсных проектов здания исторического музея в Москве». Стоит отметить, что многие подробности из жизни архитектора, освещенные в докладе Петрова, Собко не принял к сведению, не записал и не отразил в своей статье. Например, детали приезда зодчего в Россию, сведения о его учебе, о предполагаемых датах жизни и прочих вопросах, касающихся непосредственно самого архитектора. А ведь Петров анонсировал серьезное историческое открытие – обнаружение

¹⁹ Там же.

надгробной плиты архитектора! Ни один из присутствующих не расспросил об этом факте подробнее, благодаря чему он ушел в небытие, и вопрос этот по сей день является открытым. Собко, как и многих других исследователей XIX в., более всего захватывала творческая сторона жизни художника, шедшая в противовес биографической. Впрочем, информация, представленная Петровым на докладе, была для присутствующих в новинку, и насущные проблемы биографики Растрелли, впоследствии растянувшиеся на столетие вперед, могли вполне не обратить на себя внимание. Несмотря на это, фундамент биографической истории архитектора был прочно заложен, дальше – следовало только развитие.

После выхода публикации П.Н. Петрова в ареале исторической литературы начали появляться работы, посвященные непосредственно жизнеописанию Ф. Растрелли, а не только объектам его творческой деятельности, как это было ранее. В рамках XIX века, к сожалению, можно отметить лишь две такие работы, одна из которых принадлежит И. Божерянову. Любопытный факт заключается в том, что она создавалась независимо от доклада Петрова.

Обозначив хронологические рамки своего биографического исследования 1715–1763 гг., Божерянов указал на отсутствие в его распоряжении исторических сведений за их пределами. Какими источниками пользовался исследователь, можно только гадать, так как его единственная ссылка, представленная в тексте, указывает на работу, в которой упоминается конная статуя Петра I, не имеющая отношения к Растрелли в том контексте, в котором о ней говорится²⁰. Но вероятнее всего, Божерянов использовал документы петербургских архивов, что видно по упоминанию канцелярии от строений и по представленным точным суммам некоторых построек Растрелли. Также косвенно и без подробных выходных данных он ссылается на биографию Воронихина, которую использовал для определения сведений о судьбе Строгановского дворца. Можно с уверенностью сказать, что на докладе Петрова он не был и с его статьей был незнаком. Сама биография Растрелли в изложении Божерянова получилась весьма фрагментарная и в некоторых местах путанная – историк соединил факты биографий двух разных исторических деятелей в одну – Франческо Растрелли и его отца скульптора Бартоломео Растрелли.

Несмотря на обозначенную характеристику, работа И. Божерянова получилась весьма самобытной и интересной с точки зрения формирования историографии Растрелли, задающей

²⁰ *Лебедев П.С.* Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича: 1796–1801 // Русская старина. Т. 1. С. 577–608.

серьезную попытку создать полноценный биографический сюжет. По всей видимости, в процессе своего исследования И. Божерянов предпочел бы также обратиться к всевозможным энциклопедическим словарям для сбора сведений, но обнаружил, что ни в одном из них нет статей о Растрелли. Об этом он и сообщил в своей работе.

Спустя 17 лет, в последний год XIX в., такая статья все-таки выходит – в энциклопедии Брокгауза и Ефрона²¹. Ее автор Б. Веселовский в отличие от И. Божерянова проводит четкую черту между двумя биографиями отца и сына Растрелли. Нет сомнений в том, что он был знаком со статьей П.Н. Петрова, так ряд сведений в их работах перекликаются достаточно отчетливо. Однако не все рассуждения Петрова нашли отклик у Веселовского. Петров, например, был склонен считать, что ученическая поездка Растрелли продолжалась около двенадцати лет, Веселовский же считает, что всего – пять. Можно предполагать, что для составления своей заметки Веселовский активно пользовался исследованиями, посвященными отдельным зданиям, построенным архитектором, так как историк постарался собрать максимальное количество информации, касающееся творческого наследия мастера, хотя и изложенное крайне емко, впрочем, как и положено в энциклопедической статье. Указаний на то, что автор пользовался архивными источниками, в этой работе не наблюдается.

Энциклопедическая статья Б. Веселовского завершает собой историографию Растрелли XIX столетия. Надо сказать, что работа эта хоть и вобрала в себя некоторые сведения, предоставленные П.Н. Петровым, но она весьма переработана и является по сути своей самобытной и бесспорно биографической, но при этом по-прежнему сохраняет в себе привычные акценты на творческую сторону жизни архитектора.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что рассматриваемый исторический отрезок времени, а именно XIX век, характеризуется заметной сдержанностью исследовательского интереса к фигуре Ф.Б. Растрелли, особенно в первой половине столетия. Образ архитектора не требовал биографической фокусировки, поскольку был заслонен вниманием к его архитектурной деятельности. Это

²¹ *Веселовский Б.К.* Растрелли // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. 1899. Т. 36. С. 341.

привело к почти полному отсутствию интереса к истории его жизни и к вытеснению его личности с горизонта исторического познания. Лишь с последней трети XIX в. интерес к биографии Растрелли, наряду с его творческим наследием, начал возрастать, в особенности это произошло после выступления П.Н. Петрова в Петербургском Обществе архитекторов.

В заключение можно отметить, что XIX век стал ареной формирования, преобразования и развития историко-биографической мысли, посвященной Растрелли. Анализ историографических источников показал, как из устной памяти очевидцев и их потомков эта мысль постепенно переросла в серьезное научное исследование и завершилась, если ограничиваться рамками рассматриваемого периода, первой в России посвященной ему энциклопедической статьей. Учитывая специфику восприятия фигуры архитектора, при которой творческая деятельность строго заслоняла историю его жизни, можно сказать, что этот барьер был пройден благодаря коллективу исследователей последней трети XIX столетия. В это время был выявлен базовый биографический материал, на основе которого составлены первые исторические нарративы, а сведения о творческой деятельности были помещены в историко-биографический контекст, что открыло путь к дальнейшему осмыслению собранных сведений и последующему усовершенствованию исторического познания, посвященного жизни архитектора Франческо Бартоломео Растрелли.

Литература

- Гусева 2025 – *Гусева К.С.* Палитра имен Франческо Бартоломео Растрелли // Русское искусство. 2025. № 1. С. 104–113.
- Гусева 2024 – *Гусева К.С.* Шпага Растрелли: Биографические заметки о знаменитом архитекторе. СПб.: Русская коллекция, 2024. 79 с.
- Кедринский 2013 – *Кедринский А.А.* Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец: от пригородной усадьбы до парадной резиденции, 1710–1760. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013. 272 с.
- Овсянников 1982 – *Овсянников Ю.М.* Франческо Бартоломео Растрелли. Л.: Искусство (Ленинградское отделение), 1982. 223 с. (Жизнь в искусстве)
- Суслов 1928 – *Суслов А.В.* Зимний дворец: Исторический очерк. Л.: Комитет популяризации художественных изданий при Государственной академии истории материальной культуры, 1928. 64 с. (Государственный Эрмитаж)

References

- Guseva, K.S. (2025), "Palette of names Francesco Bartolomeo Rastrelli", *Russkoe iskusstvo*, no. 1, pp. 104–113.
- Guseva, K.S. (2024), *Shpaga Rastrelli: Biograficheskie zametki o znamenitom arkhitekto-re* [Rastrelli's sword. Biographical notes on the famous architect], Russkaya kollekti-siya, Saint Petersburg, Russia.
- Kedrinskii, A. A. (2013), *Bol'shoi Tsarskosel'skii (Ekaterininskii) dvorets: ot prigorodnoi usad'by do paradnoi rezidentsii, 1710–1760* [The Great Tsarskoye Selo (Catherine's) Palace: from a suburban estate to a ceremonial residence. 1710–1760], Istoricheskaya illyustratsiya, Saint Petersburg, Russia.
- Ovsyannikov, Yu.M. (1982), *Franchesko Bartolomeo Rastrelli* [Franchesko Bartolomeo Rastrelli], Iskusstvo (Leningradskoe otdelenie), Leningrad, USSR. (*Zhizn' v iskusstve*)
- Suslov, A. (1928), *Zimnii dvorets: Istoricheskii ocherk* [Winter Palace. Historical essay], Komitet populyarizatsii khudozhestvennykh izdaniy pri Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury, Leningrad, USSR. (*Gosudarstvennyi Ermitazh*)

Информация об авторе

Ксения С. Гусева, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4; palmion@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-3870-6055

Information about the author

Ksenia S. Guseva, The State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia; 4, Inzhenernaya St., Saint Petersburg, Russia, 191186; palmion@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-3870-6055

Особенности документального оформления
и учета терракот майя I тыс. н. э.
по материалам музеев

Ирина Ю. Демичева

*Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия, iudem@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен общий анализ различных вариантов способов фиксации информации о майяских терракотовых статуэтках I тыс. н. э., размещенной в оцифрованных коллекциях на сайтах музеев. Анализ общедоступных материалов фондов музеев Мексики, Гватемалы, Белиза, Чили, США, Канады, Великобритании, Германии, Нидерландов, Испании позволил выделить ряд особенностей документального оформления информации о терракотах. Одним из ключевых критериев группировки материалов послужил объем данных, внесенных в учетную (инвентарную) карточку музейного экспоната. Таким образом условно удалось определить три группы фиксации материала. В первой представлены обширные сведения об экспонате. Фотографии фигурок выполнены с различных ракурсов. В случаях, когда терракота является музыкальным инструментом, сведения дополняют аудиодорожки со звуком, издаваемым описываемой фигуркой. Во второй группе представлен так называемый средний объем информации, позволяющий сформировать общее представление о единице хранения. Изображение в таких случаях чаще выполнено с одного ракурса. Третья группа отличается минимальным набором сведений. В целом независимо от месторасположения музея при включении единицы хранения в фонд специалисты стараются зафиксировать максимум имеющейся о терракоте информации.

Ключевые слова: майя, терракотовые статуэтки, музей, сайт, инвентарная карточка экспоната музея

Для цитирования: Демичева И.Ю. Особенности документального оформления и учета терракот майя I тыс. н. э. по материалам музеев // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2026. № 1. С. 74–82. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-74-82

Features of the documentation and accounting of Maya terracottas from the 1st millennium AD based on museum materials

Irina Yu. Demicheva

*Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPА,
Nizhny Novgorod, Russia, iudem@mail.ru*

Abstract. The article presents a general analysis of various ways to record information about Maya terracotta figurines of the 1st millennium AD, posted in digitized collections on museum websites. One of the key criteria for grouping materials was the amount of data entered into the accounting (inventory) card of the museum exhibit. Thus, it was conditionally possible to identify three groups of fixation of the material. The first one provides extensive information about the exhibit. The photos of the figures are taken from various angles. The second group contains the average amount of information, which allows us to form a general idea of the storage unit. In such cases, the image is more often made from a single angle. The third group has a minimal set of information. In general, regardless of the location of the museum, when including a storage unit in the fund, experts try to record the maximum information available about figurines.

Keywords: Maya, terracotta figurines, museum, website, a museum inventory card

For citation: Demicheva, I.Yu. (2026), “Features of the documentation and accounting of Maya terracottas from the 1st millennium AD based on museum materials”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 74–82, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-74-82

Введение

Деятельность по сохранению памятников историко-культурного наследия является одной из ключевых задач, решаемых как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств. Одним из основных элементов в цепочке структур, работающих в этой сфере, являются музеи различных уровней. Несмотря на то что приоритетным направлением многих из музеев является забота о памятниках, находящихся на территории своего государства, в них столетиями формируются фонды экспонатов других культур и цивилизаций. Их политика в этом отношении имеет единое направление, выраженное в хранении и сохранении любых артефактов древности.

Основное содержание

Ярким примером может служить фигуративная пластика майя I тыс. н. э. География музеев, где находятся на хранении терракотовые статуэтки, довольно широка. Они расположены на территории Нового и Старого света: Мексике, Гватемале, Белизе, Чили, США, Канаде, Великобритании, Германии, Нидерландах, Испании и пр. Географическое месторасположение музея, связанное близостью или удаленностью к майяским памятникам, играло одну из ключевых ролей в формировании коллекций. Вместе с тем европейские музеи за счет организации исследований в регионах майя смогли пополнить свои фонды внушительным объемом материала.

В настоящее время идет активный процесс оцифровки хранящихся в фондах артефактов, что позволяет изучать материальную культуру удаленно. Но есть и целый ряд особенностей документального оформления информации о терракотах в различных музеях. Их условно делят на три группы: к первой относятся те, где представлена вся возможная информация об экспонате, включая фотографии с различных ракурсов и иногда аудиодорожки со звуком (если это фигурка в виде музыкального инструмента). Ко второй группе можно отнести так называемый средний объем информации, дающий общее представление о единице хранения с одним ракурсом изображения, к третьей – те, которые представляют минимум сведений с одним изображением или даже просто описью в формате PDF. В качестве примеров можно привести несколько музеев США, Мексики, Европы, которые довольно ярко демонстрируют указанную выше специфику фиксации и документооборота терракотовых статуэток.

Тщательное документирование экспонатов фондов любого музея начинается уже на стадии его открытия. Одним ведущих музеев Мексики является Национальный музей антропологии. Несмотря на несколько реорганизаций на протяжении своей более чем двухсотлетней истории¹, музей смог сформировать богатую коллекцию фигурок майя. Результатом работы по оцифровке фондов стала электронная коллекция, размещенная на странице сайта музея. Изображения статуэток можно найти в разделе коллекции – археология – майя. Информация «инвентарной карточки» содержит так называемые технические данные. Присутствует цифровой инвентарный номер, наименование культуры (майя), размер экспонаты (высота, ширина, глубина и вес), техника изготовления (с помощью

¹ Neurath J. ¿Un Museo Plurinacional de Antropología? Sobre el proyecto reciente de actualizar el Museo Nacional de Antropología de México // MODOS: Revista de História da Arte. 2024. Vol. 8. No. 2. P. 403–442.

формы или вручную)². Иные показатели скрыты и недоступны пользователям сайта. Фотография фигурки представлена с одного ракурса, возможно ее увеличение на странице сайта, но скачивание недоступно. Для публикации фото с сайта музея необходимо официальное разрешение, получаемое после запроса.

Интерес для исследователей представляют фонды не только государственных, но и частных музеев, например Музей Ампаро в Мексике. Информация о терракотовых статуэтках в этом музее унифицирована. Объем самих сведений зависит от данных, которые имеются на конкретную статуэтку. Названия самих экспонатов даны по маркерным признакам терракоты. Присутствуют следующие формулировки: «сидящая фигурка»³, где за основу названия взято расположение тела в пространстве, или «богато одетый знатный»⁴, где ключевыми являются два признака: социальный статус и костюм. В основу критерия по определению названия может выступать и половая принадлежность субъекта, например «знатная женщина в головном уборе с бусинами»⁵. Сама информация содержит следующие блоки: *культура* (в нашем случае это майя); *регион* (присутствует конкретизация места, например, «остров Хайна, Кампече», или при недостаточных сведениях в этом разделе обозначено просто регион «майя»); *хронологический период* (как правило, это «классический период»); *год* – в большинстве своем указывается временной интервал (в основном это 600–909 гг. н. э.); *техника изготовления* (прописаны способы производства фигурки: вручную, с помощью форм, использовано ли заглаживание или перфорация деталей фигурки, налепы или изделие выполнено в смешанной технике); *размер* (указан в сантиметрах с одним знаком после запятой, представлены длина, ширина, высота); *номер и название зала экспонирования* (например, «Зал 4. Общество и обычаи» или «Зал 6. Искусство, форма и выражение»); *инвентарный номер* (имеет буквенно-цифровой состав и включает 14 знаков (5222MAFA57PJ61⁶); *исследователь* или группа исследователей,

² Museo Nacional de Antropología. URL: https://mna.inah.gob.mx/colecciones_detalle.php?id=68297&sala=9&pg=1 (дата обращения: 07.11.2025).

³ Figurilla sedente. URL: <https://museoamparo.com/colecciones/pieza/16/figurilla-sedente> (дата обращения: 18.09.2025).

⁴ Noble ricamente ataviado. URL: <https://museoamparo.com/colecciones/pieza/30/noble-ricamente-ataviado> (дата обращения: 07.11.2025).

⁵ Mujer noble con tocado de cuentas. URL: <https://museoamparo.com/colecciones/pieza/17/mujer-noble-con-tocado-de-cuentas> (дата обращения: 07.11.2025).

⁶ Ibid.

которая проводила или проводит изучение конкретного экспоната. Завершает череду блоков «описание». Он наиболее обширен и содержит подробнейшее описание представленного экспоната с библиографическим списком (при его наличии). Объем последнего модуля напрямую зависит от объема информации о статуэтке. Фотографии выполнены с нескольких ракурсов, и их увеличение позволяет внимательно изучить все детали статуэтки. Большой интерес для исследователей представляет наличие аудиофайлов в виде звуковых дорожек, демонстрирующих звук, извлекаемый из фигурок – музыкальных инструментов. Такие терракоты этого музея становятся отдельным объектом для изучения [Sánchez 2021].

Близкие тенденции в оформлении инвентарных карточек прослеживаются и в Художественной галерее Йельского университета (США). Фигурка имеет название (например, фигурка сидящего человека). Далее следует информация об авторе, который ее изготовил (эта графа пустует и упоминание гласит, что автор неизвестный). Представлен блок с датировкой (в основном это 600–900 гг. н. э.). Указан фонд, где можно найти указанную фигурку (Искусство Древних Америк). Присутствуют минимальные характеристики особенностей изготовления: например, прописано, что это керамика с пигментом. Тщательно указаны размеры как в дюймах, так и в сантиметрах. Есть информация о том, как данный экспонат появился в музее, так называемая кредитная история, например фигурка под инвентарным номером 2002.15.10 была подарена музею⁷. Инвентарный номер выражен цифрами. В отдельные блоки выделена географическая область (Мексика) и культура (Мексика, возможно, Кампече, остров Хайна, майя). Датировка может содержать указание на хронологический период (позднеклассический период). Отдельно выделена классификация: скульптура. В блоке «примечания» присутствуют сведения, что вся информация сформирована на основе источников, полученных музеем. При возможности указаны предыдущие владельцы экспоната. Есть библиографический список изданий, где опубликованы более ранние изображения фигурки. Фотографии объекта сделаны спереди, справа, слева, сзади. Есть возможности свободной загрузки изображений.

Большой интерес представляет особенность фиксации терракотовых фигурок, находящихся в фондах Бруклинского музея. Несмотря на то что общая структура в целом унифицирована, название и наполняемость блоков основной информацией может

⁷ Seated Female Figure. URL: <https://artgallery.yale.edu/collections/objects/64349> (дата обращения: 14.11.2025).

серьезно отличатся. Критерием названия экспоната могут выступать различные признаки, например встречается формулировка «фигурка майя»⁸, изображающая сидящего мужчину, или «стоящая фигура танцора»⁹, где акценты сделаны и на положении тела в пространстве, и на роде деятельности персонажа. При этом в первой формулировке очевидный признак положения тела в пространстве (сидя) в названии проигнорирован. В качестве базового признака нередко берется предполагаемый статус персонажа, как-то: «статуэтка представителя знати со съёмным головным убором»¹⁰. В данном случае добавляются еще и особенности головного убора (съёмный или нет). Основная информация имеет разделы со следующими названиями: *культура* (всегда майя); *коллекция* (Американское искусство); *активность в галерее* (не выставляется); *название фигурки* (большая вариативность); *материал* (всегда глина, при наличии следов краски ставится отметка «пигмент, краска»); *размер* представлен в трех формах (длина, ширина, высота) в двух единицах измерения (дюймы и см). При наличии съёмных элементов, составляющих с фигуркой единую композицию, эти элементы измеряются отдельно. *Период* (прописан не всегда, может быть представлена формулировка «позднеклассический период»). В блоке «классификация» всегда указано, что это скульптура. *Дата* может быть как прописана, так и нет. Наиболее распространенная датировка это 300–900 гг. н. э. *Инвентарный номер* указан всегда. В основном это его цифровой вариант. Буквенные обозначения присутствуют, если изображение выполнено в виде нескольких фотографий с разных ракурсов (№ 2009.2.18a-b). Варианты цифрового номера могут быть разными (№ 66.88, № 48.2.3, № 2009.2.15)¹¹. *Подпись объекта* дублирует основные сведения и присутствует всегда. *Карточка экспоната* (при ее наличии) содержит развернутое описание фигурки. *Кредитная история* включает сведения о способе попадания в музей, имеется в виду финансовая составляющая. Например, в «кредитной истории» экспоната под

⁸ Maya Figurine. URL: <https://brooklynmuseum.org/ru-RU/objects/60945> (дата обращения: 17.11.2025).

⁹ Standing Figure of Dancer. URL: <https://brooklynmuseum.org/ru-RU/objects/89688> (дата обращения: 17.11.2025).

¹⁰ Figurine of a Nobleman with Detachable Headdress. URL: <https://brooklynmuseum.org/ru-RU/objects/186782> (дата обращения: 19.11.2025).

¹¹ Maya. Figurine of a Warrior, 600–900. Ceramic, pigment, 7 × 2 1/8 × 1 1/2 in. (17.8 × 5.4 × 3.8 cm). Brooklyn Museum, Gift in memory of Fred-eric Zeller, 2009.2.15. URL: <https://www.brooklynmuseum.org/ru-RU/objects/186777> (дата обращения: 20.11.2025).

№ 66.88 указано, что «приобретена на средства анонимного спонсора». Блок «*происхождение*» содержит подробные сведения об истории экспоната. В качестве примера можно привести фигурку 2009.2.18a-b, где во вкладке блока значится «до 1966 г. происхождение еще не задокументировано; в 1966 г. приобретена Гаем Пуэрто из Мерида, Мексика; в 1966 г. приобретена у Гая Пуэрто Фредериком Зеллером из Саг-Харбора, Нью-Йорк; в 1994 г. унаследован от Фредерика Зеллера Сюзан Кеннеди Зеллер из Саг-Харбора; в 2009 г. подарена Сюзан Кеннеди Зеллер Бруклинскому университету». Блок «*изображение*» может включать как черно-белое, так и цветное фото экспоната. Количество фотографий различное. Все они доступны для скачивания. Таким образом, из пятнадцати позиций постоянными являются только девять, остальные имеют вариативный характер, и их наличие определено имеющимся объемом данных по конкретному образцу.

Довольно серьезные коллекции майяского материала имеют и европейские музеи. В Испании, например, существует отдельная электронная база данных, содержащая сведения о фондах испанских музеев с довольно удобным интерфейсом. Поиск может быть осуществлен по конкретному запросу или названию музея. Объем информации по фигуркам не очень большой. Вместе с тем в карточке содержатся все известные музею данные. К примеру, по запросу «майя», сайт сформировал 27 страниц с экспонатами. Майяские фигурки в оцифрованных фондах представлены скромно. В карте содержатся данные о музее, где хранится статуэтка или ее фрагмент, инвентарном номере, общей классификации (археологическая керамика), названии объекта (фрагмент фигурки, антропоморфная фигурка), материале (керамика), размере (высоте, ширине в сантиметрах), описании, датировке (указывается название периода и конкретные даты), культуре (Мезоамерика, майя), месте нахождения (Мексика), месте происхождения (остров Косумель). В целом в фондах находятся фигурки и их фрагменты из Мексики и Гватемалы. Фотографии выполнены в нескольких ракурсах. Информация находится в свободном доступе. Ее и серию фотографий можно скачать в формате PDF¹².

Хорошо представлен майяский терракотовый материал в музее Великобритании. Объем информации экспоната оцифрованной коллекции напрямую связан с источником попадания фигурки или ее фрагмента в хранилище. Часть терракот была выкуплена, принята в дар, часть извлечена во время проведения официальных раз-

¹² la Red Digital de Colecciones de Museos de España. URL: <https://ceres.mcu.es/pages/Main> (дата обращения: 10.11.2025).

ведок и раскопок на территории майяских памятников (например, Лабаантуна). Структура карточки экспонатов может содержать разные блоки. Это опять же зависит от информационной наполненности данных. *Тип объекта*, к которым могут быть отнесены фигурки, определяется как «фигура», «фигурка», «музыкальный инструмент», «свистулька», «свисток», «аэрофон»¹³. *Музейный номер* указывается в обязательном порядке и представляет собой комбинацию букв и цифр (Am1930,F.185)¹⁴. В *описании* содержатся данные о способе изготовления фигурки, декоративных элементах, изображенных субъектах и пр. Например, фигурка под номером Am1946,02.1 описана так: «глиняная статуэтка, полая, изготовленная с помощью формы, изображает майяское божество с поднятыми руками, одна из которых сломана»¹⁵. В блоке «культура/период» могут быть представлены различные варианты написания информации: просто «майя» и (или) «майя классического периода». *Датировка* встречается нечасто. В основном указывается интервал дат (700–900 гг. н. э.). *Место находки* или раскопов прописывается при наличии сведений. Отдельно выделяется блок с *именем коллекционера* или археолога, проводившего изыскания в регионе. В разделе «материал» может быть использована формулировка «глина», «керамика». *Способ изготовления* часто указан не только в описании, но и выделен в отдельный блок «техника изготовления». *Размер* указан в сантиметрах и содержит от одного до трех параметров. *Степень сохранности* может быть прописана как в «описании», так и выделена в отдельный блок. Иногда встречаются сведения «*имя дарителя*», «*дата приобретения*». Все экспонаты отнесены к тому или иному отделу, например фигурки майя – это отдел «Африка, Океания и Северная и Южная Америка».

Заключение

В целом независимо от месторасположения музеи при включении единицы хранения в фонд стараются зафиксировать максимум имеющейся информации. Степень ее объема зависит от того, как

¹³ Collection online. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/search?keyword=maya&object=figurine&view=grid&sort=object_name_asc&page=1#page-top (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁴ Figurine. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/E_Am1962-08-3 (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁵ Figurine. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/E_Am1946-02-1 (дата обращения: 10.11.2025).

фигурка оказалась в музее. Была ли она приобретена музеем, получена в дар от мецената или поступила после проведения раскопок. Данные структурированы по ключевым блокам, стандартным в большинстве музеев. Названия блоков имеют незначительные различия. Правила использования данных о фигурках и их изображений определяются правилами конкретного музея. В основном они признаны общественным достоянием, и публикация их изображений требует ссылки на музейные фонды. В ряде случаев требуется сделать официальный запрос в музей. Все музейные фонды находятся в режиме постоянного обновления, усовершенствования и пополнения.

Литература

Sánchez 2021 – *Sánchez G.S. Los instrumentos musicales prehispánicos de la Colección del Museo Amparo. Puebla de Zaragoza: Museo Amparo: Fundación Amparo, 2021. 81 p.*

References

Sánchez, G.S. (2021), *Los instrumentos musicales prehispánicos de la Colección del Museo Amparo*, Museo Amparo, Fundación Amparo, Puebla de Zaragoza, México.

Информация об авторе

Ирина Ю. Демичева, кандидат исторических наук, Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия; 603057, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, д. 46; iudem@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5006-0365

Information about the author

Irina Yu. Demicheva, Cand. of Sci. (History), Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEP, Nizhny Novgorod, Russia; 46, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603057; iudem@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5006-0365

Н.Я. Марр и суварская концепция происхождения чувашей

Андрей С. Сараев

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
Чебоксары, Россия, andrejsaraev@yandex.ru*

Аннотация. Представление о происхождении чувашей от средневекового племени сувар, жившего будто бы в Волжской Булгарии, солидарно разделяется учеными и представителями околонаучной среды. Обилие работ, упоминающих сувар, заслоняет почти полное отсутствие информации о них в письменных источниках, где упоминается только город Сувар в Волжской Булгарии и иногда выходцы из него. Однако всегда подчеркивается, что они мусульмане, в отличие от чувашей, которые были язычниками вплоть до своего массового крещения с середины XVIII в. В статье показано, что истинным автором суварской концепции являлся академик-языковед Н.Я. Марр, яфетическая теория которого господствовала в раннесоветской гуманитарной науке. На волне нациестроительства в 1920-е гг. стали активно разрабатываться национальные исторические нарративы в союзных и автономных республиках СССР. В этот процесс активно включился Марр. Чувашаи его привлекли особой архаичностью своего языка в сравнении с другими тюркскими языками. Поэтому Марр сходу признал чувашский язык «яфетическим». Для Марра линия чувашского этногенеза выглядела так: шумеры (субары) – сувары – чувашаи. Позже, в 1950 г., когда благодаря Сталину идеи Марра и его последователей были развенчаны, чтобы не отказываться от привычной схемы, из нее отбросили наиболее одиозный элемент – шумеров (субаров), и в таком виде схема дожила до наших дней. Однако, избавившись от шумеров, схема не сделалась более научной, поскольку в ее основе лежал чистый домысел, а не опора на твердые факты.

Ключевые слова: сувары, чувашаи, шумеры, этногенез, Н.Я. Марр, яфетическая теория, М.Г. Худяков, В.В. Бартольд

Для цитирования: Сараев А.С. Н.Я. Марр и суварская концепция происхождения чувашей // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 83–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-83-110

N.Ya. Marr and the Suvar concept of the origin of the Chuvash

Andrei S. Saraev

*Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia, andrejsaraev@yandex.ru*

Abstract. The idea that the Chuvash descend from the medieval Suvar tribe, supposedly living in Volga Bulgaria, is widely held by scientists and representatives of the near-scientific community. The abundance of works mentioning Suvar obscures the almost complete lack of information about them in written sources, which only mention the city of Suvar in Volga Bulgaria and, occasionally, people from it. However, it is always emphasized that they are Muslims, unlike the Chuvash, who were pagans until their mass baptism in the mid-18th century. The article demonstrates that the true author of the Suvar concept was the academic linguist N.Ya. Marr, whose Japhetic theory dominated early Soviet humanities. With the wave of nation-building in the 1920s in the early USSR, national historical narratives began to be actively developed in the Soviet and autonomous republics. Marr has been actively involved in this process. The Chuvash attracted him because of the particularly archaic nature of their language compared to other Turkic languages. Therefore, Marr immediately recognized the Chuvash language as “Japhetic”. For Marr, the line of Chuvash ethnogenesis looked like this: Sumerians (Subars) – Suvars – Chuvash. Later, in 1950, when, grace to Stalin, the ideas of Marr and his followers were debunked, in order not to abandon the familiar scheme, the most odious element, the Sumerians (Subars), was discarded from it, and in this form the scheme has survived to the present day. However, after getting rid of the Sumerians, the scheme did not become more scientific, since it was based on pure speculation rather than solid facts.

Keywords: Suvars, Chuvash, Sumerians, ethnogenesis, N.Ya. Marr, japhetic theory, M.G. Khudyakov, V.V. Bartold

For citation: Saraev, A.S. (2026), “N.Ya. Marr and the Suvar concept of the origin of the Chuvash”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 83–110, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-83-110

Его статья – громовая речь, проповедь.
Он нарочно минует все известное, шаблонное
и устаревшее, даже не сражаясь с ним.
Он знает столько вещей, что ему удить
в чужой воде нечего...
Он задыхается от своих мыслей.
(Знаменитые «яйца» в его корректурах –
огромные овалы, утраивавшие содержание.)
Если бы дать ему четыре руки, они все были
бы заняты¹.

...В этом узле проблем, связанных
с этногенезом народностей Волго-Камья,
много произвола, нечеткостей, скороспелости,
и в нем, скажем мягко, преобладают иногда
посторонние науке соображения².

Этапы формирования «суварской проблемы»

«Суварская проблема» имеет два измерения.

Первое связано с идентификацией названия «с-в-р» арабских и еврейских источников о средневековой Восточной Европе. Это может быть название города, области или некоего населения. В зависимости от контекста «с-в-р» может помещаться в различных частях Восточной Европы: на Кавказе, в нижнем или в среднем Поволжье. В таком виде проблема возникла в начале XIX в. в ходе параллельного изучения письменных источников и кладов мусульманских монет.

Второе измерение проблемы возникло позднее. При изучении всех доступных источников о прошлом Восточной Европы обнаружилось отсутствие ранних (до XVI в.) упоминаний чувашей³. Естественно было предположить, что либо чувашаи недавние при-

¹ Алексеев В.М. Наука о Востоке. М.: Наука, 1982. С. 38.

² Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века // Археология и социальный прогресс: Материалы конференции. Вып. 2. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1991. С. 78.

³ Список населенных мест Российской империи. Вып. 14: Казанская губерния. СПб., 1866. С. LXII; Куник А.А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именику // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах: статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена. СПб., 1878. С. 155, 157–158.

шельцы⁴ на местах своего современного обитания, во что, однако, мало кто верил; либо они или их предки скрываются под другим названием. Вариантов предлагалось немало – от давнего неразличения источниками чувашей и «черемисов»⁵ (название впервые зафиксировано в еврейско-хазарской переписке X в. и в «Повести временных лет») до происхождения чувашей от болгар или загадочных буртасов.

Одним из таких вариантов стало предположение о происхождении «чуваш» от названия «сувар».

Впервые в явной форме это сформулировал византинист Фридрих (Федорович) Вестберг, служивший старшим учителем городского реального училища в Риге. В 1899 г. в двух номерах «Известий Императорской Академии наук» он опубликовал на немецком языке большую статью, в которой, комментируя список народов из письма хазарского кагана Иосифа, при слове «сувар» кратко отметил: „S(u)war (Siwar) = سوار oder صوار, Stadt und Stamm der Wolgabulgaren“ (т. е. «С(у)вар (Сивар) = ...город и племя волжских болгар»)⁶.

Позже переработанный вариант статьи был опубликован по-русски. В соответствующем месте дан фактически перевод немецкого фрагмента: «Сувар или сивар, племя и город болгар у арабских пи-

⁴ См., например, предположение известного историка А.И. Яковлева, высказанное им во введении к биографии своего отца: «Одна из таких катастроф, как можно пока гипотетически предположить, вызвала сначала отход предков чуваш (суасси) в начале XIII в. в пределы Болгарского царства, а потом, когда... в конце XIV в. Волжская Болгария была жестоко опустошена нашествием Железного Хромца (Тамерлана), уцелевшая группа *болгарских вассалов чуваш* (курсив мой. – А. С.) новым жестоким ударом была отшвырнута далее на север и нашла спасение в чаще сурских лесов, окруженная с запада и востока давними насельниками этих мест – черемисами и мордвою...» (*Яковлев А.И.* Иван Яковлевич Яковлев: 1848–1930. 2-е изд. Чебоксары: Чувашское государственное изд-во, 1958. С. 6–7).

⁵ Парадоксально, но есть исследователи, которые их не различают до сих пор. Ср. комментарий к одному из первых письменных упоминаний чувашей: «Черемиса луговая и нагорная – марийцы (чуваша), племя восточных финнов, занимавшее правый (“нагорный”) и левый (“луговой”) берег Волги»; См.: *Андрей Курбский.* История о делах великого князя московского / подгот. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев. М.: Наука, 2015. С. 525.

⁶ *Westberg F.* Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa (Schluss) // *Известия Императорской Академии наук.* 1899. Т. 11. Вып. 5. С. 305.

сателей: sûâg (начинается сином) или szûâg (написано буквой сад)»⁷ Какого-либо анализа или дополнительных сведений относительно Суvara или «суваров» Вестберг в обоих вариантах статьи не приво-дил. Сам этот вопрос, очевидно, был для него факультативным.

Тем не менее одного случайного замечания хватило, чтобы дать толчок к разработке грандиозной концепции, отдельные элементы которой не изжиты до сих пор.

Примечательно высказывание академика Н.Я. Марра, о кото-ром далее подробно пойдет речь: «Вестберг, цитируя это место, правильно замечает, “Сувар или сивар племя и город болгар у арабских писателей...”, но Вестберг не чувствует, что сувары, живущие на этом берегу, это чувашаи, и никто другой, они же народ одной породы с болгарами»⁸.

Н.Я. Марра необходимо поправить только в одном: не только Вестберг «не чувал» в «суварах» чувашей, но и подавляющее число его предшественников «не чували», что название г. Сувар может обозначать еще и одноименное племя [Сараев 2025].

Таким образом, с конца XIX в. оба измерения «суварской проблемы» стали все более сближаться, пока ко второй четверти XX в. совсем не слились.

Сегодня практически любое упоминание слова «сувар» предпо-лагает чувашскую коннотацию.

В настоящем исследовании рассматривается второй этап сложения суварской проблемы – когда чувашская тема стала в нем прева-лирующей. Главная цель – показать механизм и выявить причины смещения фокуса от историко-географической и отчасти востоко-ведной проблематики к этногенетической. Кроме того, показать роль в переоформлении суварской проблемы фактического главы раннесоветской гуманитарной науки – академика Н.Я. Марра.

Предпосылки возникновения интереса Н.Я. Марра к чувашам

«Суварская концепция» в ее применении к чувашам не могла бы возникнуть без перечисленных предпосылок. Но она могла бы вообще не возникнуть и остаться на уровне отдельных пред-

⁷ Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе. Ч. 2 // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 14. 1908. Март. С. 19.

⁸ Марр Н.Я. Чувашаи-яфетиды на Волге. Чебоксары: Чувашское госу-дарственное изд-во, 1926. С. 71.

положений и догадок, которые бы вскоре забывались, если бы не конкретно-исторические условия, в которых развивалась историография.

В результате революции 1917 г. и предшествовавшего ей подъема национального движения народов Поволжья были образованы автономные области и автономные республики. Начавшиеся затем процессы национального строительства и коренизации требовали создания национального исторического нарратива (например, труды Г. Газиза и Г. Комиссарова по татарской и чувашской истории). Важно, что никакого отношения к марксизму исследования представителей национальных интеллигенций послереволюционного времени не имели, что позже признавали они сами⁹. Жесткой установки на следование марксистской идеологии тогда еще не было. На рубеже 1920-х гг. привилегированное положение в науке получали не за дежурный марксизм в цитатах, а за активное сотрудничество с большевистской властью.

Только этим можно объяснить феноменальное влияние не только в языкознании, но и в прочих гуманитарных науках, которое приобрел академик Н.Я. Марр практически сразу после Октябрьской революции. Он не просто возглавил в новой большевистской России языкознание, но самым активным образом принялся за создание новой лингвистики. Однако, если отвлечься от декларативных утверждений, разработанная Н.Я. Марром «яфетическая теория» не имела никакой связи с марксизмом¹⁰. «Марксистской» ее сделало положение Н.Я. Марра в научной иерархии.

Причудливым образом синонимом марксистского языкознания стал абсолютно религиозный термин, чего сам автор теории не скрывал: «...термин “яфетический”, возникший впервые потому, что дело началось с выявления родства грузинского языка с семитическими, и группа языков с относившимся к ней грузинским была названа по имени Ноева сына Яфета... так как по родству с семитической еще одна группа языков Африки называлась именем другого Ноева сына – хамитической, и свободным термином для указания родственного отношения новой семьи с семитической оставалось имя среднего брата Яфета»¹¹.

⁹ Ср.: «Данное издание существенно отличается от предыдущих. В прежних был несколько идеалистический подход... в настоящем... могу надеяться, что значительно приблизился к марксистскому пониманию истории» [Газиз 1994, с. 17]. «От автора», датировано 3 февраля 1924 г.

¹⁰ «Новое учение» о языке // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 30: Николаев – Олонки. М.: БСЭ, 1954. С. 85–86.

¹¹ *Марр Н.Я.* Чуваша-яфетиды на Волге. С. 5.

Как видно из приведенной цитаты, Н.Я. Марр, – в первую очередь, кавказовед. За работу в этой области он получил звание академика еще Императорской академии наук и чин действительного статского советника, дававший потомственное дворянство [Платонова 2022, с. 81]. Признанием неослабевающей ценности кавказоведческого наследия Н.Я. Марра явилось включение его крупной статьи уже в постсоветское время в антологию трудов отечественных византинистов [Марр 1999]. Понятно, что ничего даже отдаленно напоминающего «яфетидологию» в данной статье нет.

С началом первой мировой войны Марр потерял возможность проводить систематические раскопки в Закавказье, чем он занимался все предшествующие десятилетия¹². Затем собранные им вещественные материалы, а также дневники экспедиций погибли в гражданскую войну [Платонова 2022, с. 91]. На фоне таких трагических утрат Марр на рубеже 1920-х гг. занялся проблемами общей лингвистики. Об этой радикальной смене интереса образно высказался академик-китаевед В.М. Алексеев, сравнив Марра с юношей, ринувшимся «на завоевание новых научных просторов, не знающих более ни Кавказа, ни Востока, но весь мир и всех людей» [Алексеев 1982, с. 35].

И вот лингвист-яфетидолог Н.Я. Марр неожиданно обратил самое пристальное внимание на чувашский язык. Как удачно заметил тот же В.М. Алексеев: «В Николае Яковлевиче закон “причин и следствий” действовал особым образом: все видели следствия, а причин – никто, ибо они рождались феерически, из каких-то атомов, рассеянных в постоянно насыщенной электрическими зарядами атмосфере» [Алексеев 1982, с. 37–38].

По одному из собственных объяснений Марра, интерес к чувашскому языку возник совершенно случайно. В отличие от Ф. Вестберга Марр «учуял» перспективность изучения чувашей: «Учуяв невольно источник уразумения смысла вещей не в нашей мудрости, а в полноте материалов и исчерпывающей экстенсивности охвата, оно <яфетическое языкознание> как и раньше, но более упорно, стало выдвигать в первую очередь изучение всякого живого языка, и быта, и верования, и права, независимо от исторического значения и письменной культуры, т. е. стало выдвигать необходимость и важность изучения в первую голову языков и культур бесписьменных или без-древнеписьменных народов, и на такой стадии развития год тому назад (примерно в середине 1924 г. – А. С.), не будет и года, яфетическое языкознание напало на родство чувашского языка с яфетическими языками, на принадлежность чувашского

¹² Там же.

языка к яфетическим, и теперь определяется, уже наметилось ясно, место чувашского языка среди яфетических»¹³.

Этот интерес Марра к чувашам со всей очевидностью наложился на процесс национально-государственного строительства в недавно (24 апреля 1925 г.) образованной Чувашской АССР. В действительности, скорее именно этим он и был инспирирован и в политическом смысле легко объясним. Большевицкой властью поощрялось внимание ученых к нерусским народам СССР.

В Поволжье были и другие нерусские народы, чьи автономии образовывались в те же годы. Этот факт Марр не игнорировал и даже призывал создать новое научное направление, по аналогии со своим излюбленным кавказоведением названное им «вол-камоведением»¹⁴.

Тем не менее Марр выбрал для приложения своей теории именно чувашей, придавая чувашскому языку гипертрофированное значение – как уникальному в Поволжье, сохранившемуся на «яфетической стадии»¹⁵.

Доклад Н.Я. Марра «Чуваши-яфетиды на Волге»

В действительности финно-угорские материалы являются едва ли не ведущими в базовой для чувашских штудий Марра работе «Чуваши-яфетиды на Волге». Создается даже впечатление, что чувашаи были подставлены в текст, посвященный совсем иным вопросам, в последний момент.

Если брать широко, брошюра «Чуваши-яфетиды на Волге» посвящена проблемам палеоэтногенеза Восточной Европы и сложению прафиннского и праиндоевропейского субстратов [Шнирельман 2024, с. 190], их контактам с кавказскими языками. Специально о чувашах говорится только в начале и в конце брошюры. Одно это

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ *Марр Н.Я.* Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам // *Марр Н.Я.* Избранные работы. Т. 5. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 287. Доклад сделан в 1925 г.

¹⁵ *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. С. 11–12, 15, 17. В результате даже в лингвистических классификациях начала 1930-х гг. чувашский язык стали выделять в отдельную группу. Ср. СССР // *Малая советская энциклопедия.* Т. 8: Скульптура – Тугарин. М., 1931. Стб. 368. Там же на вклеенной между стб. 364 и 365 «Этнографической карте СССР» чувашаи указаны отдельно – как изолированный в языковом отношении народ.

подтверждает, что интерес Марра к чувашам возник внезапно и во многом случайно, а не был продиктован логикой его предыдущих исследований.

Примечательны в этой связи пассажи о якобы важности *чувашского материала* для истории *русского языка*. Приведем их с достаточной полнотой, чтобы продемонстрировать, насколько упоминания чувашей выглядят на самом деле искусственными (курсив во всех цитатах мой. – А. С.):

Таково, в частности, положение дела с русским. Он также образовался в конечном результате на той территории, где он впервые выступает исторически... из доисторического населения Европы, повсеместно яфетического, из *которого никак нельзя исключить чувашский*, где бы процесс оформления русской речи ни происходил... В Восточной Европе во всяком случае русский язык получил завершение своей формовки в среде древнейшего также яфетического населения, от которого в настоящее время в наиболее чистом виде сохранился один чувашский язык, и можно себе представить, *какое огромное значение должен получить чувашский язык для изучения действительных древностей русского языка...* На вопросе о *значении чувашского языка для изучения русского языка* и вообще русской племенной культуры, для толкования названий до-исторических населенных пунктов, рек и т. п., т. е. так называемой топонимики, на роли чувашей, вообще классово-племенных образований Приволжья с их средневековой исторической культурой, и остановлю ваше внимание, подходя к этой ограниченной теме, *в том числе к вопросу о болгарях*, с точки зрения данных яфетического языкознания¹⁶.

Из приведенного фрагмента видно, что вопрос о болгарях представлялся Марру глубоко периферийным, а чувашский материал как таковой нужен только в контексте определения яфетической сущности русского языка. Отметим, что идея связи русского языка с чувашским оказалась подхвачена последователями Марра. Она поддерживалась, например, известным филологом-русистом Ф.П. Филиным в его ранних работах [Алпатов 1991, с. 124–125]. Также историк древней Руси, ленинградский профессор В.В. Мавродин нашел возможность сослаться на «Чувашей-яфетидов...» в своей ранней монографии 1940 г. по истории Северной земли [Мавродин 2002, с. 47].

Необычными, если не знать особенностей «палеонтологии языка» по Марру, покажутся пространные рассуждения о происхо-

¹⁶ *Марр Н.Я.* Чуваша-яфетиды на Волге. С. 18.

ждении названия «Кострома», и что основа названия «Кострома» может быть «интересна для чувашевода»¹⁷. Последнее подчеркивается специально, потому что в брошюре на страницах с 34-й до 47-й о чувашах или их языке не упоминается буквально ни слова, а говорится о разных финно-угорских народах и топонимах и даже названа географически близкая петербуржцу, но никак не жителю среднего Поволжья «Мариинская система» каналов и шлюзов¹⁸.

Предваряя свой длинный экскурс в вопросы археологии, этно- и топонимики северо-запада России, Марр прямо расставляет приоритеты изложения материала: «...основным же предметом изыскания я беру топонимику, т. е. названия населенных пунктов, сел, городов, рек и т. п. И здесь, конечно, мы начинаем с русской ныне территории»¹⁹.

На протяжении всей брошюры Марр не устает подчеркивать, что чувашский материал интересен не столько сам по себе, сколько как образец своеобразного языкового реликта, нужного для сопоставления, в первую очередь, с русскими и иными восточноевропейскими древностями²⁰. Не приводя конкретных примеров, Марр заявил об «ошеломляющем количестве» чувашизмов в русском языке, вскрытом благодаря «яфетическому языкознанию»²¹.

Итак, совершенно очевидно, что доклад «Чуваши-яфетиды на Волге» писался на базе совсем иного материала, имевшего к чувашам самое косвенное отношение. О глубине проработки чувашской темы говорить не приходится. По подсчетам В.М. Алпатова, с чувашским языком Марр работал всего девять дней [Алпатов 1991, с. 24]²². Хотя справедливости ради отметим, что для Марра это все не мало, потому что китайским языком он занимался всего день [Алексеев 1982, с. 39, 391].

По сути, чуваша для Марра стали эвфемизмом для понятия «яфетический», разработанного первоначально применительно к Кавказу. Избрать какой-нибудь один финский язык при их общем типологическом сходстве для этого было бы странно. То же относится к русскому и прочим славянским языкам. Зато чувашский при его разительных отличиях от большинства тюркских языков и

¹⁷ Там же. С. 43–44.

¹⁸ Там же. С. 46.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Там же. С. 20.

²¹ Там же. С. 64.

²² Видимо, на основе упоминания Марром срока его пребывания в Симбирске в январе 1925 г. См.: *Марр Н.Я.* Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам. С. 275.

общей его на начало XX в. малоисследованности удивительно удачно подходил на эту роль – такой условный поволжский «язык-изоляция»²³, чем-то напоминавший по своему положению родной Марру грузинский (откуда и взялись все эти сопоставления чувашского с грузинским²⁴).

Все это сам Марр в свойственной ему манере и формулировал, правда, в другой работе:

...хотя чувашский язык и является лингвистически лучше сохранившимся по Волге и Каме представителем яфетической речи, но вся этнокультурная основа Волжско-Камского края... выступает ли та или другая народность с финским обликом или турецким, одинаково едино-яфетическая, быть может, в некоторых случаях другие *расчувашенные* или отошедшие от языкового яфетидизма народности общественно *более яркие яфетиды*, ближе стоят к доисторическим яфетидам, чем чувашаи²⁵.

«Шумеро-суварская» концепция Н.Я. Марра

Шумеры. Когда Марра называют автором шумерской концепции происхождения чувашей, обращают внимание лишь на самую броскую часть его высказываний о чувашах. Действительно, на всем протяжении брошюры «Чуваши-яфетиды на Волге» (как и в других работах) Марр, если с кем и сопоставлял чувашей, то в первую очередь с шумерами. Причем не только в смысле типологии языка, что тоже облекалось в довольно экзотические формулировки²⁶, но также и в том смысле, что чувашаи являются *реальными потомками*

²³ Даже транспортная недоступность Чебоксар навела Марра на аналогию с Грузией: «Как это ни странно, столица Автономной Чувашской области совершенно изолирована от окружающего мира за долгие зимние месяцы, точно Свания на Кавказе... Ближайшая железнодорожная станция от Чебоксар расположена в 70 верстах от чувашской столицы». См.: *Марр Н.Я.* Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам. С. 275.

²⁴ *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. С. 12–14, 30–31, 33, 68; *Он же.* Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам. С. 279–281.

²⁵ *Марр Н.Я.* Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам. С. 285.

²⁶ «Когда в чувашском имеем *сэма* “слово”, “речь” и т. п., то это форма от основы *сэма-*, пережитка племенного названия шумер или сумар... Первоначально означало “шуме-речь” или “чувашить”, т. е. говорить племенным языком шумеров и т. п.». См.: *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. С. 10.

шумеров: «По названию “чуваши” – шумеры. <...> Племенной состав чувашей, конечно, образован не из одних шумеров...»²⁷.

Марр был прекрасно осведомлен об основных гипотезах происхождения чувашей. Не слишком заботясь о непротиворечивости собственных взглядов²⁸, он все же временами обращал внимание на необходимость соотнесения их с уже существующими в литературе, хотя и весьма своеобразно:

Вопросы болгарский и хазарский... интерес представляют лишь постольку, поскольку дело имеем с переживаниями таких яфетических народов как иберы-кимеры и шумеры, италы и сарматы, ионы или соны и т. д.; между тем выяснилось не только то, что «болгары» это тезки «и-беров» или «шу-меров», что было определено и раньше, но и то, что «хазары», или «хазы», закономерные по названию преемники «салов», герр. «саров» или «и-талов», носивших основную или первую часть названия составного термина «сар-мат». Словом, в общем чуваша – это наши баски...²⁹

Как и в отношении высказывания о связи чувашского языка с русским, эти взгляды Марра также не остались незамеченными современниками, что само по себе подтверждает его уникальное положение в советской науке. Сохранилось письмо к нему от академика Н.И. Вавилова (от 9 февраля 1923 г., т. е. за три года до выхода «Чувашей-яфетидов на Волге»), где адресант проявляет интерес к начатому Марром исследованию народов Поволжья (названы чуваша, мордва, татары). Н.И. Вавилов считал перспективной возможность установления связи между расселением народов и распространением культурных растений. Согласно Н.И. Вавилову полба, возделываемая в то время чувашами, ранее была распространена в Египте и Малой Азии, но к началу XX в. сохранилась в основном в Армении, на Кавказе, в Сербии и, что особенно подчеркивает Вавилов, «у басков в Испании» [Илизаров 2012, с. 336]. Об ответе Марра ничего не известно, но точно известно, что позже

²⁷ *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. С. 15.

²⁸ А.П. Окладников вспоминал в связи с этим следующее: «Моего духовного учителя, академика Марра, часто упрекали в том, что он меняет свои взгляды: сегодня пишет одно, через год – другое. И где же он, настоящий Марр, никто сказать не может. Он ответил сам: человек не дятел, который обречен долбить все одно и то же» (цит. по: *Кополицкий А.К.* Прошлое великий следопыт: Академик А.П. Окладников: страницы биографии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 335).

²⁹ *Марр Н.Я.* Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам. С. 286.

он лично общался с Н.И. Вавиловым, и последний до некоторой степени соотносил свои поиски очагов культивирования растений с идеями Марра.

Сувары. Неожиданно к концу брошюры «Чуваши-яфетиды на Волге» во всем очерченном потоке грузино-шумеро-сармато-финно-баскских «параллелей» возникают как действительные предки чувашей «сувары». Как и все прочее у Марра, они появляются из ниоткуда, вне какой-либо связи с предшествующим изложением.

Началось все с сопоставления названий «Карфаген» и «Шубашкар», в которых «обнаружилась» одна яфетическая основа *kar*³⁰. И далее: «Очевидно, этот “Шубаш-кар”, т. е. город шубашов или суваров³¹, – тот город эпох болгарского владычества, который арабские географы называют *Suvār’om*, т. е. чувашом³². До этого момента ни о суварах, ни о Суваре не говорилось ни слова.

Марр сразу же пускается в анализ сообщений арабских авторов о Суваре с явной целью доказать, что они упоминали два Сувара – соседний с Болгаром (или даже единый город «Булгар-Сувар») и «Сувар-Шубашкар»:

По Ауфию «расстояние между городами *Bulghār’om* и *Suvār’om* достигало двух дней пути». Это вполне может соответствовать, насколько я осведомлен, длительности перехода от местоположения городища Болгар к нашему городу Шубашкар. Однако, что для нас представляет особый интерес, арабский географ Муккаддаси сообщает о *Bu’lghar’e* и *Suvār’e*, как о двух частях одного и того же города. <...> Третий арабский географ Истахри имеет в виду части одной и той же болгарской столицы, когда он называет два близлежащих города *Bulghar* и *Suvar*, т. е. следовательно, «Шубаш» или «Чуваш»³³.

Вывод из этого следующий: «Что *Suvār*, название города, – племенное название, что такое племенное название существовало при болгарях и что под этим названием надо понимать чувашей... имен-

³⁰ *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. С. 69–70.

³¹ Под влиянием этого утверждения чувашский поэт П.П. Хузангай написал свое известное стихотворение «Шубашкар»: «Что-то древнее есть в этом слове: / Шубашкар – кар шубаш – град чуваш... / Мне вскрывать слов значения не внове, / Как язык не запрятал их наш» (*Хузангай П.* Судьба: Стихи и поэма: Пер. с чуваш. М.: Современник, 1974. С. 30). Русский перевод, что примечательно, также принадлежит автору.

³² *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. С. 70.

³³ Там же.

но наших конкретных чувашей с правого берега Волги, это ясно и из письма хазарского кагана Иосифа...»³⁴. Затем цитируется отрывок, завершающийся уже приводившейся констатацией, что «Вестберг не чует, что сувары, живущие на этом берегу, это чувашаи».

Еще один общий вывод призван подкрепить на историко-географическом уровне сделанное на основе «яфетидологии» заключение: «Одновременно с этим становится ясным, что города Приволжья именовались по племенным названиям, как вообще у всех яфетических народов, а не по каким-либо признакам строительства, цветным или иным»³⁵.

Данное утверждение стало впоследствии обыденным, хотя названия городов даже самой Болгарии не подтверждают этого со всей однозначностью, не говоря о соседних Хазарии и Руси [Сараев 2021, с. 53].

О знакомстве Марра с работой Н.И. Ашмарина «Болгары и чувашаи» (хотя без прямой ссылки) свидетельствует следующий фрагмент: «Да зачем так далеко ходить? У вас в марийском <языке> чувашей называют *suasla-mary*; отличительная черта этого *suasla* – основа *suas*, двойник средневекового *suvar*, как тогда называет арабский путешественник чувашей, но тем же *suas*, равно *sūas*, мари *с-ван* называют татар»³⁶.

Поскольку доклад (в Йошкар-Оле), из которого приведена цитата, датирован августом 1929 г., можно предполагать, что «суасская» концепция Ашмарина стала известна Марру позже издания «Чувашей-яфетидов...», в которых упомянут только «Сборник чувашских пословиц» Ашмарина (с годом выхода 1924-м вместо правильного 1925-го)³⁷.

Именно благодаря Марру произошла контаминация двух концепций чувашского этногенеза – «суварской» и «суасской», построенных

³⁴ Там же. С. 70–71.

³⁵ Там же. С. 71

³⁶ *Марр Н.Я.* Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев // *Марр Н.Я. Избранные работы.* Т. 5. С. 445. Под «арабским путешественником» следует понимать или кагана Иосифа, или упоминания арабов о г. Суваре, что для Марра было равноценно упоминанию одноименного племени. О содержании Мешхедской рукописи сочинения Ибн Фадлана с интерпретацией в ней «людей с-ван» как «народа сувар» Марр знать не мог. Все цитаты из Ибн Фадлана Марр давал по изданию Х.М. Френа, не содержавшего фрагмента о встрече с «людьми с-ван»: *Марр Н.Я. Избранные работы.* Т. 5. С. 74, 92, 94. См. также: [Сараев 2023, с. 298–301].

³⁷ *Марр Н.Я.* Чувашаи-яфетиды на Волге. С. 30.

на совершенно разных источниках³⁸. Первая – на основе названия города Сувар. Вторая – на основе экзоэтнонимов «суас» и «суасла мари» для татар и чувашей в языках луговых и горных марийцев.

«*Субары*». В «Чуваших-яфетидах...» слово «сувар» и его производные упоминаются лишь на одном развороте страниц 70–71. Неудивительно, что в единую систему взгляды о «суварах-чувашах» там не приведены.

В значительно более поздней работе (доклад, прочитанный в Чебоксарах в июле 1928 г.) Марр вернулся ко всем высказанным в «Чуваших-яфетидах» положениям, попытавшись придать им относительно связный вид:

Совершенно иной давности национальное ныне название чуваш. Это одно из древнейших так называемых племенных названий. В средние века это название звучало и как *suvar* (ссылка на «Чуваших-яфетидов...». – А. С.). Указывая его разновидности, в том числе *шуваш*, наличную в основе... родного чувашам *Шувашка* (Чебоксар)... мы, с другой стороны, в перечне не упоминали разновидности *subar* (здесь и ниже курсив мой. – А. С.), ныне наличной лишь в качестве названия деревни *Subar*, да не одной, а трех... как отмечал еще в 1912 г. проф. Ашмарин... Мы в свое время доказывали и остаемся на том же, что название *шуваш* (чув. *Эваш*) – разновидность названия древнейшего народа Месопотамии, шумеров. <...> Ныне вопрос встал о субарах, выдвигаемых ленинградским яфетидологом И.И. Мещаниновым... в его труде «Халдоведение», где разъясняется историческая роль субаров в полосе между Ассирио-Вавилонией и Ванским царством, позднее Армениею, а венский яфетидолог Блейхштейнер... доказывает весьма основательно, что субары и шумеры – одно и то же. И вот связь *шумеров-субаров* месопотамо-армянского юга с *субаро-суваро-чувашами* и их соседями Приволжья явно не доисторическая, а исторических времен... Волжский путь, хорошо использованный позднее персами Ирана и арабами, был продолжен (вероятно, опечатка, и должно быть «проложен». – А. С.)... более древними, чем персы, обитателями Ирана, отложившими свою речь с поразительной яркостью... в приволжских языках того района. Все как будто в порядке³⁹.

³⁸ *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1. Чебоксары: Чувашское государственное изд-во, 1954. С. 20. На странице упомянуты (уже без имени Марра, о чем ниже) сувары, сувазы, суасы, «шубаши».

³⁹ *Марр Н.Я.* Родная речь – могучий рычаг культурного подъема // Марр Н.Я. Избранные работы. Т. V. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 404.

Из этого большого фрагмента следует, что Марр все-таки признал необходимость как-то увязать со своей основной шумерской концепцией появляющихся внезапно в его работе сувар, а также со своими историко-топонимическими изысканиями. На роль связующего звена между шумерами, суварами и чувашами он избрал упоминающийся в глиняных клинописных табличках топоним и, вероятно, этноним «субар».

Согласно исследованию И.С. Архипова, «это географическое название соотносится с обширным регионом предгорий, простирающимся от Амануса на западе до Загроса на востоке, от Армянского Тавра на севере до Джебел-Хамрина и степных областей к северу от Евфрата на юге» [Архипов 2002, с. 97–98]. «Субарейцев» на протяжении всего XX века ассириологии связывали с хурритами⁴⁰ или иногда с носителями «банановых» языков (для словообразования которых характерна редупликация слогов как в английском слове “banana”) [История Древнего Востока 1983, с. 239].

Таким образом, речь идет о древнейшем населении севера Месопотамии, название которого уже в I тыс. до н. э. считалось анахронизмом [Дандамаев 2015, с. 50], т. е. более чем за полторы тысячи лет до появления первых сведений о сабирах на Кавказе и за две тысячи лет до возникновения города Сувар⁴¹. О наличии какой-либо реальной связи, кроме мнимого созвучия слов, говорить не приходится.

Марр, предполагая связь чувашей с Месопотамией как лингвистическую, так и реальную (историческую), положил основу многочисленным псевдоисторическим работам о древнейшем прошлом чувашей, обильно издаваемым с начала 1990-х гг. При этом сам Марр еще не осознавал, а современные его последователи просто не знают, что «шумер» не самоназвание народа [История древнего Востока 1983, с. 142]⁴², а «сувар» лишь реконструкция возможного

⁴⁰ Авдиев В.И. История Древнего Востока. 3-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 1970. С. 348. См. также [История Древнего Востока 2004, с. 404].

⁴¹ И.М. Дьяконов по поводу шумеро-тюркских отождествлений заметил, что «поскольку шумерский язык отделен от почти любого “кандидата” в родственные с ним языки многими тысячами лет и километров, постольку статистическая вероятность нахождения достаточно надежных языковых “увязок” так или иначе весьма мала» [История древнего Востока 1983, с. 93].

⁴² Шумер – название страны на аккадском (семитском, т. е. не «яфетическом») языке, самоназвание населения которой «черноголовые», по-шумерски «санг-нгига». См.: Емельянов В.В. Шумер // Большая российская энциклопедия. Т. 35. М., 2017. С. 153.

звучания, учитывая, что название дошло до нас только в арабской и еврейской графике без первой гласной, а «в», на самом деле, полугласная, которую также можно по-разному интерпретировать. Поэтому все мнимые «сходства» основываются исключительно на восприятии русским языковым слухом реконструированных с разной степенью вероятности названий.

Восприятие «суварской концепции» научной средой

Развитие «суварской концепции» в трудах непосредственных коллег Марра подтверждает, с одной стороны, факт широкого влияния его идей, с другой – наш вывод о декларативности основных положений концепции.

Уместно снова процитировать в этой связи академика В.М. Алексеева: «Взглянем на его рукописи... Втиснутая в десяток слов, сложная, чаще всего пресыщенная образностью мысль бьется в них как в тенетах... которые теперь подлежат расшифровке не только неспециалистов, но, как видно, и ближайших учеников и последователей Николая Яковлевича. Это был какой-то стремительный поток, рвущийся во все руслу, как приготовленные для него, может быть, так и неприготовленные, поток, всюду разливающийся, но от этого отнюдь не разжижающийся...» [Алексеев 1982, с. 34].

Так, необязательность любого элемента в рамках марровской схемы прекрасно продемонстрировал М.Г. Худяков – один из ведущих в первые два десятилетия советской власти (расстрелян в декабре 1936 г.) специалистов по истории, археологии и этнографии народов Среднего Поволжья⁴³. В 1927 г. в Баку вышла его статья «К вопросу о происхождении чуваш». Считается, что этой статьей обоснована «аварская концепция» происхождения чувашей [Чуваши 2017, с. 11]. На самом же деле концепция Худякова настолько же «аварская», насколько концепция Марра – «шумерская». Полагая прямыми потомками болгар казанских татар, Худяков, видимо, решил подыскать более реалистичных, чем шумеры, предков чувашей. В остальном его аргументация полностью базируется на марровской методике.

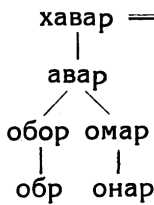
Протицируем основные положения, выдвинутые М.Г. Худяковым:

⁴³ Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 398–399.

Формы «шаваш», «чуваш», «сувас» – различные варианты названий чувашского народа... Формы «Сувар» и «Омар» сохранились в названиях древнего города на Волге и современного поселения на Каме. <...> Формы «обор», «обр» и «хобр» (hobg) сохранились у славянских народов как обозначение древних аваров. Многочисленность разновидностей племенного названия аваров, как в сибилантной, так и в спирантной форме, сохранившихся в Поволжье, свидетельствует о том, что этот народ оставил здесь прочные следы своего существования⁴⁴.

Вся эта цепь рассуждений проиллюстрирована схемой⁴⁵, из которой видно, что автор выводит название «чуваш» («шуваш») от тех же «савар/сувар», а авары попадают в параллельную ветвь, оканчивающуюся словом «онар», а не «чуваш».

Спирантная ветвь.

Сибилантная ветвь.

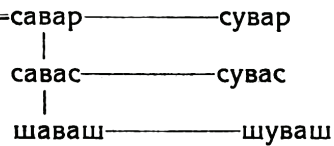

Схема развития этнонимов «чуваш» и «авар»
по М.Г. Худякову

Главное, что никаких ссылок, даже на самого Марра (!), Худякову не потребовалось. Он просто объявил, что «сувар», «авар», «чуваш» – разные формы одного и того же названия.

Еще одним последователем, активно взявшимся за творческое переосмысление высказываний Марра о чувашах, был С.Н. Быковский (расстрелян в один день с М.Г. Худяковым по общему их приговору) [Застрожнова 2023, с. 304]. Он поставил на первое место не шумеров, а «кимеров», т. е. киммерийцев, считая их предками всех народов Старого Света. Но о суварах он также не забыл: «Более тщательное изучение вопроса о районах распространения

⁴⁴ Худяков М.Г. К вопросу о происхождении чуваш // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 4. С. 139.

⁴⁵ Там же.

кимер'ов заставило бы нас обнаружить их следы и на севере Восточной Европы <...> Название западных финнов suo-mi разъяснилось как разновидность kimeg'a; на востоке, в лице чувашей и саваров, или суваров, тоже обнаружились кимер'ы...»⁴⁶. На Марра Быковский, в отличие от М.Г. Худякова, ссылался многократно⁴⁷, а ныне, снова без ссылок, идеи Быковского развивает А.К. Салмин [Мадуров 2024, с. 39–44].

С другой стороны, сам Марр был востоковедом и не порывал связей с прежним кругом общения. Среди причин, побудивших его обратиться к чувашам, он называл еще одну, сугубо востоковедную, – изучение статьи В.В. Бартольда «Булгар» в «Энциклопедии ислама»⁴⁸. С чувашами эта статья связана тем, что в ней анализируется работа Н.И. Ашмарина «Болгары и чувашы», о позднем знакомстве с которой Марра сказано выше. Бартольд отвергал культурную преемственность между чувашами и булгарами, соглашаясь только с лингвистической частью доводов Ашмарина⁴⁹.

Тем неожиданнее, что в ряде работ 1920 – рубежа 1930-х гг. В.В. Бартольд обращается к суварской проблеме. Не принявший ни марксизма, ни большевизма академик В.В. Бартольд благодаря своей глубокой аполитичности сумел до конца жизни (умер в 1930 г.) сохранять положение ведущего историка-востоковеда. По-видимому, обращение его к суварской тематике произошло не без личного влияния Марра, поскольку до 1920-х гг. Бартольд слово «сувар» в этническом значении не употреблял. Так, в той самой статье «Булгары» из «Энциклопедии ислама» сообщено лишь о чеканке в Суваре монет⁵⁰, а из нового – о нахождении развалин города у д. Кузнечиха⁵¹.

В.В. Бартольд был чрезвычайно строгим критиком своих коллег. Редкая его рецензия бывала просто сдержанно-нейтральной, и уже это могло рассматриваться как похвала с его стороны. Однако странным образом на Марра острие своей критики Бартольд ни-

⁴⁶ *Быковский С.Н.* Яфетический предок восточных славян – киммерийцы // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 8. Вып. 8–10. Л.: ОГИЗ, 1931. С. 23.

⁴⁷ Там же. С. 1, 5, 15, 20–21, 46, 93, 96–97.

⁴⁸ *Марр Н.Я.* Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам. С. 276.

⁴⁹ *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1968. С. 519–520. Оригинальная публикация: *Barthold W.* Bulghār // *Enzyklopaedie des Islām*. Bd. 1: A–D. Leiden: Brill; Leipzig: Otto Harrassowitz, 1913. S. 824–825.

⁵⁰ *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 5. С. 512, 516.

⁵¹ Там же. С. 514.

когда не направлял. Даже не принимая марровское «новое учение о языке», он находил нужные слова, чтобы похвалить ранний вариант «яфетической теории»⁵².

Такое лояльное отношение явилось следствием родственных связей: Марр и Бартольд были женаты на родных сестрах А.А. и М.А. Жуковских, братом которых был еще один востоковед (иранист) – член-корреспондент Академии наук В.А. Жуковский [Ананьев 2019, с. 437]. Без этого факта не понять ту степень доверия к работам Марра, сравнимую с которой Бартольд не проявлял по отношению к другим коллегам.

Сувар Бартольд упоминает в двух лекционных курсах и еще в одной статье («Тюрки») из «Энциклопедии ислама». Все эти работы написаны позднее 1925 г.⁵³, причем по ним заметно, когда именно произошло знакомство Бартольда с концепцией Марра.

Послесловие Марра к «Чувавам-яфетидам» подписано 9 июля 1926 г.⁵⁴ В те же самые дни Бартольд читал лекции в Стамбульском университете⁵⁵ и, конечно, не мог тогда же ознакомиться с изданной в Чебоксарах брошюрой. Сувары в стамбульских лекциях упомянуты лишь гипотетически, так же, как у Вестберга: «По описанию арабских географов X в., болгарские города, Болгар и находившийся в 50 верстах от него Сувар (по-видимому, тоже название племени), в сущности, были ставками кочевников...»⁵⁶.

Спустя всего полгода, зимой 1926/27 г. в аналогичном, хотя и более кратком, лекционном курсе, прочитанном в Ташкенте, присутствует уже явная отсылка к Марру: «...подобно слову “болгар”, слово “сувар” было в одно и то же время названием народности и названием города; известно, что развалины города Суvara сохрани-

⁵² Там же. Т. 2, ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 655. В этом прежнем виде яфетическую теорию принимали многие коллеги Марра. М.И. Ростовцев буквально в дни революции, когда ни о каком привилегированном статусе Марра еще не было и речи, упоминал об «аллародийских»... или, по новейшей созданной в России терминологии, библейским именем «яфетических» областях Кавказа и Малой Азии. См.: *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. С. 2. Ср.: *Тураев Б.А.* Классический Восток: посмертный труд. [Т.] 1: Введение. Вавилон / под ред. и с примеч. В.В. Струве, Н.Д. Флиттнер. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1924. С. 132–136.

⁵³ *Кляшторный С.Г.* Предисловие // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. С. 12–13.

⁵⁴ *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. С. 74.

⁵⁵ *Кляшторный С.Г.* Предисловие. С. 13.

⁵⁶ *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 5. С. 66.

лись до сих пор верстах в 50-ти от развалин Болгара. Существует мнение, что слово “чуваш” есть лингвистически правильное видоизменение слова “сувар”⁵⁷.

В оригинальном издании курса лекций ни ссылок, ни библиографии нет. При переиздании редактор тома (С.Г. Кляшторный) поставил ссылку не на Марра, а на работы А.П. Ковалевского («Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана») и В.Ф. Каховского («Происхождение чувашского народа»), что для пояснения текста Бартольда выглядело анахронично⁵⁸. Даже несмотря на это, факт знакомства Бартольда с брошюрой Марра «Чуваши-яфетиды на Волге» очевиден. И не менее примечательно, что о сопоставлении с шумерами Бартольд даже не обмолвился, чего не преминул бы сделать, будь автором не Марр.

Значение работ Бартольда для «суварской проблемы» не ограничивается одним лишь усвоением части идей Марра. Ему принадлежит заслуга введения в оборот источника, упоминающего «суварцев» как группу людей (письмо кагана Иосифа в этом смысле не настолько однозначно). Бартольд одним из первых стал активно использовать в своих трудах сведения из обнаруженного в 1914 г. в Стамбуле словаря Махмуда Кашгарского, ныне одного из главных источников по истории тюркских языков⁵⁹. И хотя словарь Махмуда Кашгарского использован уже в стамбульских лекциях, но обращать внимание на характеристику в нем языка суваров Бартольд стал лишь после ознакомления с концепцией Марра⁶⁰. Однако проблема «сувар» в словаре Махмуда Кашгарского требует самостоятельного исследования, поскольку выходит далеко за пределы концепция Н.Я. Марра.

⁵⁷ Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Ташкент: Изд. Казакского высшего педагогического ин-та, 1928. С. 14.

⁵⁸ Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. С. 208.

⁵⁹ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): В 3 т. Т. 1 / пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина, примеч. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. М.: Восточная литература, 2010. С. 16.

⁶⁰ Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. С. 66, 208, 587. Ташкентские лекции опубликованы, как уже говорилось, в 1928 г., а статья «Тюрки» в «Энциклопедии ислама» вышла в 1934 г., уже после смерти Бартольда (*Barthold W. Türken: Historisch-Ethnographische Übersicht // Enzyklopaedie des Islām. Bd. 4: S – Z. Leiden: Brill; Leipzig: Otto Harrassowitz, 1934*). В статье «Болгары» той же энциклопедии, опубликованной в 1913 г., упоминаний суваров нет, есть только «жители Суvara» (“die Einwohner von Suwār”). См.: *Barthold W. Bulghār. S. 822*.

Сувары без Марра

Безраздельное господство учения Марра, как и все связанное с его личностью, прекратилось внезапно, буквально в один день. Известный этнограф В.В. Пименов, в то время студент исторического факультета, вспоминал, что в день публикации в газете «Правда» анонса дискуссии вокруг учения Марра (9 мая 1950 г.) С.П. Толстов в ходе лекции в МГУ гневно обрушился на противников «марризма», но это была последняя прочитанная им лекция. Не дочитав курса, он спешно прекратил преподавание, а вскоре и оставил заведование кафедрой⁶¹.

После публикации в «Правде» статьи Сталина «Относительно марксизма в языкознании» 20 июня 1950 г. имя Марра можно было упоминать лишь в случае отвержения его идей. В «ошибочном» следовании учению Марра стали массово каяться археологи, филологи, лингвисты, историки. Многие старались переиздать даже недавно вышедшие свои работы, чтобы убрать все, что могло намекнуть на связь с «марризмом». Делалось это большей частью поверхностно: декларативно отвергалась былая своя приверженность Марру, убирались любые на него ссылки, но основное содержание менялось незначительно или не менялось вовсе. Поэтому многое из марровского наследия, но уже без его имени, дошло в историографии вплоть до современности.

Так произошло и с суварским вопросом. Сопоставление «чувашши-шумеры» было идеально для отвержения. Куда более «респектабельная» концепция происхождения чувашей от суваров была просто избавлена от упоминаний Марра⁶².

В.Г. Егоров, многие годы убежденный маррист⁶³, вскоре после критики идей Марра в официальной печати попытался вычленил то ценное, что, по его мнению, наилучшим образом объясняет этногенез чувашей:

⁶¹ Пименов В.В. Моя профессия – этнограф. СПб., 2015. С. 51–52, 54–59.

⁶² Аракин В.Д. Ошибки в работах Н.Я. Марра по чувашскому языку // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 471–491. Несмотря на большой объем статьи и значительное внимание к историческим сюжетам относительно происхождения чувашей (с. 472–476), сувары не упомянуты ни разу.

⁶³ Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1987. С. 69–71. В ранней работе В.Г. Егоров посвятил идеям Марра отдельный параграф и упоминал его десятки раз, как и шумеров, но ни разу не назвал «сувар». См.: Егоров В.Г. Введение в изучение чувашского языка. М.: Центральное изд-во народов СССР, 1930. С. 30.

Из всех высказываний Н.Я. Марра о чувашском языке, наименее противоречивых и запутанных, заслуживает внимания, во-первых, утверждение его о близости чувашского языка к языку волжско-камских болгар, и во-вторых, указание на то, что водный торговый путь в Поволжье через Каспийское море и Волгу проложен был задолго до арабов и персов месопотамскими субарами, отложившими свою речь частично и в чувашском языке⁶⁴.

Это, пожалуй, последнее упоминание в печати наряду с суварами субаров и шумеров как элементов единой марровской концепции происхождения чувашей. Уже в 1953 г. В.Г. Егоров так пересказывал взгляды Марра:

О происхождении чуваш и языка их Марр писал чрезвычайно сумбурно. ...он огульно утверждал, что «чувашаи по названию шумеры», «чувашаи – месопотамские субары», «геродотовские тюссагеты», «чувашаи – это наши баски», «чувашаи – сарматы». Чуваш он сблизал также с хеттами, с древними армянами и грузинами, отождествлял их с историческими хазарами, с волжскими булгарами и суварами...⁶⁵

Несколько лет спустя цитату из В.Г. Егорова повторил В.Д. Дмитриев⁶⁶.

Как видно, уже здесь сувары «спрятаны» в общем ряду других марровских предположений о родстве чувашей. Позже, когда имя Марра стало постепенно возвращаться в историографию, стали писать о нем только как об авторе «шумерской концепции» происхождения чувашей⁶⁷. Суварская же концепция получила новую жизнь в связи с обнаружением в «Записке» Ибн Фадлана названия «племени» «сувар» или «суваз» [Сараев 2023, с. 319–327]. В действительности это «обнаружение» всецело покоится на работах Марра и Худякова, откуда комментаторы Ибн Фадлана прямо или косвенно заимствовали идею о происхождении чувашей от народа «сувар», одноименного городу в Волжской Булгарии.

⁶⁴ Егоров В.Г. Чувашский язык и чувашское языкознание // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 5. Чебоксары, 1950. С. 79.

⁶⁵ Егоров В.Г. К происхождению чуваш и их языка // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 7. Чебоксары, 1953. С. 65.

⁶⁶ Дмитриев В.Д. О происхождении чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары: Чувгосиздат, 1958. С. 51.

⁶⁷ Культура Чувашского края. Ч. 1: Учеб. пособие / сост. М.И. Скворцов. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1995. С. 7.

Заключение

Все изложенное заставляет признать ряд принципиальных тезисов.

1. Главным автором «суварской концепции» был Н.Я. Марр. Положение, что сувары, одноименные городу Сувар, это предки чувашей, высказывалось в той или иной форме несколько раз на протяжении XIX века. Всякий раз это были независимые высказывания, не ссылавшиеся одно на другое, и они не порождали никаких дальнейших обсуждений. После Марра аналогичных суждений было много, а отождествление «сувары = чувашаи» стало едва ли не аксиомой. Такое широкое распространение идеи связано, как не раз было выше сказано, с уникальным положением Марра в раннесоветской системе академической науки.

2. У Марра не было отдельных «шумерской» или «суварской» концепций. «Шумеры – субары – сувары – чувашаи» – только в таком виде единую концепцию правильно воспринимать. Для неафетидологической (т. е. нормальной) науки подобная генетическая последовательность этнонимов была изначально неприемлема, но тогда, даже отбросив шумеров с «субарами», необходимо признать и сомнительную ценность второй половины данного ряда. Никакого серьезного исследования о родстве суваров и чувашей Марр не проводил. Это всего лишь характерная для стиля его работ декларация, менее экзотичная в сравнении с другими, но не более доказательная.

3. Интегральной частью «суварской концепции» было предположение о двух разных Суварах – лево- и правобережном. Левобережный Сувар Марр считал частью Болгара, а не отдельным городом, а правобережный Сувар отождествил с Чебоксарами. Поэтому все позднейшие попытки обосновать существование еще одного Суvara на правом берегу Волги⁶⁸ и отождествить г. Чебоксары со «Средним Суваром» на европейских средневековых картах [Димитриев 2003, с. 16], имеют в качестве предшественника все того же Марра и его работу «Чуваши-яфетиды на Волге».

Очистили концепцию от шумеров и представили ее в более связанном виде ближайšie коллеги Марра, оба сотрудника возглавляемой им Государственной Академии истории материальной культуры, –

⁶⁸ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1963. С. 321, 331 (осторожно высказано предположение о существовании «правобережного Суvara»); *Он же.* Сувары и чувашаи // Городище Хулаш и памятники Средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 216 (городище Хулаш напрямую связывается с «правобережным Суваром»).

этнограф М.Г. Худяков и академик В.В. Бартольд. Хотя последний дополнил концепцию важнейшим для нее источником – словарем Махмуда Кашгарского, сложилась она на совсем иных основаниях.

«Суварская концепция» Н.Я. Марра получила очень широкое распространение, и даже после развенчания «марризма» в 1950 г. не только не была отброшена, но стала еще больше культивироваться и догматизироваться в среде чувашских историков. Только имени Марра в этой концепции уже не было. На место автора стали помещать то Н.И. Ашмарина (ни разу печатно не упоминавшего суваров), то В.Г. Егорова, то А.П. Ковалевского⁶⁹, единственного самостоятельного исследователя проблемы суваров на новом этапе, но все же не создателя первоначальной концепции.

Так выросшая из довольно смелой реконструкции «Сувар = сувары = чувашаи» концепция стала догмой, а ее истоки в силу описанных причин оказались забыты. При этом реальная проблема существования в Волжской Болгарии народа «сувар» по-прежнему остается открытой.

Литература

- Алексеев 1982 – *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. 535 с.
- Алпатов 1991 – *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
- Ананьев 2019 – *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Российская академическая наука в переписке Н.Я. Марра и В.В. Бартольда // Краткие сообщения Института археологии. 2019. № 256. С. 434–445.
- Архипов 2002 – *Архипов И.С.* Топоним «Субир/Субарту» в Месопотамии III – первой половины II тыс. до н. э. // Вестник древней истории. 2002. № 4 (243). С. 76–97.
- Газиз 1994 – *Газиз Г.* История татар. М.: Московский лицей, 1994. 197 с.
- Дандамаев 2015 – *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 384 с. (Историческая библиотека)
- Димитриев 2003 – *Димитриев В.Д.* Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII вв. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 178 с.
- Застрожнова 2023 – *Застрожнова Е.Г., Тихонов И.Л., Тихомиров И.С.* С.Н. Быковский: от красного командира до заместителя председателя ГАИМК (новые материалы к биографии) // Археологические вести. 2023. № 39. С. 292–310.

⁶⁹ *Каховский В.Ф.* Этноним «чувашаи» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 77–78.

- Илизаров 2012 – *Илизаров Б.С.* Почетный академик Сталин и академик Марр: О языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах, с нею связанных. М.: Вече, 2012. 432 с.
- История древнего Востока 1983 – История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / под ред. И.М. Дьяконова. Ч. 1: Месопотамия. М.: Наука, 1983. 534 с.
- История древнего Востока – История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А.В. Седова. М.: Восточная литература, 2004. 895 с. (История древнего Востока)
- Мавродин 2002 – *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). СПб.: Наука, 2002. 414 с. (Русская библиотека)
- Мадуров 2024 – *Мадуров Д.Ф. и др.* Обсуждая вопрос о геродотовских саспирах / Д.Ф. Мадуров, А.К. Шагинян, О.Г. Хорикиан, А.С. Сараев, А.К. Салмин // Этнографическое обозрение. 2024. № 1. С. 23–59.
- Марр 1999 – *Марр Н.Я.* О начальной истории Армении Анонима // Византийская цивилизация в освещении российских ученых: 1894–1927 / сост. П.И. Жаворонков, Г.Г. Литаврин. М.: Ладомир, 1999. С. 217–260.
- Платонова 2022 – *Платонова Н.И.* Николай Яковлевич Марр (1864–1934) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / науч. ред. В.А. Горончаровский. СПб.: Ин-т истории материальной культуры, 2022. С. 68–99.
- Сараев 2021 – *Сараев А.С.* Истоки суварской концепции происхождения чувашей // Халах школе = Народная школа. 2021. № 3. С. 52–55.
- Сараев 2023 – *Сараев А.С.* Кого встретил Ибн Фадлан в ставке болгарского правителя в 922 г.? (К истории обнаружения и интерпретации названия «сувар»/«суваз» в тексте «Записки» Ахмеда ибн Фадлана) // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 10. М.: ИРИ РАН, 2023. С. 292–365.
- Сараев 2025 – *Сараев А.С.* Сувар – город или народ? (историография XIX – начала XX в. и дискуссия 1960–1980-х гг.) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 66–81.
- Чуваши 2017 – Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. М.: Наука, 2017. 654 с. (Народы и культуры)
- Шнирельман 2024 – *Шнирельман В.А.* В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-История, 2024. 624 с.

References

- Alekseev, V.M. (1982), *Nauka o Vostoke* [Science of the East], Nauka, Glavnaya redaktziya vostochnoi literatury, Moscow, USSR.
- Alpatov, V.M. (1991), *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [The story of one myth: Marr and 'marrism'], Nauka, Moscow, Russia.

- Anan'ev, V.G. and Bukharin, M.D. (2019), "Russian academic science in the correspondence between N.Ya. Marr and V.V. Bartol'd", in *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, no. 256, pp. 434–445.
- Arkhipov, I.S. (2002), "The toponym subir/subartu during the 3rd mill. and the 1st half of the 2nd mill. BC", in *Vestnik drevnei istorii*, vol. 243, no. 4, pp. 76–97.
- Dandamaev, M.A. (2015), *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoi derzhavy* [The political history of the Achaemenid empire], Akademiya issledovaniya kul'tury, Saint Petersburg, Russia. (*Istoricheskaya biblioteka*)
- Dimitriev, V.D. (2003), *Cheboksary: Ocherki istorii goroda kontsa XIII–XVII vv.* [Cheboksary. Essays on the history of the city at the end of the 13th – 17th centuries], ChGIGN, Cheboksary, Russia.
- D'yakovon, I.M., ed. (1983), *Istoriya drevnego Vostoka: Zarozhdenie drevneishikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoi tsivilizatsii. Ch. 1: Mesopotamiya* [The history of the Ancient East. The origin of the most ancient class societies and the first centers of slave-owning civilization. Part 1: Mesopotamia], Nauka, Moscow, USSR.
- Gaziz, G. (1994), *Istoriya tatar* [The history of the Tatars], Moskovskii litsei, Moscow, Russia.
- Ilizarov, B.S. (2012), *Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr: O yazykovedcheskoi diskussii 1950 goda i problemakh, s neyu svyazannykh* [Honorary academician Stalin and academician Marr. On the linguistic discussion of the year of 1950 and the problems associated with it], Veche, Moscow, Russia.
- Ivanov, V.P., Korostelev, A.D. and Yagafova, E.A. (2017), *Chuvashi* [The Chuvash], Nauka, Moscow, Russia. (*Narody i kul'tury*)
- Madurov, D.F., Shaginyan, A.K., Khorikyan, O.G., Saraev, A.S. and Salmin, A.K. (2024), "Debating the issue of Herodotus' saspirs", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 23–59.
- Marr, N.Ya. (1999), "On the initial history of Anonymous Armenia", in Zhavoronkov, P.I. and Litavrin, G.G., comp., *Vizantiiskaya tsivilizatsiya v osveshchenii Rossiiskikh uchenykh 1894–1927* [The Byzantine civilization in the coverage of Russian scientists, 1894–1927], Ladimir, Moscow, Russia.
- Mavrodin, V.V. (2002), *Ocherki istorii Levoberezhnoi Ukrainy (s drevneishikh vremen do vtoroi poloviny XIV veka)* [Essays on the history of the Left-bank Ukraine (from ancient times to the second half of the 14th century)], Nauka, Saint Petersburg, Russia. (*Russkaya biblioteka*)
- Platonova, N.I. (2022), "Nikolai Yakovlevich Marr (1864–1934)", in Goroncharovskii, V.A., ed., *Otsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznennyi put' i vklad v nauku* [The founding fathers of RAHMC (The Russian Academy of the History of Material Culture): their life path and contribution to science], Institut istorii material'noi kul'tury, Saint Petersburg, Russia.
- Saraev, A.S. (2021), "The origin of the Suvars' concept of the origin of the Chuvash", *Khalakh shkule = Narodnaya shkola*, no. 3, pp. 52–55.

- Saraev, A.S. (2023), “Who Ibn Fadhlān met at the bulghar chiefs camp in 922 a. d. (To the question of interpret of the name ‘suvar/suvaz’ in Ahmad Ibn Fadhlān’s ‘risalah’)”, in *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh*, iss. 10, IRI RAN, Moscow, Russia.
- Saraev, A.S. (2025), “Suvar – city or people? (historiography of the 19th – early 20th centuries and the discussion of the 1960s – 1980s)”, *Modern Humanities*, vol. 1, no. 3, pp. 66–81.
- Sedov, A.V., ed. (2004), *Istoriya drevnego Vostoka: Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniy do drevnikh imperii* [History of the Ancient East: From early state formations to ancient empires], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia. (*Istoriya drevnego Vostoka*)
- Shnirel'man, V.A. (2024), *V pogone za predkami: Ehtnogenez i politika* [In pursuit of ancestors: Ethnogenesis and politics], Nestor-Istoriya, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Zastrozhnova, E.G., Tikhonov, I.L. and Tikhomirov, I.S. (2023), “Sergey N. Bykovskiy: from a red commander to the assistant”, in *Arkheologicheskie vesti*, no. 39, pp. 292–310.

Информация об авторе

Андрей С. Сараев, кандидат исторических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, Россия; 428015, Россия, Чебоксары, Московский пр-кт, д. 29, корп. 1, andrejsaraev@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0005-4564-0903

Information about the author

Andrei S. Saraev, Cand. of Sci. (History), Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia; bldg. 1, bld. 29, Moskovsky Av., Cheboksary, Russia, 428015; andrejsaraev@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0005-4564-0903

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 94(540)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-111-119

Правитель радующийся:
элементы эмоционального портрета
махараджи Ранджита Сингха
по данным придворных хроник

Кирилл А. Демичев

*Приволжский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
Нижний Новгород, Россия, kadem@mail.ru*

Аннотация. На основе анализа сикхской придворной хроники «Амдат-ат-Таварих» официального летописца Сури Лала Сохана Лала в статье выделяются триггеры радости правителя сикхского государства – махараджи Ранджита Сингха (1799–1839). Анализ самих триггеров, а также частота их упоминания позволило сформировать представление о месте радости в эмоциональном портрете сикхского владыки. Подчеркивается, что проявление радости могло являться демонстративным жестом, имеющим политическую и/или социальную природу. Обосновывается, что на страницах придворной хроники нашли отражения эмоциональных реакций правителя именно, как правителя – носителя высшей власти, чье поведение носит ожидаемый характер. Совокупность различных объективных и субъективных факторов оказывала влияние на то, что определенная положительная эмоциональная реакция махараджи получала отражение в тексте, вне зависимости от того, какие эмоции на самом деле мог испытывать их носитель. Для хроникера было важным зафиксировать именно ожидаемую реакцию, которая бы соответствовала не просто образу правителя, а правителя идеального. При этом махараджа Ранджит Сингх предстает как достаточно эмоциональный человек, который открыто и часто демонстрирует свою радость по совершенно различным поводам.

Ключевые слова: махараджа Ранджит Сингх, сикхи, эмоциональный портрет, эмоциональные триггеры, радость

© Демичев К.А., 2026

Для цитирования: Демичев К.А. Правитель радующийся: элементы эмоционального портрета махараджи Ранджита Сингха по данным придворных хроник // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2026. № 1. С. 111–119. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-111-119

The ruler rejoicing: elements of the emotional portrait of Maharaja Ranjit Singh according to court chronicles

Kirill A. Demichev

*Volga Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
Nizhny Novgorod, Russia, kadem@mail.ru*

Abstract. Based on the analysis of the Sikh court chronicle Amdat-at-Tawarih by the official chronicler Suri Lal Sohan Lal, the article highlights the triggers of joy of the ruler of the Sikh state, Maharaja Ranjit Singh (1799–1839). The analysis of the triggers themselves, as well as the frequency of their mention, allowed us to form an idea of the place of joy in the emotional portrait of the Sikh ruler. It is emphasized that the display of joy could be a demonstrative gesture of a political and/or social nature. It is proved that the pages of the court chronicle reflect the emotional reactions of the ruler precisely as the ruler, the bearer of supreme power, whose behavior is expected. A combination of various objective and subjective factors influenced the fact that a certain positive emotional reaction of the Maharaja was reflected in the text, regardless of what emotions their bearer might actually experience. It was important for the chronicler to record exactly the expected reaction, which would correspond not just to the image of the ruler, but to the ideal ruler. At the same time, Maharaja Ranjit Singh appears as a rather emotional person who openly and often demonstrates his joy on completely different occasions.

Keywords: Maharaja Ranjit Singh, Sikhs, emotional portrait, emotional triggers, joy

For citation: Demichev, K.A. (2026), “The ruler rejoicing: elements of the emotional portrait of Maharaja Ranjit Singh according to court chronicles”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 111–119, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-111-119

Введение

Махараджа Ранджит Сингх (1780–1839, прозванный еще при жизни Панджабским Львом, по праву считается одной из ключевых фигур индийской истории первой половины XIX в. За

более чем 150 лет, прошедших со смерти Ранджита Сингха, было написано достаточно большое количество его биографий, однако создание эмоционального портрета этого яркого государственно-го деятеля и неординарного человека никогда не становилось в качестве самостоятельной задачи. Между тем, по воспоминаниям европейских дипломатов, военных, путешественников и различного рода авантюристов, искавших заработка и приключений на Востоке, махараджа был очень живым и эмоциональным человеком, который мог открыто проявлять эмоции на людях, подчас даже если это противоречило придворному этикету. В то же время эмоциональный образ Ранджита Сингха получил отражение и на страницах придворных сикхских хроник, что, в свою очередь, порождает вопрос о том, насколько этот жанр, а также приемы фиксации явлений и событий в его рамках, позволяют выявить личные эмоции правителя. Насколько соотносятся эмоции, которые Ранджит Сингх действительно испытывал как человек реагирующий на определенные факты, с тем, что он должен был испытывать как правитель, чьи деяния фиксируются для потомков в рамках сложившейся официальной историописательской придворной традиции.

Основное содержание

Создание эмоционального портрета любого человека базируется на выявлении частотности выражения тех или иных эмоций, соотношения их между собой, степени воздействия на общее психологическое состояние индивида. Несмотря на различия в теоретико-методологических подходах, ведущие современные психологи выделяют ряд базовых эмоций, к которым чаще всего относят радость, гнев, удивление, отвращение, страх, грусть, презрение. По мнению целого ряда специалистов, конкретизироваться и выражаться они могут в различных вариантах. Так, известный американский психолог Кэрролл Изард указывал, что радость может быть представлена счастьем, воодушевлением, весельем, удовольствием [Изард 2006, с. 49].

Путем наблюдения и эксперимента, с учетом современного научного инструментария, создание эмоционального портрета человека становится достаточно ординарной задачей. Однако если необходимо составить описание человека умершего, причем умершего давно, ситуация существенно осложняется. В этом случае основными источниками информации становятся письменные источники.

Самой полной и наиболее значимой хроникой правления Ранджита Сингха была «*Амдат-ат-Таварих*» («Хроника времен». – К. Д.), принадлежавшая перу личного придворного летописца махараджи индуса Лала Сохана Лала Сури. Хроника велась от руки и была записана на персидском языке почти на семи тысячах страницах. Повествование было доведено до 1849 г., т. е. до времени окончательного падения сикхов и аннексии Панджаба английской Ост-Индской компанией. Наибольшей информативностью отличается третий *дафтар*, состоящий из пяти частей и подробно описывающий основные события правления Ранджита Сингха в 1831–1839 гг. Лала Сохан Лал отлично знал своего владыку, все повествование он построил так, чтобы обратить внимание потенциального читателя на мудрость и величие махараджи. Содержание третьего *дафтара* большей частью касается последовательного описания деятельности Ранджита Сингха, который является главным действующим лицом хроники.

Комплексный анализ упомянутых в *Амдат-ат-Таварих* эмоций Ранджита Сингха свидетельствует о том, что среди них абсолютно преобладают эмоции позитивного характера. Негативные эмоции махараджи фиксируются на страницах хроники значительно реже. При этом среди позитивных чаще всего отмечается такая базовая эмоция как радость, которая упомянута в хронике не менее 54 раз.

Сопоставление триггеров радости Ранджита Сингха указывает, что чаще всего, 19 раз, она упоминается в контексте взаимодействия правителя с британцами. Встреча с «сагибами» (британцами. – К. Д.)¹, переговоры с их полномочными представителями, такими, как командующим войсками Ост-Индской компании Генри Фэйном (р. 342) или бессменным политическим резидентом пограничной Лудхианы Клодом Мартином Уэйдом (р. 376), совместные военные и протокольные мероприятия во время двусторонних переговоров на высшем уровне (р. 457, 480, 484, 489, 567, 585), получение диковинных и дорогих подарков (р. 453), все это, по свидетельству Лала Сохана Лала, вызывало радость или очень большую радость махараджи. Также радость сикхского правителя в шести случаях была связана с получением и заслушиванием писем от британского генерала-губернатора (р. 446, 527), капитана Уэйда (р. 36) и других функционеров Компании (р. 434, 527, 552). Впро-

¹ *Sohan Lal Suri*. An outstanding original source of Panjab history. *Umdat-ut-Tawarikh*. Daftar 3 Pt. (1-5): Chronicle of the reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831–1839 A.D. Delhi: S. Chand & C°, 1961. P. 27. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

чем, здесь необходимо отметить, что получение писем от британцев маркирует проявление еще и таких положительных чувств у Ранджита Сингха, как счастье и удовольствие.

На страницах хроники фиксируется, что в связи с получением таких писем махараджа испытывал счастье, о чем упоминается не менее восьми раз (р. 16, 28, 52, 61, 79, 116, 117, 195). Причем при заслушивании писем о развитии дружбы и о почестях, которые были оказаны его *вакилам* 8 мая 1831 г., Ранджит Сингх не просто чувствовал себя очень счастливым, но и проявлял это чувство посредством орудейного салюта (р. 28), хотя несомненно, что это было в первую очередь демонстративным политическим жестом и элементом дипломатического этикета. Тот факт, что во всех случаях, когда речь идет о получении писем, Ранджит Сингх их именно заслушивает, объясняется одним примечательным фактом из его биографии – до самой своей смерти он так и не научился читать и писать².

Близкой к эмоции радости является удовлетворение, которое возникает как положительная реакция на событие, связанное с соответствием этого события ожиданиям субъекта. Об удовлетворении махараджи в *Амдат-ат-Таварих* говорится в четырех случаях, причем три из них, что представляется уже вполне закономерным, находятся в контексте взаимодействия с британцами как в формате переписки, так и личных встреч (р. 1, 424, 443).

В целом анализ положительных эмоций Ранджита Сингха, зафиксированных на страницах третьего *дафтара* хроники, позволяет сделать вывод о том, что в 40% случаях (40 раз из 102) они были так или иначе связаны с британцами. Данный факт хорошо коррелируется с особенностями развития англо-сикхских отношений в 1830-х гг. Действительно, этот период стал наивысшей точкой в развитии системы двусторонних связей.

После 1809 г., когда был окончательно решен вопрос о продвижении сикхов на восток и граница с землями подконтрольными Ост-Индской компании стабилизировалась, отношения между британцами и сикхами стали носить подчеркнуто дружественный характер [Демичев 2011, р. 32–52]. Стремительное развитие двусторонних отношений в 30-е годы XIX в. было обусловлено попыткой воплощения в жизнь проекта торгового «открытия» Инда и других рек северо-западной Индии, что должно было стать

² *Prinsep H.T.* Origin of the Sikh power in the Punjab and political life of Maharaja Ranjeet Singh. With an account of the religion, laws and customs of the Sikh. Calcutta: G.H. Huttman, Military Orphan Press, 1834. P. 178.

началом геостратегического проникновения на среднеазиатские рынки³.

Второй по частотности триггер радости Ранджита Сингха, так или иначе, связан с войной и военным делом. С самых ранних лет будущей основатель единой сикхской державы был умелым воином, инициативным командиром, а затем и выдающимся полководцем. Воинские таланты Панджабского Льва не вызывали у британских офицеров, чиновников и европейских путешественников никаких сомнений, поэтому неудивительно, что его сравнивали с Филиппом Македонским⁴ и, конечно же, с Наполеоном Бонапартом⁵, тем более что последний был старшим современником Ранджита Сингха. До конца своих дней Ранджит Сингх лично контролировал армию, принимал участие в многочисленных маневрах и полевых выходах. Даже свою палатку он разбивал неподалеку от плаца, причем, по свидетельству военного секретаря генерал-губернатора Индии капитан Уильяма Осборна, во время отдыха махараджа держал под подушкой свой щит и саблю, а у входа его ожидали всегда взнузданные кони⁶.

В контексте военных вопросов упоминание радости сикхского правителя встречается 13 раз. В четырех случаях она была обусловлена наблюдением за различного рода учениями, как общего характера (р. 153, 457), так и специализированного, например, артиллерийскими маневрами (р. 480) или учебным штурмом форта (р. 489).

Отдельного упоминания заслуживает такой триггер радости сикхского владыки, как успешные военные кампании. Причем это касалось не только усмирения и поддержания порядка в Пешаваре (р. 304, 361), но и военных успехов британского оружия. В данном случае это касалось информации об успешном взятии Кандагара, что вызвало «счастье и радость *саркара*» (Ранджита Сингха. – К.Д.; р. 680).

³ *Bentinck W.C.* The correspondence of Lord William Cavendish Bentinck, Governor-General of India, 1828–1835. In 2 vols. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 1075.

⁴ *Masson Ch.* Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a residence in those countries from 1826 to 1838. In 3 vols. Vol. 1. L.: Richard Bentley, 1842. P. 444.

⁵ *Jacquemont V.* Letters from India, describing a journey in the British Dominions of India, Tibet, Lahore and Cashmere, during the years 1828, 1829, 1830, 1831. In 2 vols. Vol. 2. L.: Edward Chorton, 1835. P. 25.

⁶ *Osborne W.G.* The court and camp of Runjeet Sing, with an introductory sketch of the origin and rise of Sikh State. L.: Henry Colburn, P. 61.

Радость махараджи фиксируется на страницах хроники не только в контексте его внешнеполитических и военных интересов. Внутренние дела, пусть и гораздо реже, но все же связываются с эмоциональной реакцией Ранджита Сингха. Это мог быть успешный сбор налогов с Мултана, который входил в состав сикхской империи на положении отдельной провинции – *субы*, или же назначение нового военно-полицейского чиновника – *тханадара* в соответствующий округ (р. 7). Особо отмечалось, что на *дарбар* в священный для всех сикхов город Амритсар, Лев Панджаба собирався с радостью и даже счастьем (р. 437).

В десяти случаях триггером радости Ранджита Сингха выступали действия или состояние его приближенных. Первые два упоминания касались радости, которые Ранджит Сингх испытывал в связи с известием, что его сподвижник, получивший раны на охоте, находится вне опасности и, несмотря на свое состояние, может прибыть и, в конечном итоге, прибывает ко дворцу (р. 20). Такие же эмоции правитель переживал спустя много лет, когда узнал о храбрости, которую его министр проявил во время охоты на льва (р. 647), что, впрочем, было совершенно неудивительно, учитывая тот факт, что на протяжении всей жизни Ранджит Сингх и сам был великолепным охотником, во всех тонкостях постигшим это высокое искусство.

Радость махараджи могла быть обусловлена тем, что представляемый офицер оказался хорошим стрелком (р. 244), донесением, что его любимый внук Нау Нихал Сингх достигает больших успехов в военном деле (р. 390). Если же говорить о триггерах радости, не связанных с охотой и военным делом, то это могла быть и встреча с министром иностранных дел факиром Азизом ад-Дином (р. 127), и получение письма от подданного (р. 140), и встреча со служителем *дхармашалы* (р. 159). Очень рад Ранджит Сингх был при известии, что Хира Сингх – сын раджи Дхиана Сингха заключил «счастливый брак» (р. 315).

Последним триггером радости Ранджита Сингха, фиксируемым на страницах хроники, были различного рода дары, полученные сикхским правителем, как лично для себя, так и для своих родственников, как это, например, было по случаю свадьбы его внука Нау Нихала Сингха (р. 308).

Заключение

В целом контент-анализ триггеров радости махараджи Ранджита Сингха позволяет сформировать представление о месте радости в эмоциональном портрете сикхского владыки. Безусловно,

в рамках данной работы речь идет не о реконструкции реального эмоционально-психологического портрета этого выдающегося человека, а только о частичном отражении такого образа на страницах придворных хроник. При этом очевидно, что реальный прототип и образ официальной хроники при явных совпадениях не будут идентичны. На страницах хроники фиксировались эмоциональные реакции правителя именно как правителя, т. е. носителя высшей власти, чье поведение, с одной стороны, было подчинено достаточно устойчивым правилам, а с другой – получало соответствующее официальное отражение в тексте. Другими словами, учитывая сложившиеся традиции историописания, определенный политический заказ в отношении некоторых сюжетов (например, отношения с британцами), личностные особенности Ранджита Сингха, радостные реакции правителя на те или иные триггеры все равно были бы зафиксированы, вне зависимости от того, что он на самом деле чувствовал. В этих случаях можно говорить, что проявление радости являлось ожидаемым, а следовательно, и необходимым демонстративным жестом, имеющим политическую и/или социальную природу. Важно было зафиксировать ожидаемую реакцию, соответствующую образу правителя, и даже правителя идеального. Махараджа же должен быть радостен и благополучен еще и потому, что это является залогом радости и благополучия подданных.

Литература

- Демичев 2011 – *Демичев К.А.* Британский лев в Пятиречье: политика Великобритании в Панджабе в XIX в. Н. Новгород: Изд-во О.В. Хлющева, 2011. 268 с.
Изард 2006 – *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 460 с.

References

- Demichev, K.A. (2011), *Britanskii lev v Pyatirech'e: politika Velikobritanii v Pandzhabe v XIX v.* [The British Lion in the Region of Five Rivers: Great Britain policy in the Punjab in the 19th century], Izdatel'stvo O.V. Khlyushcheva, Nizhny Novgorod, Russia.
Izard, K.E. (2006), *Psikhologiya emotsii* [The psychology of emotions], Piter, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Кирилл А. Демичев, кандидат исторических наук, доцент, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, д. 17а; kadem@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2958-7856

Information about the author

Kirill A. Demichev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Volga Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia; 17a, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603022; kadem@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2958-7856

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 94(32)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-120-130

Образы предков в святилище Рамсеса I в Абидосе и идеология царской власти ранней XIX династии

Евгений О. Барсуков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, terneptax_ramses_seti@mail.ru*

Аннотация. Для идеологии царской власти раннерамессидского времени было характерно обращение к культуре предков в целях легитимации. Такая модель являлась характерной чертой кризисных периодов в истории Древнего Египта. Но формы, посредством которых новая династия или конкретный царь обращались к предкам, имели свои особенности. При Сети I старые идеологемы, в том числе касающиеся корреляции царь–предки, изменились под нужды времени, например концепция покровительства определенного бога претенденту на престол, детально разработанная при Хоремхебе. В начале XIX династии Хор был заменен на Сетха, а покровительство бога перенесено с фигуры царя на весь род. Одним из косвенных подтверждений этого может являться процессия царских родственников в кенотафе Рамсеса I в Абидосе. Особое внимание привлекают образы женщин семьи Рамсеса, не имевших прав на изображение с элементами царской иконографии. В статье нам бы хотелось рассмотреть этот памятник с точки зрения новой редакции идеологемы бога-покровителя царского рода начала XIII в. до н. э. с привлечением источников, связанных с культом божественных предков, активно использовавшимся для легитимации власти Рамессидов в правление Сети I.

Ключевые слова: Абидос, культ предков, Хоремхеб, Рамсес I, Сети I, Хор, Сетх, Рамессиды, идеология царской власти

Для цитирования: Барсуков Е.О. Образы предков в святилище Рамсеса I в Абидосе и идеология царской власти ранней XIX династии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 120–130. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-120-130

© Барсуков Е.О., 2026

Images of ancestors in the temple of Ramses I at Abydos and the ideology of royal power of the early 19th dynasty

Evgenii O. Barsukov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mernepax_ramses_seti@mail.ru*

Abstract. The ideology of royal power in the early Ramesside period was characterized by an appeal to the cult of ancestors for the purposes of legitimization. Such a model was a characteristic feature of crisis periods in the history of Ancient Egypt. But the forms by which a new dynasty or a specific king addressed ancestors had their own characteristics. Under Seti I, old ideologemes, including those concerning the correlation between king and ancestors, were transformed to meet the needs of the time. For example, the concept of the patronage of a certain god to a claimant to the throne, developed in detail under Horemheb. At the beginning of the 19th dynasty, Horus, who was originally present in it, was replaced by Seth, and the patronage of the god was transferred from the figure of the king to the entire family. One of the indirect confirmations of this may be the procession of royal relatives in the cenotaph of Ramses I in Abydos, built by Seti. Particular attention is drawn to the images of women of the Ramses family, who did not have the right to be depicted with elements of royal iconography. In this article we would like to examine this monument from the point of view of the new edition of the ideologeme of the patron god of the royal family at the beginning of the 13th century BC, using sources related to the cult of divine ancestors, which was actively used to legitimize the power of the Ramessides during the reign of Seti I.

Keywords: Abydos, ancestor cult, Horemheb, Ramses I, Seti I, Horus, Seth, Ramessides, ideology of royal power

For citation: Barsukov, E.O. (2026), “Images of ancestors in the temple of Ramses I at Abydos and the ideology of royal power of the early 19th dynasty”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 120–130, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-120-130

Введение

Особое внимание в контексте развития культа царских предков при ранних Рамессидах привлекает святилище *махат*¹, возведенное Сети I и посвященное его отцу Рамсесу I [Winlock 1937, p. 9].

¹ Др. египетское mḥ.t – гробница, кенотаф. См.: O’ Connor D. The “Cenotaphs” of the Middle Kingdom at Abydos // *Mélanges a Gamal Eddin Mokhtar*. Vol. 2. Cairo, 1985. P. 161–177.

Подобный тип культового сооружения, являющегося по сути кенотафом, получил широкое распространение в Абидосе с эпохи Среднего царства [Cahail 2014, p. 321]. С ним связана интересная коллизия. Несмотря на то что памятник был издан еще в 20–30-е годы XX в. Уинлоком [Winlock 1921, 1937], одно несоответствие, встречающееся в его изобразительной программе, – использование иконографии принцесс и цариц в костюмах родственниц Рамсеса I, не имевших подобного статуса, – не было объяснено. Описание *махат* и его декора присутствует в монографии Питера Бранда [Brand 2000, p. 178–181], посвященной монументам Сети I. Отнесение святилища к определенному типу ритуальных сооружений дается в работе о поминальных памятниках в Абидосе Кахеила [Cahail 2014, p. 321]. Объяснений особенностям иконографии царских родственниц в этих работах дано не было. Тем не менее как появление процессии родственников в царском святилище, так и присвоение регалий, на которые они не имели прав, ставят перед нами ряд вопросов, ответить на которые можно благодаря источникам, связанным с культом предков и идеологией бога-покровителя, переосмысленной в правление Менмаатра.

Святилище и его изобразительная программа

Махат Рамсеса I находится у северо-восточной стены теменоса храма Сети I [Winlock 1937, p. 9]. Оно состоит из известнякового однокамерного святилища, стоящего в небольшом открытом дворе, окруженном стеной из сырцового кирпича с каменными воротами, возможно бывшими частью кирпичного пилона. Если провести линию от первого пилона храма Сети к воротам часовни, то окажется, что они стоят примерно на одном уровне. Центральная ось сооружения совпадает с местом, где начинался вход в Осирийон, выведенный за обводную стену храма Сети. Такое расположение выглядит не случайным и может указывать на особую роль часовни Рамсеса I в локальной ритуальной практике. Итон считает, что это указывает на возможный процессионный маршрут [Eaton 2004, fig. 1.4.]. Реальность подобной интерпретации подтверждается несколькими фактами: важностью процессий с ладьями в божественном культе, в том числе и в Абидосе, где Сети участвовал в реконструкции процессионной дороги Осириса [Brand 2000, pp. 184–185], ролью процессий в культе царских предков, которую демонстрирует изобразительная программа гробниц Рамессидского времени в фиванском некрополе [Миронова 2022, с. 305–306] и, наконец, самим расположением часовни и входа в Осирийон, кон-

цептуально совпадающими с оформлением процессионных аллей в Фивах и в главном храме Абидоса. Момент включения *махат* Рамсеса в ритуальную составляющую храма Сети очень важен: он указывает на значимость культа Рамсеса I как царя-предка в религиозно-идеологической политике его сына. Об этом же свидетельствует надпись на дверном косяке святилища:

*Hr K3-nht h' m W3st s'nh t3wy nswt-bity Mn-M3't-R' Wsir nb 3bdw mri di 'nh
Hr-nbw whm h'w wsr pdwt m t3w nbw s3 R' nb h'w Wsirty-mr-n-Pth Ist wrt ngr mw
mri mi R' Iri.n.f m mnw.f n it nswt-bity Mn-phiti- R' s3 R' R'-ms-sw Irt.n.f hwt n HH
m rnpwt r-gs nbw nhh*

Хор, Бык могучий, воссиявший в Фивах, дающий жизнь Общим Землям, Царь Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра, возлюбленный Осирисом, владыкой Абидоса. Хор Золотой, повторяющий явления, мощный войском во всех землях, сын Ра, владыка диадем Сети-Мернептах, возлюбленный Исидой, великой матерью бога, которому дана жизнь подобно Ра. Сотворил он (это) в качестве памятника своего для отца (своего), царя Верхнего и Нижнего Египта Менпехтира, Сына Ра Рамсеса. Создал для него храм Миллионов лет рядом с владыками бесконечности².

Рельефы покрывают всю поверхность внутренних стен, которая разбита на два регистра, а также внешнюю со стороны входного портала³. Выбор сцен отображает две роли Рамсеса I в этом святилище – царя-ритуалиста и бенефициара ритуала. Последнее иллюстрирует две грани культа кровных родственников⁴ – почитание отца и семьи, подчеркивая легитимность положения наследника Менпехтира – Сети I.

Интересующая нас композиция находится на южной стене святилища в нижнем регистре [Winlock 1937, pl. III]. От двери к божественному навесу, под которым стоят Осирис, Исида и Хатхор Иментет, движется процессия, возглавляемая Рамсесом I и царицей Сатра⁵, за которыми следуют три мужских и пять женских фигур

² Перевод выполнен по: [Winlock 1937, pl. II].

³ Сейчас блоки находятся в музее Метрополитен в Нью-Йорке: MMA 11.155.2a, b, 11.155.3a, 11.155.3b, 11.155.3c, 11.155.3d-1a, 11.155.3d-2a, 11.155.3d-1b, 11.155.3d-3b.

⁴ Почитание предков, являвшихся членами семьи царя.

⁵ Предположительно, так как имя над фигурой не сохранилось. На то, что перед нами царица указывает иконография, фрагмент картуша и расположение в сцене сразу за фигурой Рамсеса.

(рис. 1). Как считается, на этом рельефе представлены ближайшие родственники Рамсеса [Winlock 1937, pp. 16–17]. Имена и титулы возле фигур не сохранились.

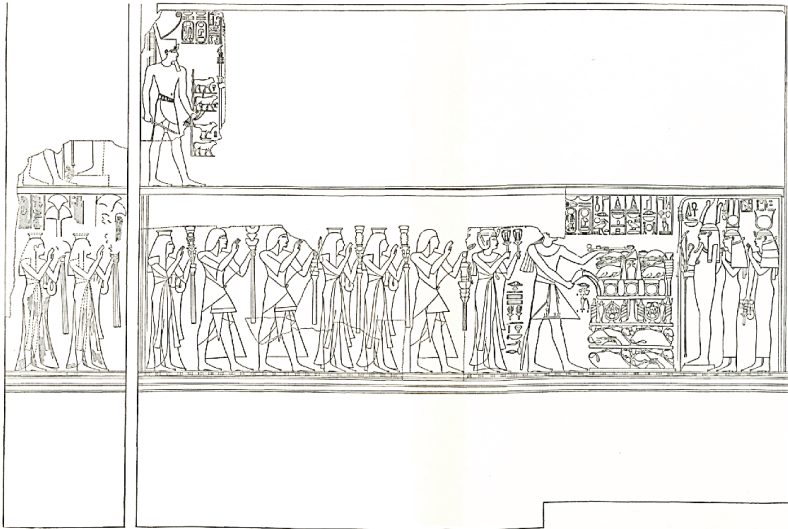

Рис. 1. Процессия на южной стене махат
(по: [Winlock 1937, pl. III])

Интерпретация сцены в контексте царской идеологии

По своему характеру построение композиции с процессией членов семьи вслед за владельцем памятника восходит к сценам гробничных часовен и стел частных лиц. Созданные примерно в это же время, на рубеже правления Сети I – Рамсеса II, гробницы Усерхета [Davies 1927, pl. V], Сеннеджема и Пашеду [Hawass 2009, p. 244, 207] являются наглядным примером этого.

Первое, на что следует обратить внимание в самой сцене, – это практически одинаковый размер фигуры царицы Сатра и следующих за ней царских родственников и показанного лишь незначительно выше Рамсеса I. Соотношение размера его фигуры и фигур других участников процессии бросается в глаза. Такое построение сцены совершенно не соответствует канонам царского изображения, хотя укладывается в рамки указанных выше сцен памятников частных лиц. Нарушается одно из главных правил

канона – зависимость размера фигуры от социального статуса, особенно это касается царских монументов. Никто, кроме богов, предыдущих царей и в ряде случаев жены или матери царя, не мог быть изображен одного с ним роста, поскольку именно царю-ритуалисту отводилась центральная роль в изобразительной программе храмов [Матье 1961, с. 109]. Подобное отклонение от традиции уже само по себе может свидетельствовать о желании подчеркнуть в этой сцене особый статус царских родственников. Стоит учесть, что это не единственный для Абидоса пример, когда Сети вводит семью в ритуальное пространство. В его собственном храме, расположенном рядом с *махат*, в стеле, посвященной Рамсесу I, есть упоминания братьев и сестер Рамсеса [Kitchen 1975, р. 113]. Это говорит о том, что они почитались в рамках культа кровных предков царя.

Все вышеперечисленные свидетельства вступают в противоречие с выводом Питера Бранда, считавшего, что ранние Рамессиды стремились не заострять внимания на своем нецарском происхождении или даже скрывать его [Brand 2000, pp. 378–379].

Вторая, не менее примечательная особенность сцены, – это иконография женских образов. К изображениям царских родственниц были добавлены небольшие модии и пояса. Они хорошо видны на сохранившихся фрагментах⁶, что не дает варианта иной интерпретации этих деталей костюма на рельефах. Подобные элементы в паре становятся характерной чертой иконографии цариц и царских дочерей с середины XVIII династии [Tomb of Kheruef 1980, pl. 56, 57]. Окончательное оформление они получили при ранней XIX династии [McDonald 1996, pp. 93, 94]. Особенно это заметно по сценам процессий дочерей Рамсеса II [David 1981, pl. III] и изображениям из гробниц этого времени в Долине цариц⁷. Стоит отметить, что отдельные детали костюма женщин царского дома, рассмотренные нами, появляются ранее [Большаков 2013, с. 69].

В изобразительных источниках первой половины Нового царства можно встретить, на первый взгляд, похожие случаи, например, изображения с инсигниями царицы, матерей Тутмоса I⁸,

⁶ Нью-Йорк, Метрополитен музей, 11.155.3d-1a, 11.155.3d-1d.

⁷ Demas M., Agnew N. Valley of the Queens. Assessment report. Vol. 1: Conservation and management Planning. Los Angeles: The Getty Conservation Institute, 2012. P. 40, 53.

⁸ Naville E. The temple of Deir el-Bahari. Part 1. L.: Egypt Exploration Found, 1895. Pl. XIII.

из этого культового центра и рассмотренных выше, подчеркивается роль семьи. Она ни в коем случае не затеняется, цари не боятся вводить родственников, не имевших царского статуса, в культовое пространство. Это показатель особого отношения к семье, так как именно эти памятники являлись частью легитимации царей в божественном пространстве. Стоит учесть тот факт, что аудитория, для которой они создавались, не отличалась особой широтой [Вуган 1996, pp. 160–168].

Монументы транслировали не только религиозно-магический посыл, но и отражали идеологемы раннерамессидского времени, в данном контексте более ориентированные на божественное пространство. Рельефы *махат* были частью именно «божественного» диалога между царем и богами, закреплявшего его положение во времени *джет*.

Заключение

Изобразительная программа *махат* Рамсеса I через образы царских родственников еще раз подчеркивает особый статус царской семьи в культовом пространстве, а значит, и царской идеологии. Передано это было посредством соединения деталей царской иконографии и иконографии, характерной для памятников частных лиц. Образы братьев следуют иконографии придворных, а образы сестер получают дополнительный штрих в виде поясов и модиев.

Вся композиция с фигурами одинакового размера и показанным чуть выше, чем остальные члены процессии, Рамсесом не выделяет его на фоне родственников, а лишь отмечает положение совершающего ритуал. Все присутствующие – царственные предки, которых чтит Сети I, изображенный на центральной западной стене вместе с отцом. Фигуры родственниц с модиями и поясами напрямую указывают на возможность подобной интерпретации. Благодаря такому построению сцены и ее иконографии идея покровительства Сетха семье Рамессидов, отраженная в письменных источниках, получила в Абидосе подходящее для культового центра Осириса визуальное выражение, а несоответствие, вызванное использованием «неподходящих» элементов костюма, – свое возможное объяснение.

Литература

- Барсуков 2024а – *Барсуков Е.О.* Амон и Сетх: божественные предки Сети Менмаатра // Дар Нила: Сб. статей по материалам I Международной научной конференции «Дар Нила: древние цивилизации Нильской долины» / отв. ред. Э.Е. Кормышева; сост. Е.О. Барсуков. М.: РГГУ, 2024. С. 80–92.
- Барсуков 2024б – *Барсуков Е.О.* Неординарная форма культа царских предков в Египте XVI–XIII вв. до н. э. как маркер династических кризисов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». М.: РГГУ, 2024. № 5. С. 139–148.
- Большаков 2013 – *Большаков В.А.* Модий и «цветочная корона» (к интерпретации символики головных уборов царственных женщин) // *Aegyptiaca Rossica*: сб. статей / под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой. Вып. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 66–82.
- Карлова 2021 – *Карлова К.Ф.* Свой или чужой? Две ипостаси бога Сета в позднеегипетской религии. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021. 298 с.
- Матье 1961 – *Матье М.Э.* Искусство Древнего Египта. Л.; М.: Искусство, 1961. 591 с.
- Миронова 2022 – *Миронова А.В.* Календари и праздники Древнего Египта. М.: Москва, 2022. 368 с.
- Стучевский 1984 – *Стучевский И.А.* Рамсес II и Херихор: Из истории Древнего Египта эпохи Рамессидов. М.: Наука, 1984. 247 с.
- Brand 2000 – *Brand P.J.* The monuments of Seti I: epigraphic, historical and art historical analysis. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 446 p.
- Bryan 1996 – *Bryan B.M.* The disjunction of text and image in Egyptian art // *Studies in honor of William Kelly Simpson*. Vol. 1. Boston: Museum of Fine Arts, 1996. P. 161–168.
- Castro 2023 – *Castro Souto I.* Personal religion in domestic contexts during the New Kingdom. The impact of the Amarna period // *Ancient Egypt Magazine*. 2024. No. 142. P. 75–76.
- Cahail 2014 – *Cahail K.M.* In the shadow of Osiris: Non-royal mortuary landscapes at South Abydos during the late Middle and New Kingdoms. D.Sc. Thesis (Philosophy). Ann Arbor: ProQuest LLC, 2014. 657 p.
- David 1981 – *David R.* Guide to religious ritual at Abydos. Warminster: Aris & Phillips LTD, 1981. 182 p.
- Davies 1927 – *Davies N. de G.* Two Ramesside tombs at Thebes. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1927. 86 p.
- Eaton 2004 – *Eaton K.* The ritual functions of processional equipment in the temple of Seti I at Abydos. D.Sc. Thesis (Philosophy). Department of Middle Eastern Studies New York University. Ann Arbor: ProQuest LLC, 2004. 623 p.
- Hawass 2009 – *Hawass Z.* The lost tombs of Thebes: Life in Paradise. L.: Thames & Hudson, 2009. 288 p.

- Kitchen 1975, 1979 – *Kitchen K.A.* Ramesside inscriptions. Historical and bibliographical. Vol. 1. Oxford: B.H. Blackwell LTD, 1975. 416 p.; Vol. 1. Oxford: B.H. Blackwell LTD, 1979. 928 p.
- McDonald 1996 – *McDonald J.K.* House of eternity. The Tomb of Nefertari. Los Angeles: The Getty Conservation Institute: J. Paul Getty Museum, 1996. 116 p. (Conservation and Cultural Heritage)
- Murnane 1995 – *Murnane W.J.* The kingship of the Nineteenth dynasty: A study in the resilience of an institution // *Ancient Egyptian kingship* / ed. by D. O'Connor, D.P. Silverman. Leiden: Brill, 1995. P. 185–217.
- Tomb of Kheruef 1980 – *The Tomb of Kheruef: Theban Tomb 192.* Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1980. XX, 80 p. (Oriental Institute Publications <OIP>; vol. 102)
- Winlock 1921 – *Winlock H.E.* Bas-Reliefs from the temple of Rameses I at Abydos. Vol. 1, part 1. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1921. 54 p.
- Winlock 1937 – *Winlock H.E.* The temple of Ramesses I at Abydos. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1937. 20 p.

References

- Barsukov, E.O. (2024), “Amon and Seth: divine ancestors of Seti Menmaatra”, in Kormysheva, E.E., ed., *Dar Nila: Sbornik statei po materialam I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Dar Nila: drevnie tsivilizatsii Nil’skoi doliny”* [The Gift of the Nile. Proceedings of the I International Scientific Conference “The Gift of the Nile: Ancient civilizations of the Nile Valley”], RGGU, Moscow, Russia, pp. 80–92.
- Barsukov, E.O. (2024), “Extraordinary form of the cult of royal ancestors in Egypt of the 16th – 13th centuries BC as a marker of dynastic crises”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 139–148.
- Bolshakov, V.A. (2013), “Modius and the ‘Floral Crown’ (to the interpretation of head-gears of royal women)”, in Chegodaev, M.A. and Lavrent’eva, N.V., eds., *Aegyptiaca Rossica: sbornik statei* [Aegyptiaca Rossica. Collected articles], iss. 1, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia, pp. 66–82.
- Brand, P.J. (2000), *The monuments of Seti I: epigraphic, historical and art historical analysis*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA, Köln, Germany.
- Bryan, B.M. (1996), “The disjunction of text and image in Egyptian art”, in *Studies in honor of William Kelly Simpson*, Museum of Fine Arts, Boston, USA, vol. 1, pp. 161–168.
- Castro Souto, I. (2024), “Personal religion in domestic contexts during the New Kingdom. The impact of the Amarna period”, *Ancient Egypt Magazine*, no. 142, pp. 75–76.
- Cahail, K.M. (2014), *In the shadow of Osiris: Non-royal mortuary landscapes at South Abydos during the late Middle and New Kingdoms*, D. Sc. Thesis (Philosophy), ProQuest LLC, Ann Arbor, USA.
- David, R. (1981), *Guide to religious ritual at Abydos*, Aris & Phillips LTD, Warminster, UK.
- Davies, N.G., de (1927), *Two Ramesside tombs at Thebes*, The Metropolitan Museum of Art, New York, USA.

- Eaton, K. (2004), *The ritual functions of processional equipment in the temple of Seti I at Abydos*, D.Sc. Thesis (Philosophy), ProQuest LLC, Ann Arbor, USA.
- Hawass, Z. (2009), *The lost tombs of Thebes. Life in Paradise*, Thames & Hudson, London, UK.
- Karlova, K.F. (2021), *Svoi ili chuzhoi? Dve ipostasi boga Seta v pozdneegipetskoi religii* [Friend or foe? Two hypostases of the God Seth in the Late Egyptian religion], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Kitchen, K.A. (1975, 1979), *Rameside inscriptions. Historical and bibliographical*, vol. 1, B.H. Blackwell LTD, Oxford, UK, vol. 2, B.H. Blackwell LTD, Oxford, UK.
- Mat'e, M.E. (1961), *Iskusstvo Drevnego Egipta* [The art of Ancient Egypt], Iskusstvo, Leningrad, Moscow, USSR.
- McDonald, J.K. (1996), *House of eternity. The Tomb of Nefertari*, The Getty Conservation Institute, J. Paul Getty Museum, Los Angeles, USA. (*Conservation and Cultural Heritage*)
- Mironova A.V. (2022), *Kalendari i prazdniki Drevnego Egipta* [Calendars and festivals of Ancient Egypt], Moscow, Russia.
- Murnane, W.J. (1995), "The kingship of the Nineteenth dynasty: A study in the resilience of an institution", in O'Connor, D. and Silverman, D.P., eds., *Ancient Egyptian kingship*, Brill, Leiden, Netherlands, pp. 185–217.
- Stuchevskii, I.A. (1984), *Ramses II i Kherikhor: Iz istorii Drevnego Egipta epokhi Ramesidov* [Rameses II and Herihor: from the history of Ancient Egypt the Rameside period], Nauka, Moscow, USSR.
- The Tomb of Kheruef: Theban Tomb 192 (1980), The Oriental Institute of the University of Chicago, Chicago, USA. (*Oriental Institute Publications* <OIP>; vol. 102)
- Winlock, H.E. (1921), *Bas-Reliefs from the temple of Rameses I at Abydos*, vol. 1, part 1, The Metropolitan Museum of Art, New York, USA.
- Winlock, H.E. (1937), *The temple of Rameses I at Abydos*, The Metropolitan Museum of Art, New York, USA.

Информация об авторе

Евгений О. Барсуков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; merneptax_ramses_seti@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-1676-6904.

Information about the author

Evgenii O. Barsukov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; merneptax_ramses_seti@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-1676-6904.

Пересмотр административно-территориальных границ
Выборгской губернии в конце XIX – начале XX в.:
государственная безопасность
и общественно-политический резонанс

Александра Ю. Бахтурина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, b-a-t13@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается история развития проблемы административно-территориального статуса Выборгской губернии в конце XIX – начале XX в. На основании документов из фондов РГИА и опубликованных источников делается вывод о том, что проект отделения Выборгской губернии от Великого княжества Финляндского, вызвавший негативную общественно-политическую реакцию, возник под влиянием целого ряда самостоятельных причин. В качестве самостоятельного фактора выделяется проблема утраты российской казенной собственности на территории Великого княжества Финляндского в целом и собственности Военного министерства в частности. Показано, как в начале XX в. это обстоятельство повлияло на реализацию стратегических планов укрепления обороноспособности балтийского побережья. Рассмотрены позиции П.А. Столыпина, А.А. Поливанова, В.А. Сухомлинова, великого князя Николая Николаевича, В.Н. Коковцова, А.Ф. Лангофа, Ф.А. Зейна, Н.И. Бобрикова по этому вопросу. Делается вывод о том, что первоначальный проект военного ведомства, направленный на отделение от Выборгской губернии береговой полосы, к началу Первой мировой войны трансформировался под влиянием сторонников активного включения Великого княжества Финляндского в единое имперское административное, территориальное и правовое пространство.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Военное министерство, Артиллерийский департамент, форт Ино, Выборгская губерния

Для цитирования: Бахтурина А.Ю. Пересмотр административно-территориальных границ Выборгской губернии в конце XIX – начале XX в.: государственная безопасность и общественно-политический резонанс // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 131–147. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-131-147

Revision of the administrative-territorial borders
of Vyborg province in the late 19th and early 20th centuries:
State security and socio-political resonance

Aleksandra Yu. Bakhturina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
b-a-t13@mail.ru*

Abstract. The article examines the history of the development of the problem of the administrative-territorial status of Vyborg province in the late 19th and early 20th centuries. Based on documents from the collections of the Russian State Historical Archive and published sources, it is concluded that the project of separating Vyborg province from the Grand Duchy of Finland, which caused a negative socio-political reaction, arose under the influence of a number of independent reasons. The problem of the loss of Russian state property on the territory of the Grand Duchy of Finland in general and the property of the Ministry of War in particular is highlighted as an independent factor. At the beginning of the twentieth century, this influenced the implementation of strategic plans to strengthen the defense capability of the Baltic coast. The positions of P.A. Stolypin, A.A. Polivanov, V.A. Sukhominov, Grand Duke Nikolai Nikolaevich, V.N. Kokovtsov, A.F. Langov, F.A. Zein, N.I. Bobrikov on this issue are considered. It is concluded that the initial draft of the military department, aimed at separating the coastal strip from Vyborg province, was transformed by the beginning of the First World War under the influence of supporters of the active inclusion of the Grand Duchy of Finland into a single imperial administrative-territorial and legal space.

Keywords: The Ministry of War, the Artillery Department of the Grand Duchy of Finland, Fort Ino, Vyborg province

For citation: Bakhturina, A.Yu. (2026), "Revision of the administrative-territorial borders of Vyborg province in the late 19th and early 20th centuries: State security and socio-political resonance", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 131–147, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-131-147

Введение

Территориальные споры как в межгосударственных, так и внутригосударственных отношениях нередко становятся основой долговременных и весьма болезненных конфликтов. История знает множество ситуаций, когда изменения не только внешних, но и внутренних административно-территориальных границ приводили

к длительным протестам. К числу такого рода долговременных конфликтов относится вопрос о государственной принадлежности части территории Финляндии вдоль российско-финляндской границы. Попытки царского правительства в начале XX в. изменить границы, входившей в состав Великого княжества Финляндского, Выборгской губернии, присоединив часть ее территорий к Петербургской, на фоне регулирования царским правительством пределов финляндской автономии, выделения общегосударственного и местного законодательства приобрели особую остроту. В накаленной политической атмосфере после принятия закона 1908 г., обеспечивавшего прочные позиции российского Совета министров в законодательном процессе Великого княжества Финляндского, перспектива изменения границ последнего трактовалась финляндской стороной исключительно как еще одно покушение на автономию Финляндии. И именно проблемы правовых гарантий финляндской автономии в начале XX в. остаются центральными в современной историографии [Национальные окраины 2020 с. 305–323], а процессы превращения частных вопросов в политические по-прежнему остаются вне внимания большинства исследователей.

От Старой Финляндии к Выборгской губернии

С 1719 г. завоеванные Россией шведские земли с г. Выборг входили в состав Санкт-Петербургской губернии в статусе Выборгской провинции. С момента вхождения в состав Российской империи территории, заселенной карелами и частично этническими группами народности саво [Витухновская 2006, с. 13], там формируется фонд донационных и арендных земель, регулярно переходивших из рук в руки, и начинается их использование. Большая часть земель на этой территории относилась к донационным (дарственным) землям, раздававшимся Петром I в качестве наград за военную службу¹. После русско-шведской войны 1741–1743 г. на основании Абосского трактата финская провинция Кименегерд с крепостями Фридригсгам, Вильманstrand, Нейшлот в 1744 г. вошла в состав Выборгской провинции, преобразованной в губернию.

После русско-шведской войны 1808–1809 гг. в 1811 г. Выборгская губерния были включена в состав образованного Великого

¹ Русская Райвола XIX – начала XX в.: Сб. документов. СПб.: Остров, 2025. С. 8.

княжества Финляндского. Это привело к увеличению территории Великого княжества, введению там шведского законодательства и началу миграций русского населения на территорию Санкт-Петербургской губернии. Одновременно там сохранялась русская казенная и частная собственность, включая оружейные заводы в Сестрорецке и Райвола. Их работу контролировал Артиллерийский департамент Военного министерства Российской империи. Также в его ведении находились земли имения Линтула, включавшего 18 деревень Кивинебской волости. Оно было центром производства железа из болотных руд для снабжения чугунным литьем Сестрорецкого завода. До перехода в ведение Военного министерства имение принадлежало графам Салтыковым, которые в 1800 г. получили привилегию на открытие чугунолитейного завода в селении Райвола, переселили туда крестьян из Орловской губернии и сформировали значительную русскую диаспору. Уже в этот момент была очевидна нелогичность нахождения русских военных заводов и селений на территории Великого княжества. О необходимости урегулирования этнической границы, по замечанию М.М. Бородкина, уже в начале XIX в. высказывались некоторые представители дворянской элиты Великого княжества Финляндского, но не получили одобрения в финляндском Сенате². Аналогичные инициативы выдвигало и Военное министерство. Артиллерийский департамент министерства в 1822 г. обратился к Александру I с просьбой об отделении от Финляндии волостей Кивеннапа и Уусикиркко. Вопрос обсуждался в финляндском Сенате, который 27 января 1823 г. дал согласие на передачу России только Кивеннапы. В 1826 г. вопрос был вновь инициирован, но финляндский Сенат возражал против изменения границы [Мусаев 2022, с. 71–73]. Вплоть до конца Крымской войны вопрос о необходимости урегулирования административно-территориальной границы Выборгской губернии периодически возникал, но никаких решений по нему не принималось.

Российские оружейные заводы в Выборгской губернии и вопрос о границах

Военные операции Англии и Франции в Балтийском море во время Крымской войны заставили российские правящие верхи обратить самое пристальное внимание на укрепление обороны балтийского побережья. В Выборге, как отмечал военный министр

² Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии: Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905. С. 197–198.

Д.А. Милютин, «предпринято было создать заново целую систему морской обороны»³. Усиление оборонительной системы на Балтике заставило по-иному оценить и то обстоятельство, что на территории Великого княжества находятся российские оружейные заводы. Расположение их там было признано противоречащим интересам империи. В 1 февраля 1864 г. Александр II по всеподданнейшему докладу военного министра Д.М. Милютина подписал указ, на основании которого Сестрорецк с оружейным заводом был отделен от Выборгской губернии и присоединен к Санкт-Петербургской, что в свою очередь повлекло за собой изменение границ Выборгской губернии и отделения от нее 12 квадратных верст. Решение имперских властей не вызвало протестов, возможно потому, что в указе говорилось о будущей компенсации за отделяемую землю: «В свое время будут присоединены к Финляндии прибрежная полоса у Ледовитого моря к западу от р. Якобс-Эльф у залива Стольбоа... или же...свободные уголья Санкт-Петербургской губернии, расположенные вдоль границы»⁴. Русские рабочие завода в Райволо приписывались к Сестрорецку «с правом проживать в Райволе по паспортам», а территория Райволо и завод оставалась в Кивинебском приходе Выборгской губернии. Такая ситуация была связана с тем, что еще 28 ноября 1860 г. по разрешению Александра II Райволовский завод был передан Артиллерийским департаментом Военного министерства на 25 лет в аренду частным лицам⁵. В 1874 г. завод вместе с прилегающими территориями был продан князю Э.А. Ухтомскому, терпел убытки и в итоге территорию приобрели финляндские власти⁶.

В 1882 г. Райволовский завод прекратил свою деятельность, земли были проданы, а население осталось в статусе российских подданных на финляндской территории, граничившей с Санкт-Петербургской губернией. Их правовое положение не могло не обратить на себя внимания российских и финляндских властей. В 1889 г. было образовано Райволовское сельское общество⁷.

³ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1863–1864 гг. / под. ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН. 2003. С. 162.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1864. Т. 39. Ч. 1. № 40 551. С. 78–79.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 156. Л. 12 об.; Русская Райвола... С. 19.

⁶ Русская Райвола... С. 20.

⁷ Всеподданнейший отчет финляндского генерал-губернатора по управлению Великим княжеством Финляндским с сентября 1898 по сентябрь 1902 г. СПб., 1902. С. 154.

Таким образом, к концу XIX в. возникла конкретная проблема, связанная с положением русского населения на финляндской территории [Норенкова 2023, с. 55–58]. В 90-х годах XIX в. периодически обсуждался вопрос вариантах ее решения. Первый в 1894 г. был сформулирован финляндским Сенатом. Его предложения сводились к тому, чтобы разработать нормативные правила, регулирующие положение русского населения Райволы при сохранении территории в составе Великого княжества Финляндского. Второй возможный путь решения проблемы – отделение территории по аналогии с Сестрорецком и присоединение к Санкт-Петербургской губернии, по мнению финляндской стороны, был бы нежелателен. В 1894 г. прокурор финляндского Сената предложил создать комиссию и обсудить вопрос, но тогдашний финляндский генерал-губернатор Ф.Л. Гейден на обращение не ответил и никаких решений не принял⁸.

Затем на эту проблему обратил внимание новый финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков. В 1900 г. Н.И. Бобриков обратился к В.К. Плеве с письмом из текста которого следовало, что они оба считали необходимым не просто решить проблемы населения Райволы, но полностью отделить от Финляндии Выборгскую губернию⁹. Хотя к практическим действиям ни Бобриков, ни Плеве не перешли, но вопрос об отделении Выборгской губернии как политическая задача концентрации русских земель под единым управлением был сформулирован и ждал своего дальнейшего развития.

В последующей официальной переписке Бобриков сконцентрировался только на проблемах жителей Райволы, жаловавшихся на попытки взыскания с них налогов в пользу Кивинебского прихода, к которому они не принадлежали. Изменение позиции Бобрикова можно объяснить ростом протестных настроений в Великом княжестве Финляндском после издания февральского манифеста 1899 г., с одной стороны, и желанием ряда представителей высшей имперской бюрократии и лично Николая II не усугублять и без того сложную ситуацию.

17 декабря 1901 г. финляндский генерал-губернатор обратился к петербургскому губернатору С.А. Толю с предложением о передаче села Райволо в Петербургскую губернию. Бобриков писал, что присоединение отвечает общегосударственным интересам, а также сообщал, что уже сделал соответствующее предложение импера-

⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 156. Л. 2.

⁹ *Бородкин М.М.* указ. соч. С. 199.

торскому финляндскому Сенату¹⁰. Ситуацию с положением Райволы Бобриков подробно охарактеризовал в своем всеподданнейшем отчете в 1902 г. В него был включен самостоятельный раздел, посвященный русскому населению Райволы, где также предлагалось включить село в состав Петербургской губернии по аналогии с Сестрорецким заводом, территория которого была присоединена к последней на основе императорского указа 15 февраля 1864 г. Но несмотря на активность Бобрикова, отклика на его предложение долго не было. Только 24 апреля 1903 г., незадолго до своей отставки в мае 1903 г., Толь обратился к министру внутренних дел В.К. Плеве, сообщив, что поддерживает предложение Бобрикова об отделении Райволы¹¹. Возможно, с отставкой Толя, а затем убийством Бобрикова и Плеве связано то, что представление Толя было рассмотрено с большим опозданием. Ответ на него датирован 1905 г. и подписан новым министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским, который нашел присоединение Райволы к Санкт-Петербургской губернии несвоевременным из-за отрицательного отношения финляндского населения, Сената и Сейма и такому преобразованию¹².

Революция 1905–1907 гг. и Выборгская губерния

Пристальное внимание к Выборгской губернии усилилось в связи с революционными событиями 1905–1907 гг. Географическое положение Выборгской губернии и особенности финляндского законодательства позволили представителям различных революционных движений скрываться там от преследований царской полиции и жандармерии. Самостоятельную проблему составлял не прекращавшийся ввоз оружия через Финляндию в Россию. С января 1907 г. была образована межведомственная комиссия под председательством контр-адмирала И.Ф. Бострема, разрабатывавшая меры для прекращения ввоза оружия через Финляндию и активности российских революционеров. В ходе обсуждений одним из вариантов решения к проблеме к осени 1907 г. стало предложение о введении военного положения в Выборгской губернии. Этой крайней меры удалось избежать после арестов силами российской полиции в Финляндии лидеров

¹⁰ Русская Райвола... С. 107–109.

¹¹ Там же. С. 107.

¹² Там же. С. 109.

Боевой организации эсеров [Бахтурина 2009, с. 59–69; Мусаев 2004]¹³, но отношение к Выборгской губернии как территории политически нестабильной сохранилось.

*Оборона балтийского побережья
в деятельности Военного министерства
в начале XX в.*

Новый виток в деле об изменении границ Выборгской губернии был связан с проектом Военного министерства об укреплении обороноспособности балтийского побережья. В министерстве был разработан масштабный план реконструкции существующих и строительства новых приморских крепостей, где особое место занимали проекты защиты побережья Финского залива и Санкт-Петербурга от угрозы со стороны германского флота. Российские военные считали, что Балтийский флот может противостоять германскому только при наличии сильных береговых укреплений [Михаленя 1996, с. 16]. Проект системы Кронштадтских укреплений включал строительство фортов на финском берегу Финского залива. В 1908 г. началось изучение местности для строительства форта в районе деревни Ино (Иниониэми). Форт «Ино» должен был стать образцом новейшей системы береговой обороны, своеобразным «испытательным полигоном» строительства бетонных фортификационных сооружений. Его стоимость составила 6 290 900 руб. золотом [Ткаченко 2009, с. 9, 32].

Военное министерство сразу столкнулось с рядом проблем. Территории деревень Иниониэми и находившейся неподалеку Райволы к этому моменту превратились в престижную дачную местность, и министерство вынуждено было решать вопросы отчуждения частных владений под строительство укреплений форта. В полосе отчуждения оказались 28 участков, которыми владели дачники – петербуржцы и финляндские крестьяне. Им предлагалась существенная компенсация, но только к 1910 г. все участки удалось выкупить [Ткаченко 2009, с. 13]. Среди владельцев была жена лидера партии кадетов П.Н. Милюкова Анна Сергеевна. Впоследствии Милюков вспоминал, что высокая точка на берегу залива, выбранная для постройки большой двухэтажной дачи, оказалась весьма привлекательной для военных. Участок был отчужден и, как образно описывал Милюков, «на месте моего кабинета стояла

¹³ *Стиридович А.И.* Революционное движение в России. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Петроград, 1916.

дальнобойная пушка. С трех точек – Кронштадта, Лисьего Носа и форта Ино пушечные выстрелы как раз сходились против нашей бывшей дачи, закрывая путь к Петербургу»¹⁴. По другим данным, дача А.С. Милюковой разрушена не была, а использовалась под контурю строительства [Михалена 1996, с. 23].

В целом местные жители были крайне недовольны строительством, загрязнением весьма популярной дачной местности, приносившей неплохие доходы. Строительство форта сопровождалось самыми разнообразными инцидентами как со стороны местных жителей – финнов, так и со стороны привезенных на стройку рабочих. Недовольство местного населения строительством усугублялось тем, что к этому моменту отношения царского правительства с Великим княжеством Финляндским стали еще более сложными. Был принят закон 1908 г., ограничивший самостоятельность финляндских учреждений в законодательном процессе, начались кадровые перестановки, вызванные протестными настроениями в финляндском Сейме и Сенате.

В итоге летом 1910 г. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич обратился с письмом к П.А. Столыпину с предложением провести отчуждение береговой полосы Выборгской губернии в связи со строительством форта Ино. Он подчеркивал, что форт является частью кронштадских укреплений и «совершенно невозможно» допустить его существование на финляндской административной территории¹⁵.

Вслед за великим князем к премьер-министру обратился в июне 1910 г. Военный министр В.А. Сухомлинов. С одной стороны, он высказывался за изменение границ Выборгской губернии, с другой – считал необходимым постепенные и очень ограниченные меры. В своем письме он указывал, что необходимо усилить обороноспособность Кронштадта – оплота безопасности имперской столицы, но желательно присоединить только приходы Выборгской губернии, имеющие ключевое стратегического значение, составляющие береговую полосу от имперской границы у р. Сестры до форта Иниониэми.

Военное министерство беспокоили конкретные проблемы, связанные с организацией управления крепостными районами на финляндской территории, поскольку финляндское законодательство не позволяло установить ограничения на проживание финнов

¹⁴ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917 гг.). М.: Современник, 1990. Т. 2. С. 43–44.

¹⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 309. Л. 1–3.

в крепостном районе. Великий князь Николай Николаевич, как следовало из его письма к Столыпину, считал, что вмешательство финляндских властей в жизнь крепостного района Ино безусловно недопустимо. Одновременно Императорский финляндский Сенат возражал против попыток российских военных полностью подчинить себе территории в крепостном районе Ино. Из этой ситуации Военное министерство делало вывод, что наиболее целесообразной мерой для организации защиты Петербурга будет отделение от Финляндии двух пограничных уездов Кивеннапа и Уусикирко из состава Выборгской губернии и присоединение их к Петербургской.

В 1910 г. проблемы, связанные со строительством форта, выходят за пределы чисто стратегических и технических, приобретая политическое звучание.

Изменение границ Выборгской губернии как политический проект

Осложнение отношений с Великим княжеством Финляндским после издания февральского манифеста 1899 г. привело к тому, что вопрос о правовом статусе русского населения Райволы, обороне балтийского побережья стал приобретать политическую окраску. Кексгольмский уезд Выборгской губернии или так называемую Старую Финляндию к моменту вхождения в состав Великого княжества Финляндского населяли преимущественно карелы, тесно связанные экономически с Санкт-Петербургом. Кроме того, как было показано выше на примере Военного министерства, в Выборгской губернии часть земель принадлежала русским сановникам и казне, что также влияло на состав населения. Особенно это касалось территорий, примыкающих к Санкт-Петербургской губернии.

Для подготовки общественного мнения в период генерал-губернаторства Н.И. Бобрикова конце 90-х годов XIX в. «Финляндской газете» стали регулярно публиковаться статьи по истории Карелии, призванные обосновать необходимость изменения территориальных границ.

Упомянутые выше стратегические проекты Военного министерства вызвали ответную реакцию не только местных жителей, но и финляндского Сейма. Его депутаты от Выборгской губернии 29 октября 1909 г. опубликовали заявление, что это отделение территорий подорвет экономику Финляндии, нарушит национальные и культурные права финнов.

Косвенным образом на ситуацию повлияло распоряжение Николая II, отданное чуть раньше об открытии памятника Петру I и закладке православного собора на 1 тыс. человек в г. Выборге в связи с 200-летним юбилеем взятия города российской армией. Но оказалось, что памятное место, откуда российский император наблюдал за ходом сражения, находится в городской собственности. Выборгский магистрат вступил в переписку с российскими властями, указывая, что это место с 1846 г. является собственностью города Выборга. Завязалась длительная переписка об «отчуждении участка в пользу Военного министерства»¹⁶. Эта ситуация, во-первых, убедительно продемонстрировала, как в течение XIX в. Военное министерство по разным причинам теряло принадлежащие ему территории в Великом княжестве, во-вторых, указывала на то, что дело принимает выраженный идеологический контекст. Финляндский генерал-губернатор Ф.А. Зейн 21 апреля 1910 г. писал Столыпину: «Не только увековечение успехов русского оружия, но и политической дальновидности Великого Царя-преобразователя, приобретшаго с завоеванием Выборга прочную защиту для столицы государства и твердый оплот для православия в издревле русской карельской земле, предстоящее Выборгское торжество получает характер национально-русского и духовно-нравственного праздника, который должен привлечь к себе внимание русских людей соседних с Выборгскою губернией православных местностей, где упорно продолжающаяся панфинская пропаганда не могла наконец не вызвать, как противовес, пробуждения русского национального самосознания»¹⁷.

После принятия закона 17 июня 1910 г. и появления юридических оснований для изменения территориальных границ Финляндии этот вопрос стал обсуждаться более активно, в том числе на заседаниях высочайше учрежденного Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского. На заседании 13 ноября 1910 г. во время обсуждения вопроса о присоединении двух приходов Выборгской губернии к составу Санкт-Петербургской губернии вопрос перешел из чисто административной в политическую плоскость. При обсуждении вопроса были выдвинуты все возможные аргументы в пользу отчуждения приходов, копившиеся с конца XIX в.: положение русских в с. Райволо, оборона Санкт-Петербурга, борьба с русским революционным движением и панфинской пропагандой среди карельского населения, которое было подвергнуто «процессу последовательной денационализации»¹⁸.

¹⁶ Там же. Л. 1, 6.

¹⁷ Там же. Л. 39.

¹⁸ Там же. Д. 156. Л. 106 об.

Участники Совещения отмечали, что «практическая настоятельность этой меры вытекает, прежде всего, из соображений свойства Политического: из невозможности оставления под враждебным России воздействием финляндцев... местности, которая находится в непосредственном соседстве со столицею, заселена значительным русским и карельским населением и является естественным для Петербургской губернии». Также указывалось на то, что «нынешнее обособленное от империи положение Выборгской губернии представляет еще немалую опасность в отношении ограждения столицы от революционных элементов»¹⁹.

Руководство Военного министерства считало, что необходимо действовать постепенно. Присутствовавший на заседании Особого совещания в ноябре 1910 г. Помощник военного министра А.А. Поливанов заявил, что военное ведомство считало бы вопрос решенным, если был в состав Санкт-Петербургской губернии из 56 приходов включены были два. Кивиннебб (Кивеннапа), куда входило и с. Райвола) и Ново-Кирковский, или Ньюкюрку, составляющие береговую полосу от российской границы у р. Сестры до форта Инониэми.

С точки зрения большинства членов Совета министров вопрос об изменении границ Выборгской губернии являлся частной проблемой. Даже, по мнению финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна, делавшего весьма громкие декларативные заявления, ситуация с отделением от Выборгской губернии двух приходов была аналогична ситуации с отделением Сестрорецкого оружейного завода в 1864 г. По свидетельству министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа, пытавшегося протестовать против этого решения, П.А. Спольпин также считал вопрос незначительным²⁰. В конечном итоге Совет министров поддержал Военное министерство и Поливанова, выступавших за отделение береговой полосы от Выборгской губернии по стратегическим соображениям.

4 августа 1911 г. Николай II утвердил Особый журнал Совета министров и началась подготовка отделения двух приходов от Выборгской губернии и присоединении их к Санкт-Петербургской и была образована междуведомственная комиссия под председательством товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского для обсуждения этого вопроса.

¹⁹ Там же. Л. 129–140.

²⁰ *Langoff Aug. Sju år såsom Finlands representant inför tronen: minnen och anteckningar åren 1906–1913*. Helsingfors, 1922. S. 308.

Изменение позиции царского правительства в вопросе о Выборгской губернии

С начала обсуждения вопроса о границах Выборгской губернии Николаю II поступала самая разная информация об отношении населения Финляндии к предстоящим изменениям. Начальник штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа Бринкен в конце 1909 г. сообщал, что население «относится с большим сочувствием к слухам о присоединении» Выборгской губернии к империи²¹. Но с началом работы комиссии к императору стали поступать обращения от населения Выборгской губернии и финляндского Сейма, которые интерпретировались российскими властями как результат антиправительственной агитации радикальных политических сил.

В конце августа 1911 г. петербургские газеты сообщили, что император одобрил прошение Совета Министров и разрешил начать подготовку законопроекта для внесения в Государственную Думу и Государственный совет.

С точки зрения финляндских общественно-политических кругов это было нарушением автономных прав Финляндии. К Лангофу обратились с письмом жители Вазасской губернии, требуя сообщить, что он «намерен сделать на своем важном и ответственном посту для защиты прав нашей страны и предотвращения страшной опасности, угрожающей нашему народу»²². Лангоф обратился к Николаю II и во время аудиенции настаивал именно на том, что это противоречит обязательствам императорской власти перед финским народом²³.

После убийства П.А. Столыпина, с одной стороны, активизировались российские националистические круги, выдвигавшие на страницах периодической печати требования решения вопроса в Государственной Думе – с другой, возникли надежды на изменение политического курса в связи с приходом на пост председателя Совета министров В.Н. Коковцова – сторонника сдержанной политики в отношении Финляндии [Гайда 2016, с. 216]. Его назначение дало надежду финляндским общественно-политическим кругам на то, что вопрос о границах Выборгской губернии будет отложен²⁴. Ему предстояло решить вопросы о компенсациях государственным

²¹ Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг.: Сб. документов: В 3 т. Т. 2: Динамика противостояния, 1908–1917 гг. М.: РОССПЭН. 2021. С. 242.

²² *Langoff Aug.* Op. cit. S. 311.

²³ *Ibid.* S. 316.

²⁴ *Ibid.* S. 333.

ному казначейству взамен отбывания финляндскими гражданами воинской повинности и об уравнивании прав российских подданных с гражданами Финляндии на территории Великого княжества. Перед ним стояла задача обеспечить в Думе поддержку правительственным проектам и на этом фоне вопросы Выборгской губернии не были приоритетными.

Министр статс-секретарь по делам Финляндии А.Ф. Лангоф в своих воспоминаниях упомянул встречу с Коковцовым 20 ноября 1911 г., где последний отметил, что постарается приостановить разработку новых законопроектов по Финляндии и относительно присоединения приходов Лангоф может быть «в настоящее время... совершенно спокоен»²⁵.

Несмотря на заверения нового председателя Совета министров, работа межведомственной комиссии продолжалась, и успокоение не наступало. Непосредственно к императору обратились жители Ковокирковского и Кивиннеббского приходов с ходатайством «об оставлении названных приходов в составе Выборгской губернии». Они отмечали, что эта мера «не оправдывается ни интересами поселившихся в Финляндии русских людей, ни заботами об ограждении безопасности столицы империи, ни, наконец, потребностями государственной обороны, целесообразной организации коей в пределах края законы Финляндии отнюдь не препятствуют»²⁶.

Позицию финляндского Сейма депутаты изложили во Всеподданнейшем адресе и петиции от 29 мая 1912 г., где говорилось, что «предположенная мера заключает в себе несправедливость по отношению к финскому народу, представляется противозаконною и в последствиях своих губительною»²⁷.

Ходатайства обсуждались на заседаниях Совета министров и были отклонены. На заседании 16 августа 1912 г. было оглашено мнение финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна, считавшего, что такого рода прошения населения приходов Выборгской губернии представляют собой «обычную в Финляндии попытку противодействия правительственному мероприятию, не пользующемуся сочувствием местных сепаратистов» и являются следствием политической агитации младофиннов и социалистов»²⁸.

²⁵ Ibid. S. 350.

²⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг.: 1912 г. М.: РОССПЭН, 2004. С. 274.

²⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 156. Л. 342 об.

²⁸ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг.: 1912 г. С. 275.

В итоге члены межведомственной комиссии заняли более радикальную позицию, чем чины Военного министерства, приняв решение о полном выделении Выборгской губернии из состава Великого Княжества. Дополнительным аргументом стало заявление финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна о необходимости защиты православного населения (карелов) от лютеранского давления и эффективной борьбы с революционным движением в этом районе.

Это решение вызвало бурный протест в финской прессе и Сейме. Но члены Совета министров согласились с основными выводами междуведомственной Комиссии, обосновывая свою позицию тем, что сложная политическая обстановка в Финляндии затрудняет в Выборгской губернии проведение оборонительных мероприятий. 29 августа 1914 г. началась подготовка законопроектов по введению там общероссийской системы местного управления. В связи с началом Первой мировой войны отделение Выборгской губернии от Финляндии не состоялось. Попытки изменения административно-территориальных границ между Российской империей и Великим княжеством усугубили существовавшие политические проблемы и вызвали бурную антиправительственную реакцию в Великом княжестве, показав, что вопросы административно-территориального деления могут переходить в политическую плоскость, приводя к противоречиям и конфликтам.

По мере роста внимания к ситуации менялись ее трактовки российской и финляндской сторонами. Возникнув как вопрос частного характера о политическом статусе группы российских подданных и территориальной принадлежности бывшей собственности российской казны, проблема административного статуса двух приходов Выборгской губернии к началу Первой мировой войны превратилась в самостоятельную политическую проблему.

Заключение

Следует признать, что многие проблемы, в том числе вопросы о безопасности Петербурга, невозможности полноценно бороться с революционным движением на финляндской территории были вполне реальны. Также необходимо отметить, что территории, которые могли быть законным оплотом российских ведомств в Финляндии на протяжении нескольких десятков лет, уходили из-под российского контроля на основании частных ведомственных решений, о чем свидетельствует пример Военного министерства. В условиях начала XX в. пересмотр территориальных границ

Выборгской губернии принял форму серьезных политических споров и стал еще одним аргументом дискредитации власти российского императора в Финляндии.

Литература

- Бахтурина 2009 – *Бахтурина А.Ю.* Российское революционное движение и Великое княжество Финляндское (1905–1908 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2009. № 17. С. 59–69.
- Витухновская 2006 – *Витухновская М.А.* Российская Карелия и карелы и имперской политике России: 1905–1917. СПб.: Норма, 2006. 381 с.
- Гайда 2016 – *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 604 с.
- Михаленя 1996 – *Михаленя К.К.* Форт Ино: Строительство и разрушение // Цитадель. 1996. № 2. С. 17–25.
- Мусаев 2004 – *Мусаев В.И.* Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 282–290.
- Мусаев 2022 – *Мусаев В.И.* Проблема российско-финляндской границы на Карельском перешейке в XIX – начале XX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2022. № 3. С. 69–74.
- Национальные окраины 2020 – Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 605 с.
- Норенкова 2023 – *Норенкова И.Д.* Административное положение селения Райвола Выборгской губернии XIX – начала XX в. // Человеческий капитал. 2023. № 4 (172). С. 55–59.
- Ткаченко 2009 – *Ткаченко В.Ф.* Форт «Ино»: Строительство. Служба. Уничтожение. СПб.: Остров. 2009. 141 с.

References

- Bakhturina, A.Yu. (2009), “The Russian revolutionary movement and the Grand Duchy of Finland (1905–1908)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Historical Studies. History of Russia” Series*, no. 17, pp. 59–69.
- Gaida, F.A. (2016), *Vlast’ i obshchestvennost’ v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917)* [The government and the public in Russia: a dialogue on the path of political development (1910–1917)], Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia.
- Mikhalenya, K.K. (1996), “Fort Eno. Construction and destruction”, *Tsitadel’*, no. 2, pp. 17–25.

- Musaev, V.I. (2004), "The Grand Duchy of Finland and the Russian revolutionaries (the beginning of the 20th century)", *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*, no. 5, pp. 282–290.
- Musaev, V.I. (2022), "The problem of the Russian-Finnish border on the Karelian isthmus in the 19th – early 20th centuries", *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*, no. 3, pp. 69–74.
- Norenkova, I.D. (2023), "The administrative situation of the village of Raivola, Vyborg province, 19th – early 20th centuries", *Chelovecheskii kapital*, vol. 172, no. 4, pp. 55–58.
- Tkachenko, V.F. (2009), *Fort "Ino": Stroitel'stvo. Sluzhba. Unichtozhenie* [Fort "Eno": Construction. Service. Destruction], Ostrov, Saint Petersburg, Russia.
- Urushadze, A.T., ed. (2020), *Natsional'nye okrainy v politike Rossiiskoi imperii i russkoi obshchestvennoi mysli* [National outskirts in the policy of the Russian Empire and Russian social thought], Izdatel'stvo YuNTs RAN, Rostov-on-Don, Russia.
- Vitukhnovskaya, M.A. (2006), *Rossiiskaya Kareliya i karely i imperskoi politike Rossii: 1905–1917* [Russian Karelia and Karelians and the imperial policy of Russia: 1905–1917], Norma, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Александра Ю. Бахтурина, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; b-a-t13@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1116-4265

Information about the author

Aleksandra Yu. Bakhturina, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; b-a-t13@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1116-4265

Казачий период в карьере Альфонса Шанявского (1866–1876 гг.)

Алексей А. Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)

*Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
Таганрог, Россия, avolvenko@mail.ru*

Аннотация. Имя Альфонса Леоновича Шанявского – российского офицера польского происхождения, известного золотопромышленника и мецената традиционно связывают с открытием первого Народного университета в 1908 г. в Москве. Биографы Шанявского восстановили основные этапы его жизни и карьеры и особенно благотворительную деятельность после выхода в отставку в 1880–1900-е гг. Однако в литературе наблюдается диспропорция в описании военной карьеры Шанявского. Отмечается обучение Шанявского в нескольких военных кадетских училищах, в Николаевской Академии Генерального штаба, а затем нахождение в штабе Сибирского военного округа, в то же время служба в Военном министерстве «для участия в законодательных работах по воинской повинности в казачьих войсках» упоминается как эпизодическая. В статье рассматривается деятельность Шанявского в составе временного комитета для пересмотра казачьих законоположений при Главном управлении иррегулярных войск, анализируются его инициативы по решению актуальных казачьих вопросов в контексте масштабных преобразований Военного министерства, проводимых в казачьих войсках в 1860–1870-х гг.

Ключевые слова: Альфонс Шанявский, Военное министерство, Главное управление иррегулярных войск, казачество, казачьи войска, военные реформы

Для цитирования: Волвенко А.А. Казачий период в карьере Альфонса Шанявского (1866–1876 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 148–161. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-148-161

The Cossack period in the career of Alphonse Shanyavsky (1866–1876)

Aleksei A. Volvenko

*A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) Rostov State University
of Economics (RINH), Taganrog, Russia, avolvenko@mail.ru*

Abstract. The name of Alfons Leonovich Shanyavsky, a Russian officer of Polish origin, a famous gold miner and philanthropist, is traditionally associated with the opening of the first People's University in Moscow in 1908. Shanyavsky's biographers have reconstructed the main stages of his life and career, and especially his charitable activities after retirement in the 1880s and 1900s. However, there is a disproportion in the description of Shanyavsky's military career in the literature. It is noted that Shanyavsky studied at several military cadet schools, at the Nikolaev Academy of the General Staff, and then served at the headquarters of the Siberian Military District, while service in the War Ministry "to participate in legislative work on military service in the Cossack troops" is mentioned as episodic. The article examines Shanyavsky's activities as part of the temporary committee for the revision of Cossack regulations under the Main Directorate of Irregular Troops, and analyzes his initiatives to resolve pressing Cossack issues in the context of large-scale reforms of the War Ministry carried out in the Cossack troops in the 1860s and 1870s.

Keywords: Alfons Shanyavsky, Ministry of War, General Directorate of Irregular Troops, Cossacks, Cossack troops, military reforms

For citation: Volvenko, A.A. (2026), "The Cossack period in the career of Alphonse Shanyavsky (1866–1876)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 148–161, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-148-161

Введение

Имя Альфонса Леоновича Шанявского – российского офицера польского происхождения, известного золотопромышленника и мецената традиционно связывают с открытием первого Народного университета в 1908 г. в Москве. Биографы Шанявского восстановили основные этапы его жизни и карьеры, и особенно золотопромышленную и благотворительную деятельность после выхода в отставку в 1880–1900-е гг. Новейшие исследования, посвященные Шанявскому и Народному университету [Князев 2017, с. 75–82; Буланова 2022, с. 128–139; Фандо 2019, с. 42–57; Фандо 2018], в основном опираются на материалы из книги известного педагога

и общественного деятеля конца XIX – начала XX в., одного из учредителей Народного университета Н.В. Сперанского «Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского»¹. Эти материалы в свою очередь легли в основу труда историка советской и российской науки Симона Шноля «Герои и злодеи российской науки» (1997) и соответствующей главы, посвященной А. Шанявскому [Шноль 1997, с. 15–36], и также до сих пор вдохновляющей современных исследователей жизни нашего героя. Детали биографии Шанявского, представленные в книгах Сперанского и Шноля, были взяты из текста, который составила жена Шанявского – Лидия Алексеевна Родственная, решившая записать со слов мужа его биографию. Именно в этой биографии допущена диспропорция в описании жизни Шанявского². В ней сделан акцент на перипетиях судьбы нашего героя в последней четверти XIX – начале XX в. Служба Шанявского в Военном министерстве в Главном управлении иррегулярных (казачьих) войск с 1866 по 1876 г. оказалась вмещена по сути в одно предложение: «Он участвует в законодательной работе по воинской повинности в казачьих войсках». Однако даже поверхностный взгляд на чиновный путь Шанявского в это десятилетие говорит о том, что он оказался наиболее продуктивен с точки зрения развития военной карьеры.

В 1866 г. Шанявский в чине капитана назначается членом временного комитета для пересмотра казачьих законоположений при Главном управлении иррегулярных войск (далее – ГУИВ), в котором он останется чиновником до 1876 г., когда получит отставку в чине генерал-майора. По авторитетному мнению С.В. Волкова «если не учитывать дополнительные факторы (окончание академии, титул, орден Св. Георгия), то среди дореволюционных генерал-майоров строевые офицеры получили генеральский чин через 31,7 года, а нестроевые – через 32,5 года» [Волков 1993, с. 66]. Шанявский выпускается из Николаевской академии Генерального штаба в 1860 г. подпоручиком (второй офицерский чин после прапорщика), и уже через 16 лет (!) становится генерал-майором, т. е. пик карьерного роста приходится на службу в ГУИВ, а его вклад в развитие казачества начальством оценивается присвоением высокого генеральского чина.

¹ *Сперанский Н.В.* Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского: Историческая справка. М., 1913.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 554: Альфонс Леонович и Лидия Алексеевна Шанявские. Оп. 1. Д. 1.

Возникает вопрос, почему этот, казалось бы, наиболее важный период жизни Шанявского, на который приходится еще и женитьба Альфонса на Лидии Алексеевне в 1872 г., так мало освещается в его биографии? Объяснить это можно следующим образом. Биография Шанявского записывалась уже на исходе его жизни, он умер в ноябре 1905 г., являясь одним из неформальных лидеров либеральных общественных кругов. 1905 год – год революции и подавления протестов при помощи казачьих частей. На встрече С.Ю. Витте с журналистами ведущих петербургских изданий в октябре 1905 г. редактор «Русского богатства» Н.Ф. Анненский свое требование о выводе войск из столицы сопроводил следующими словами: «Нас бьют казаки – удалите эту дикую орду»³. В это время слово «казак» становится нарицательным, обозначая верного защитника самодержавия, жестокого усмирителя революционных масс. Видимо, ассоциироваться с этой темной силой или Шанявскому, или его супруге, учитывая актуальную повестку дня, не очень хотелось. Вероятно, неслучайно и упоминание о том, что Шанявский участвовал «в законодательной работе по воинской повинности в казачьих войсках». Реформа воинской повинности 1874 г. являлась главным детищем военного министра Д.А. Милютина, имеющего репутацию «либерала» в правительственных кругах и общественном мнении. Оказаться в одном ряду с милютинским преобразованием для Шанявского было гораздо важнее, чем расписать свою работу в ГУИВ на благо казачьих войск. Недаром Сперанский неоднократно подчеркивал особое внимание Д.А. Милютина к Шанявскому, который в свою очередь проникся к военному министру «чувством горячей преданности и глубочайшего почтения, которому не изменил до самой смерти»⁴.

Шанявский действительно занимался подготовкой реформы военной службы казачества, но это лишь один из эпизодов в его многогранной чиновной службе в 1860–1870 гг.

В настоящей статье мы рассмотрим деятельность Шанявского в составе временного комитета, проанализируем некоторые его инициативы по решению актуальных казачьих вопросов в контексте масштабных преобразований Военного министерства, проводимых в казачьих войсках в 1860–1870-х гг., также ответим на вопрос насколько важен был вклад Шанявского в развитие казачества в пореформенный период.

³ Новое время, 1905. № 10 646.

⁴ *Сперанский Н.В.* Кризис русской школы: Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 151.

Известные факты ранней биографии Шанявского и его карьера в Забайкалье

Альфонс Леонович родился 9 февраля 1837 г. в Царстве Польском в Седлецкой губернии, в родовом имении Шанявских – Шанявы. Начальное образование получил в коллегии, устроенной одним из его предков, архиепископом Шанявским. В возрасте 7 лет (по другим данным в 9 лет) был насильно отправлен для обучения в Россию, сначала в Тулу в местный кадетский корпус, а затем его перевели в Орловский кадетский корпус, а оттуда уже в Александровский кадетский корпус. После его окончания Шанявский был определен на службу в Лейб-Гвардии Гатчинский (Егерский) полк. От полка он поступает в Николаевскую Академию Генерального Штаба, которую оканчивает в 1860 г. в чине подпоручика⁵.

При каких обстоятельствах Шанявский оказывается в Восточной Сибири в начале 1860-х гг., точно не известно. Большинство исследователей пишут о том, что Альфонс Леонович отправился в Сибирь по рекомендации врачей из-за петербургского климата и слабого здоровья. Упоминают также о поступившем приглашении Шанявскому со стороны тогдашнего генерал-губернатора и командующего войсками Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. Возможно, это приглашение было передано через ближайшего сподвижника генерал-губернатора Болеслава Кукеля.

Болеслав Казимирович Кукель происходил из Виленских дворян, исповедовал, как и Шанявский, католицизм и с начала 1850-х гг. строил свою карьеру при Муравьеве-Амурском, будучи зачисленным в Забайкальское казачье войско сотником, дослужившись до начальника Казачьего отделения Главного управления Восточной Сибири (далее – ГУВС). Он сопровождал Муравьева-Амурского в поездке в Санкт-Петербург в нач. 1861 г. в качестве заведующего походной канцелярией генерал-губернатора. Кукель, считавшийся современниками в крае «вторым лицом и сильнейшим после Муравьева», на снятой в столице квартире устраивал встречи с нужными чиновниками и офицерами, относящихся к делу управления Восточной Сибирью⁶.

Как нам представляется, именно Кукель оказался причастен к переводу Шанявского в Восточную Сибирь. По крайней мере,

⁵ Там же. С. 150.

⁶ *Барсуков И.П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. М., 1891. Кн. 1–2. С. 621.

когда Кукель в апреле 1862 г. при новом генерал-губернаторе М.С. Корсакове (в начале 1861 г. Муравьев-Амурский получил отставку) назначается начальником штаба ГУВС, адъютантом штаба становится Альфонс Шанявский.

В это время в столице генерал-губернаторства г. Иркутске заканчивал свою работу местный комитет для составления проектов положений о казачьих войсках Восточной Сибири. Подобные комитеты почти одновременно открылись практически в каждом казачьем войске и, первоначально, по замыслу центральных властей, они должны были кодифицировать действующее казачье законодательство через подготовку новых войсковых положений. С приходом же в Военное министерство Д.А. Милютина задачи перед комитетами были значительно пересмотрены. Теперь они формулировались на основе новой программы реформ, подготовленной в ГУИВ под руководством начальника управления генерала Н.И. Карлгофа. В самых общих чертах положения программы сводились к следующему: необходимо ограничить определенной нормой число служилых казаков и ввести новый порядок формирования строевых частей (на выбор из систем как принятых в то время в казачьих войсках, так и распространенных в европейских армиях – ландверной или конскрипционной); освободить часть казаков от обязательной военной службы, а также предоставить казакам право беспрепятственного выхода из сословия, разрешить прием иногородних на казачьи земли и в казачью службу; допустить частную собственность в казачьих землях; при устройстве войсковых администраций и суда использовать опыт аналогичных губернских органов власти [Волвенко 2022, с. 139–148]. После получения программы в г. Иркутске в 1863 г. был созван новый комитет для пересмотра ранее подготовленных проектов, в его работе самое деятельное участие принял капитан Шанявский⁷.

В силу ряда причин, неоднократно описанных в литературе, результаты деятельности местных комитетов оказались признаны в Военном министерстве неудачными как несоответствующие «духу новейшего законодательства». В этой связи при ГУИВ в ноябре 1866 г. под председательством Н.И. Карлгофа был организован временный комитет по пересмотру казачьих законоположений, состоящий из представителей от всех казачьих войск и заинтересованных ведомств. В программе занятий комитета

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 1. Д. 24. Л. 25 об.: Проект Положения о Забайкальском казачьем войске.

закладывался иной поход к преобразовательной деятельности, предусматривавший отказ от подготовки общих войсковых положений в пользу разработки отдельных законодательных актов в отношении казачества⁸.

*Деятельность Шанявского
в составе временного комитета
по пересмотру казачьих законоположений*

Капитан Шанявский назначается в состав временного комитета с должности старшего адъютанта штаба Сибирского военного округа в сентябре 1866 г., представляя интересы казачьих войск Восточной Сибири⁹. Вместе с депутатами от других казачьих войск он был удостоен аудиенции Александра II в ноябре 1866 г., на которой император произнес известную среди специалистов по истории казачества речь. Ее основной посыл заключался в следующих словах – «желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их значение было, сколько возможно, согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственная благосостояния»¹⁰.

Д.А. Милютин и Н.И. Карлгоф придавали большое значение деятельности временного комитета и регулярно обменивались мнениями о ходе его работ. В одном из писем к министру Карлгоф, характеризуя членов комитета, особо выделял капитана Шанявского, донского депутата Ханженкова, а также от Уральского войска войскового старшину Мартынова. Эти трое депутатов, как считал Карлгоф, выражали три разные позиции на заседаниях комитета: консервативное (Мартынов), среднее (Ханженков) и либеральное (Шанявский). Последний, по оценке Карлгофа, составлял «замечательные особые мнения в духе прогрессивном, но рассудительные и возможные к применению». Однако большинство в комитете все же приняли среднюю позицию. Примечательно, что сторону Шанявского заняли члены комитета от Военного министерства, Государственного контроля и Министерства юстиции¹¹.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 3–7: О порядке рассмотрения занятий по канцелярии Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений.

⁹ Столетие Военного министерства: 1802–1902. Т. 11: Главное управление казачьих войск: Исторический очерк. СПб., 1902. Ч. 2. С. 49.

¹⁰ Представление депутатов от казачьих войск государю императору // Военный сборник. 1866. № 12. С. 106–107.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 169: Д.А. Милютин. Карт. 23. Ед. 19. Л. 12 об.

Работая в комитете, Шанявский курировал вопросы, связанные с развитием казачьих войск Восточной Сибири и прежде всего Забайкальского казачьего войска. О существующих проблемах в этом войске генерал-губернатор М.С. Корсаков сообщил в Военном министерстве в начале 1866 г. Во всеподданнейшем докладе он писал о крайне невыгодном положении пеших батальонов Забайкальского войска. Данные батальоны, составлявшие значительную часть войска, были сформированы из бывших горнозаводских крестьян кабинета Е.И.В., зачисленных в казачье сословие в 1851 г. Условия их жизни оказались хуже, чем у большинства горнозаводских рабочих Нерчинского округа, освобожденных в 1862 г. и не ставших казаками. Кроме того, в войске в течение нескольких лет наблюдался дефицит по сметам войсковых доходов и расходов (более 20 тыс. руб. в год). В связи с этим Корсаков предложил как можно быстрее реализовать разработанные иркутским комитетом проекты реформ, а для «нравственной поддержки» пеших батальонов ввести «переходные административные меры» по примеру Оренбургского казачьего войска¹².

По поручению Н.И. Карлгофа Шанявский с конца 1866 г. работал над проектом положения о Забайкальском казачьем войске особо выделяя те его части, которые касались управления, финансов и т. д. Он пытался слить действующее по отдельности областное и казачье управление в одно целое и прийти благодаря этому к сокращению издержек казны. Затем задача была еще более конкретизирована, Шанявского оставили на лето 1867 г. в Санкт-Петербурге уже для разработки нового «проекта о преобразовании разных административных учреждений Забайкальского войска в видах скорейшего устранения ежегодно происходящих дефицитов в войсковом бюджете»¹³.

Шанявский единолично готовит новый проект «Временного положения о Забайкальском казачьем войске» и объемную объяснительную записку к нему. По мнению Шанявского, за счет дополнительного налогообложения казачьего населения покрыть дефицит войскового бюджета не удастся. Денежный сбор с пеших казаков и так был доведен до максимума, насколько позволяло законодательство, в то время как конные казаки от него освободились. Причем наибольшая нагрузка выпадала на многодетные семьи, так как денежные повинности распространялись даже на

¹² РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 24. Л. 29, 38–39: Проект Положения о Забайкальском казачьем войске.

¹³ Там же. Д. 1. Л. 45, 69 об.: О порядке рассмотрения занятий по канцелярии Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений.

младенцев. В связи с этим Шанявский предложил два способа решения проблемы: привлечь дополнительные доходные источники и преобразовать военную службу казачества. Новые доходы Шанявский планировал получить с обложения в пользу войскового бюджета Борзинского соляного озера, акцизных отчислений от продажи вина, а также налога с добытых на войсковых землях благородных металлов. В итоге войсковой доход должен был составить 268–280 тыс. рублей в год¹⁴. Работая над последним своим предложением, Шанявский вполне мог задуматься над возможностью заняться самому золотопромышленной деятельностью в будущем.

Другой способ, предложенный Шанявским, заключался во внедрении в Забайкальском войске конскрипционной системы военной службы. Эта система предполагала жеребьевку между молодыми казаками, позволяющую одним поступать на службу, а другим переходящим в разряд «войсковых граждан» навсегда от нее освободится, но за ежегодное денежное отчисление [Волвенко 2018, с. 36–45].

Корсаков изложил свое мнение на проект Шанявского весной 1868 г. Он поддержал идею с новыми источниками доходов, но выступил категорически против конскрипции, из-за которой «получают преимущественное положение силой только слепого случая», и предложил оставить действующий очередной порядок выхода на службу. Кроме того, Корсаков раскритиковал еще одну идею из проекта Шанявского: вместо действующей конно-артиллерийской бригады оставить только одну 4-орудийную батарею. Корсаков докладывал Милютину по этому поводу: «На случай войны с Китаем есть 2 операционных пункта сбора и движения сил за границу, между ними расстояние 800 верст, поэтому одной батарее явно недостаточно»¹⁵. Несмотря на критику, проект Шанявского лег в основу двух важных законодательных актов по Забайкальскому войску, принятых в 1872 г. – 6 мая было утверждено «Положение о воинской повинности Забайкальского казачьего войска», а 31 мая – «О преобразовании Забайкальского казачьего войска»¹⁶. Согласно первому документу, в основу казачьей службы все же был положен принцип конскрипции, и теперь забайкальские молодые казаки могли оказаться в рядах «войсковых граждан» после жеребьевки. Главная же идея упо-

¹⁴ Там же. Д. 24. Л. 76: Проект Положения о Забайкальском казачьем войске.

¹⁵ Там же. Л. 175: Проект Положения о Забайкальском казачьем войске.

¹⁶ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1873. Т. 8. Ч. 1. С. 123–174, 182–194.

мянутого преобразования Забайкальского войска заключалась в передаче в руки общеимперской полиции и гражданских властей всех невоенных вопросов развития войска.

Блестяще выполненное дело о Забайкальском проекте окончательно формирует в глазах Н.И. Карлгофа репутацию Шанявского как весьма ценного сотрудника. Поэтому, когда в 1868 г. умирает правитель дел канцелярии временного комитета И.Ф. Лосев, Шанявский, уже подполковник, занимает его место и усиливает свое влияние в комитете. Он контролирует подготовительную работу практически всех крупных разрабатываемых реформ в казачьих войсках конца 1860 – начале 1870-х гг. Можно уверенно говорить о существенном вкладе Шанявского по принятию важных законодательных актов в отношении казачьих войск в 1860 – начале 1870-х гг., таких как «О Дозволении Русским поданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» (1868), «Об освобождении казачьих офицеров и чиновников от обязательной службы, о дозволении лицам казачьего сословия исключаться из иного, перечисляться в другие войска и служить вне своих войск, и о зачислении в казачьи войска лиц невойскового сословия» (1869), «О поземельном устройстве в казачьих войсках» (1869), «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» (1870), «О торговле в казачьих войсках: Кубанском, Терском, Астраханском, Оренбургском, Сибирском, Забайкальском и Семиреченском» (1870) и др. По мнению Д.А. Милютина, проведенные преобразования изменили первоначальные «неосновательные опасения» казачества по поводу «видов правительства», и в итоге «казаки поняли, что реформы эти клонятся к улучшению их гражданского быта, а не к упразднению казачества»¹⁷.

В начале 1871 г. новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников, сменивший Корсакова, решил вернуть ряд чиновников своего штаба, задержавшихся по тем или иным причинам в столице, в том числе и Шанявского. Вернуть Шанявского Военное министерство генерал-губернатору отказало¹⁸. Более того, когда временный комитет в 1872 г. закончил свою работу, Шанявского назначили начальником 2-го (законодательного) отделения ГУИВ. С этой должности Шанявский 21 июля 1876 г. был уволен от службы «за болезнью» генерал-майором и с мундиром.

¹⁷ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1868 – начало 1873 г. М., 2006. С. 454.

¹⁸ РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 24. Л. 390–391: Проект Положения о Забайкальском казачьем войске.

Как начальник 2-го законодательного отделения Шанявский вплоть до своего увольнения курировал составление и выход ежегодных томов «Сборника правительственных распоряжений по казачьим войскам». Издание сборника продолжалось вплоть до 1917 г., а его содержание является уникальным источником по истории казачества поздней имперской эпохи.

Работая во Временном комитете, Шанявский вел переписку с казачьими представителями различных казачьих войск, его информированность о происходящих событиях как в центре, так и на местах позволяла ему по поручению начальства освещать в ведомственной газете «Русский инвалид» текущую политику Военного министерства в отношении казачьих войск. Есть основания предполагать, что именно Шанявский являлся автором объемной, состоящей из трех частей статьи «По вопросам о преобразованиях в казачьих войсках» (май, июль 1869). В ней излагались причины и ход реформирования казачьих войск, направленного «на сближение в будущем казачьих населений с прочими сословиями государства»¹⁹. По сути, статья представляла собой публичный отчет о деятельности ГУИВ и фиксировала выполнение тех задач, которые были поставлены перед Временным комитетом, с акцентом на «развитие гражданского быта казачьих войск». По личному указанию Д.А. Милютина Шанявский оперативно готовит и публикует статью, посвященную разъяснению проведенных казачьих преобразований, в день празднования 300-летия войска Донского 21 мая 1871 г.²⁰ Она была призвана актуализировать верноподданнические чувства донского казачества на фоне ожиданий властей возможного проявления казачьего недовольства содержанием реформы станичного самоуправления и переименованием Земли войска Донского в Область войска Донского [Волвенко 2020, с. 128–129].

Шанявский был причастен к разработке реформы военной службы войска Донского с учетом изменений в системе воинской повинности, готовившихся с начала 1870-х гг. и реализованных в Уставе о воинской повинности 1874 г. Под его непосредственным руководством были сделаны расчеты цен провоза донских полков по железным дорогам до европейских границ империи, а также выведена динамика стоимости содержания для казны донских казачьих полков в год²¹. Эти данные, проверенные и подтвержденные Главным интендантским управлением Военного министерства, за-

¹⁹ Русский инвалид. 1869. № 61, 62, 63, 83.

²⁰ Там же. 1870. № 111.

²¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 17. Д. 520. Л. 402–402 об.: О воинской повинности Донского казачьего войска.

тем использовались в качестве обоснования необходимости реформирования казачьей военной службы и, на наш взгляд, являлись ключевыми в укреплении среди высшего военного руководства империи мнения о востребованности казачьей кавалерии и актуальности ее мобилизационного потенциала.

Заключение

Насколько был важен вклад Шанявского в развитие казачества в пореформенный период? Можно с уверенностью сказать, что наряду с Милютиным, Карлгофом и другими военными чиновниками, курировавшими казачье направление, имя Шанявского по праву может ассоциироваться с масштабными переменами в казачьих войсках в 1860–1870 гг., которые носили преимущественно гражданский характер. В качестве члена Временного комитета и его правителя дел, занимая конструктивную позицию, Шанявский так или иначе оказался причастен к введению нового порядка казачьей службы на основе конскрипции; к освобождению казаков от обязательной военной службы и получению права на выход из сословия; к свободному размещению иногородних на казачьих землях и в приеме их в казаки; к утверждению частной собственности на казачьих землях; к обустройству войсковых администраций и судебных учреждений по общеимперскому образцу и пр. Эти изменения, в числе других объективных и не зависящих от правительственных распоряжений факторов, в целом формировали облик казачества позднеимперской эпохи.

Литература

- Буланова 2022 – Буланова М.Б. Альфонс Леонович и Лидия Алексеевна Шанявские: союз во имя народного образования // Наследие. 2022. № 1 (20). С. 128–139.
- Волвенко 2020 – Волвенко А.А. «Высочайше разрешено существование Донского Войска считать с 3 января 1570 года...», или Рождение 300-летнего юбилея Войска Донского (часть 2) // Новое прошлое. 2020. № 3. С. 128–129.
- Волвенко 2022 – Волвенко А.А. Казачество и власть накануне великих реформ Александра II: конец 1850 – начало 1860-х гг. М.: Центрполиграф, 2022. 239 с.
- Волвенко 2018 – Волвенко А.А. Казачество и конскрипция в 1860–1870-е гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 36–45.
- Волков 1993 – Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Военное изд-во, 1993. 368 с. (Редкая книга)

- Князев 2017 – *Князев Е.А.* Городской народный университет и Альфонс Леонович Шанявский // Гаудеамус: психолого-педагогический журнал. 2017. Т. 16. № 3. С. 75–82.
- Фандо 2018 – *Фандо Р.А.* Университет им. А.Л. Шанявского на фоне смены эпох. М.: Акварель, 2018. 252 с.
- Фандо 2019 – *Фандо Р.А.* А.Л. Шанявский и его проект создания Московского городского народного университета // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С. 42–57.
- Шноль 1997 – *Шноль С.Э.* Герои и злодеи российской науки. М.: Крон-Пресс, 1997. 463 с.

References

- Bulanova, M.B. (2022), “Alfons Leonovich and Lydia Alekseevna Shanyavskie: union for the implementation of public education”, *Nasledie*, vol. 20, no. 1, pp. 128–139.
- Fando, R.A. (2018), *Universitet imeni A.L. Shanyavskogo na fone smeny epokh* [The A.L. Shanyavsky University in the background of the changing epochs], Akvarel', Moscow, Russia.
- Fando, R.A. (2019), “Alfons Shanyavsky and his project of Moscow City People’s University”, *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, no. 2, pp. 42–57.
- Knyazev, E.A. (2017), “City Public University and Alphonse Leonovich Shanyavsky”, *Gaudeamus: psikhologo-pedagogicheskii zhurnal*, vol. 16, no. 3, pp. 75–82.
- Shnol', S.E. (1997), *Geroi i zlodei rossiiskoi nauki* [Heroes and villains of Russian science], Kron-Press, Moscow, Russia.
- Volvenko, A.A. (2018), “Cossacks and konskription, 1860s – 1870s”, *Rossiiskaya istoriya*, no. 5, pp. 36–45.
- Volvenko, A.A. (2020), “ ‘The existence of the Don Army was granted by the highest authority on January 3, 1570...’, or the birth of the 300th anniversary of the Don Army (part 2)”, *The New Past*, no. 3, pp. 128–129.
- Volvenko, A.A. (2022), *Kazachestvo i vlast' nakanune velikikh reform Aleksandra II: konets 1850 – nachalo 1860-kh gg.* [The Cossacks and the government on the eve of Alexander II’s great reforms. The end of the 1850s and the beginning of the 1860s], Tsentrpligraf, Moscow, Russia.
- Volkov, S.V. (1993), *Russkii ofiterskii korpus* [Russian officer corps], Voennoe izdatel'stvo, Moscow, Russia. (*Redkaya kniga*)

Информация об авторе

Алексей А. Волвенко, кандидат исторических наук, доцент, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия; 347936, Россия, Таганрог, ул. Инициативная, д. 48; avolvenko@mail.ru
ORCID 0000-0002-6932-5976

Information about the author

Aleksei A. Volvenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) Rostov State University of Economics (RINH), Moscow, Russia; 48, Initsiativnaya St., Taganrog, Russia, 347936; avolvenko@mail.ru
ORCID 0000-0002-6932-5976

УДК 070:94(430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-162-174

Германская социал-демократическая пресса о Крестьянской войне XVI в.

Даниил П. Голубев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, danila.golubev@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация событий Крестьянской войны 1524–1525 гг. в германских землях на страницах социалистической прессы. Характерная особенность германского рабочего движения в 1876–1878 гг. – идеологический сдвиг от лассальянства к марксизму. В то же время роль наследия Ф. Лассалья, крепко укоренившегося в сознании Социалистической рабочей партии Германии, продолжала оставаться существенной. Две полярные интерпретации социализма смогли прийти к консенсусу по важнейшим идеологическим вопросам вновь созданной, теперь единой, Социалистической рабочей партии. В публикациях, размещавшихся в выпусках периодических изданий «Форвертс» и «Гамбург – Альтонаэр», аграрный и крестьянский вопросы тесно связывались с историей сословного угнетения и борьбой классов. События 1524–1525 гг. приобретали все большую значимость для рабочего движения, поскольку сквозь призму исторического материализма интеллектуальным лидерам социал-демократии удавалось выявить закономерность нарушения социальной справедливости. История Крестьянской войны за период существования Социалистической рабочей партии Германии до принятия Исключительного закона против социалистов 1878 г. стала полноценным орудием пропагандистской борьбы рабочего класса с правящими элитами Германской империи.

Ключевые слова: марксизм, Социалистическая рабочая партия Германии, германская социал-демократия, социал-демократическая пресса, Крестьянская война в германских землях, лассальянство

Для цитирования: Голубев Д.П. Германская социал-демократическая пресса о Крестьянской войне XVI в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 162–174. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-162-174

© Голубев Д.П., 2026

The German social democratic press on the Peasant's War of the 16th century

Daniil P. Golubev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
danila.golubev@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the influence of Marxist ideas on the reflection of the German Peasant's War of the 16th century in German lands by the Social Democratic press. A characteristic feature of the German labor movement in 1876–1878 was the ideological shift from Lassalleanism to Marxism. At the same time, the role of the legacy of F. Lassalle, which was deeply rooted in the consciousness of the Socialist Workers' Party of Germany, remained significant. Two polar interpretations of socialism were able to reach a consensus on the most important ideological issues of the newly created, now unified, Socialist Workers' Party. In publications featured in the periodical issues of the “Vorwärts” and “Hamburg-Altonaer”, agrarian and peasant issues were closely linked to the history of estate oppression and class struggle. The events of 1524–1525 acquired increasing significance for the labor movement because, through the lens of historical materialism, the intellectual leaders of social democracy managed to identify the regularity of the violation of social justice. The history of the Peasant's War, during the existence of the Socialist Workers' Party of Germany up until the adoption of the Anti-Socialist Law of 1878, became a full-fledged instrument of propaganda struggle for the working class against the ruling elites of the German Empire.

Keywords: Marxism, Socialist Workers' Party of Germany, German Social Democracy (or German Social Democratic Party), Social Democratic Press, Peasant's War in the German Lands (or German Peasants' War), Lassalleanism

For citation: Golubev, D.P. (2026), “The German social democratic press on the Peasant's War of the 16th century”, *RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 162–174, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-162-174

Введение

Успех, достигнутый социал- демократами на парламентских выборах в рейхстаг 1874 г.¹, побудил прежде конкурировавших

¹ Всеобщий германский рабочий союз при 179 250 голосах, что в процентном соотношении составило 3,5%, сумел провести трех депутатов в парламент, а Социал-демократическая рабочая партия Германии при 171 873 голосах, 3,3%, заняла 6 мест в Рейхстаре. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/krtw.htm> (дата обращения: 07.12.2025).

Всеобщий германский рабочий союз и Социал-демократическую рабочую партию Германии к политическому сближению. Лассальянское и эйзенахское течения в социал-демократическом движении смогли объединиться на основе идеологического компромисса в 1875 г. на партийном съезде в городе Гота, расположенном в Тюрингии. Этот успех позволил консолидировать немецкой социал-демократии свои силы и превратил некогда раздробленное общественное движение в единый слаженный механизм политической оппозиции.

Сама базовая программа, разработанная для политического объединения, носила эклектичный характер. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли резкой критике принятый документ, однако от публичного осуждения воздержались². Сторонники марксизма В. Либкнехт и А. Бебель прямо заявляли о том, что «...важен сам факт объединения...» [Lehnert 1983, S. 66].

Более того, через некоторое время Ф. Энгельс отметил, что рабочие увидели в программе то, что в ней должно было быть, но чего в ней не было³. Особенно важной деталью Готской программы для К. Маркса и Ф. Энгельса являлся пункт об отсутствии союза рабочего класса с крестьянством⁴. По всей видимости, он был вдохновлен рассуждениями Ф. Лассалья о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классовые элементы – реакционная масса. К. Маркс в «Критике Готской программы» утверждал, что по отношению к рабочему классу, согласно Ф. Лассалю, все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу⁵. Подобная точка зрения не нашла подкрепления в пропагандистской деятельности партии.

² Письмо В. Бракке 5 мая 1875 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 19. С. 11–12.

³ Энгельс – Вильгельму Бракке в Брауншвейг // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1963. Т. 34. С. 125.

⁴ Готская программа. П. 1. «Освобождение труда должно быть делом рабочего класса, перед которым все другие классы представляют собой лишь реакционную массу». URL: <https://library.fes.de/prodok/fa-28821.htm> (дата обращения: 07.12.2025).

⁵ Marx K. Zur Kritik des sozialdemokratischen Parteiprogramms // Die neue Zeit. Revue des geistigen und öffentlichen Lebens. 1891. Bd. 1. No. 18. S. 561–575.

Основное содержание

В 1876 г. начала свою работу в качестве центрального печатного органа Социалистической рабочей партии Германии газета „Vorwärts“ («Форвертс»). На 3 года (с 1876 по 1878 гг.) она стала самым мощным и громким рупором немецкой социал-демократии не только в пределах Германской империи, но и в мировом масштабе. Сопреженная с партийной деятельностью, активная работа газеты обеспечивала популярность социал-демократических идей в рабочей среде.

Газета выходила три раза в неделю в Лейпциге. Высший орган исполнительной власти в лице «партийного съезда»: В. Хазенклевера, Г.В. Хартманна, И. Ауэра, К. Деросси, А. Бебеля, А. Гейба, постановил, что печатный орган должен был отражать интеллектуальную активность партии и в то же время источником информации, который способен предоставить партии материалы для работы по дальнейшему распространению партийных принципов⁶. Главными редакторами стали В. Либкнехт и В. Хазенклевер.

Печатный орган Социалистической рабочей партии Германии «Форвертс» сталкивался с критикой в свой адрес со стороны собственных членов. Недовольство у читателей вызывал чрезмерно научный, сложный стиль, которым были написаны статьи⁷. В связи с подобными претензиями, 18 апреля 1877 г. редакция газеты опубликовала ответ, в котором объяснялось, что центральный печатный орган должен был полностью соответствовать научному уровню социалистических взглядов⁸.

Особенно интересным в этой статье являлся отрывок, посвященный Ф. Лассалю: «И Лассаль! Его лекции и его брошюры написаны классическим языком – он, как никто другой, злился, когда с немецким языком плохо обращались...»⁹ Автор публикации отзывался о видном социал-демократе как о мастере диалектики, блестящем образце для подражания как для писателей, так и для агитаторов. Ключевым индикатором редакционной позиции издания выступал последний абзац. В нем утверждалось, что статьи «Форвертс» не отличались высокой научностью, однако в плане стилистики их преимуществом была доступность, с которой материал доносился рабочему классу¹⁰.

⁶ Koszyk K., Eisfeld G. Die Presse der deutschen Sozialdemokratie. Bonn: Verlag Neue Gesellschaft GmbH, 1980. S. 14.

⁷ Ibid.

⁸ Wie soll der „Vorwärts“ schreiben? // Vorwärts. 1877. № 45. 18 Apr. S. 1.

⁹ Ibid. S. 15.

¹⁰ Ibid.

Несмотря на непреодоленное влияние фигуры Ф. Лассалья на рабочее движение, даже после его смерти, социал-демократия 70-х годов XIX в. постепенно смещала свой политический вектор в сторону более радикального по своим методам марксизма, который постепенно вытеснял лассальянство.

Наиболее ярким примером подобной тенденции является «крестьянский», вернее, «аграрный» вопрос в интерпретации В. Либкнехта. Анализ прессы выявляет, что внимание, оказываемое крестьянству и сельскохозяйственным рабочим, было существенным. Взгляд на крестьянство, как на реакционную силу, которая не станет содействовать пролетариату в свершении революции, как считал Ф. Лассаль, не был присущ рабочему движению тех лет.

В качестве первого аргумента обратимся к статье «Плоды реформ. Очерки успехов экономической эксплуатации в России за последние годы». Перевод ее на немецкий язык, под названием „Die Folgen der czarischen Reformen“ («Последствия царских реформ»), был опубликован в виде серии статей без подписи в газете «Форвертс» с 15 февраля по 15 марта 1878 г.¹¹ Автором этой работы был русский публицист революционных взглядов Н.Г. Кулябко-Корецкий. Энгельс отреагировал на статью следующим образом: «Передайте от меня большой привет Лаврову. Я с удовольствием отметил, что его прекрасная статья в последнем выпуске “Форвертс!” ...произведет соответствующее впечатление»¹². На самом деле, работа не принадлежала идеологу народничества – П.Л. Лаврову, однако была настолько качественно написана, что Энгельс решил, будто автором рукописи являлся он. Основной целью статьи стало освещение крестьянского вопроса. Материал был посвящен старинному русскому кулачеству, представителям разбогатевшего крестьянства. С течением времени они превратились в эксплуататоров сословия, из которого сами же вышли. Текст заканчивался призывом к народу организовать восстание против угнетателей, с дальнейшим построением новой, справедливой формы общественной жизни, что вполне соответствовало духу марксизма.

В другой статье, которая была опубликована в номере 42 от 10 апреля 1878 г. „Aus Italien“ («Из Италии») «Форвертс», автор, рассуждая о положении итальянских крестьян, пришел к следующему выводу. Они, будучи арендаторами земли, на которой работа-

¹¹ Die Folgen der czarischen Reformen von N.G. Kuljabko-Korezki // Vorwärts. 1878. 15 Mrz. S. 4.

¹² Энгельс – Герману Александровичу Лопатину в Париж // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 34. С. 255.

ли по контракту с «галантуомо» (господами), находились в вечном круговороте голода и долгов. Это в конечном итоге приводило не только к обнищанию, но даже к смерти. Социальные отношения арендатора и землевладельца характеризовались как отношения раба и рабовладельца. В тексте явно подчеркивалось: экономическое положение сельского населения идентично пролетарскому¹³.

Позиция социал-демократии была также четко выражена в статье: „Sozialdemokratie und Bauernstand“ («Социал-демократия и крестьянское сословие»), опубликованной в «Форвертс», в номере 72 от 29 июня 1877 г.¹⁴ Публикация стала ответом на выпады политических противников в сторону социал-демократической концепции решения аграрного вопроса. Рабочее движение обвинялось в стремлении экспроприировать частную собственность крестьян, лишить их имущества, отобрать заработанное кропотливым трудом. В тексте этого ответа содержалось емкое и достаточно точное утверждение о том, что позиция социал-демократии по земельному вопросу в достаточной мере и без всякой задней мысли разъяснена в сочинении В. Либкнехта по этой теме. Речь шла о брошюре «К аграрному вопросу» („Die Grund- und Bodenfrage“), в которой автор защищал идею союза рабочего класса и крестьянства. Его рассуждения вполне соответствовали марксистскому учению. «Без сельских рабочих и крестьян, – писал он, – наша борьба была бы безнадежной. С ними победа нам обеспечена»¹⁵.

Публикация приведенных выше материалов редакцией «Форвертс» говорила о приверженности марксизму в большей степени, чем лассальянству. В соответствии с проведенным анализом можно предположить, что Готская программа не оказывала существенного влияния на публикуемый материал печатного органа «Форвертс» в вопросе союзнических отношений пролетариата и крестьянства в условиях классовой борьбы. Более того, тезис Ф. Энгельса о том, что в тексте программы не содержалось того, что находило воплощение в реальной жизни, подтверждается на примере «аграрного вопроса».

Нельзя с уверенностью утверждать, что промарксистских, более радикально настроенных социал-демократов было больше в партии, чем умеренных – лассальянских социалистов. Нельзя и заключить, что большинство рабочих разделяли тезис о революци-

¹³ Aus Italien // Forwärts. 1878. 10 Apr. S. 3.

¹⁴ Die Sozialdemokraten und der Bauernstand // Forwärts. 1877. 29 Juni. S. 1.

¹⁵ *Liebknecht W.* Zur Grund- und Bodenfrage. Zweite vervollständigte Auflage. Leipzig: Genossenschaftsbuchdruckerei, 1876. S. 4.

онном преобразовании государства и переходе политической власти в руки пролетариата – к диктатуре рабочего класса, выяснить это не представляется возможным. Однако также известно, что «Форвертс» не скрывал своей подстрекательской деятельности, позиции несогласия с политикой власти. Открытый призыв к революционным преобразованиям явно указывал на заинтересованность, скорее, в марксистском пути развития социал-демократии. «Социал-демократы подстрекают народ и вызывают у него недовольство сложившимися условиями. В действительности, ...так называемое разжигание, возбуждение недовольства само по себе не является чем-то плохим... Да, мы хотим сеять недовольство, да, мы хотим подстрекать людей»¹⁶.

Разжигание крестьянского недовольства по отношению к существующей власти признавалось социал-демократами в 1870-х гг. важной задачей. Таким образом, значимость образа Крестьянской войны как примера революционного подъема крестьянского населения против жестокой эксплуатации князей светских и духовных, возрастала. «Чары рассеяны, рабочий люд в деревнях напуган. Плечом к плечу с трудящимся народом и под общим знаменем, братья, которые больше не являются врагами, будут сражаться за общее дело»¹⁷.

Марксистская интерпретация Крестьянской войны была продиктована практическими задачами: необходимостью проводить успешную политическую агитацию. Более научный подход Ф. Энгельса уступил место популистскому подходу А. Бебеля. Поэтому именно сочинение Бебеля было для редакции газеты своеобразным инструментом формирования исторического сознания у рабочих.

А. Ббель рассматривал Крестьянскую войну не как историк, а, скорее, как агитатор. Свою точку зрения он называл социалистически-материалистической, согласно которой персоналии и общественный строй – это естественный продукт реальных материальных условий существования общества. Сам он писал о своем труде скромно и не пытался насильно втиснуться в «гильдию историков». «Форвертс» в номере 28 от 3 декабря 1876 г.¹⁸ опубликовал статью, в котором труд А. Бебеля был удостоен крайне высокой оценки. «О Крестьянской войне уже много писали... но сама Крестьянская война была похожа на «Великую революцию» – ей до сих пор не хватало взгляда, который бы занял общечеловеческую точку зрения на условия и события... У Бебеля мы находим то, чего нам не

¹⁶ An ihren Früchten sollt ihr sie erkennen // Vorwärts. 1876. 1 Okt. S. 1.

¹⁷ *Liebknecht W.* Op. cit. S. 4.

¹⁸ Der deutsche Bauernkrieg // Vorwärts. 1876. 3 Dez. S. 2.

хватает у его предшественников: его взгляды глубже и обширнее, его суждения острее, его изложение яснее и привлекательнее». От лица партии редакция «Форвертс» поблагодарила А. Бебеля за работу и добавила, что лучший способ выразить эту благодарность – прочитать и распространить книгу Бебеля.

В самом начале своей работы А. Бебель прямо заявлял, что «самым важным событием средневековой истории Германии являются крестьянские войны...», таким образом он в числе первых выделил Крестьянскую войну в отдельную категорию революционной борьбы и подчеркнул ее историческую значимость в масштабе целого германского народа.

Редакция «Форвертс» настойчиво просила членов партии ознакомиться с событиями Крестьянской войны XVI в., которые книга описывала живым, понятным языком. Работа А. Бебеля была им написана не просто для партийных товарищей. Это – агитационная брошюра, в самом полном смысле этого слова. «Но именно там, где еще присутствует «темнота», книга Бебеля способна пролить свет и просветить более или менее отдаленные от нас круги сельского населения об их положении, привлечь их к нам, к великому делу освобождения, лучшего средства для этого просто не существует...»¹⁹. Позднее «Форвертс» планировал рассказать об отдельных эпизодах восстания в сборнике, однако, по всей видимости, задуманное не удалось реализовать.

21 апреля 1878 г. в «Форвертс» вновь была прорекламирована «Крестьянская война» А. Бебеля, но уже не в виде статьи, а отдельным объявлением в конце номера, на странице 4²⁰. Описание работы повторяло вступительные слова автора о том, что труд был написан для рабочих, которым не хватает времени и средств для чтения объемных и дорогостоящих исторических трудов. Редакция «Форвертс» особенно подчеркивала, что широкое распространение этой книги послужит делу рабочего движения наилучшим образом²¹.

Крестьянская война в качестве знаковой вехи в истории классовой борьбы дважды упоминалась Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», в одном из главных сочинений марксизма, которое опубликовала газета «Форвертс» в январе–мае 1877 г. Первый раз в главе 1 под названием «Общие замечания», где он рассуждал о том, что при каждом крупном буржуазном движении возникали самостоятельные выступления класса-предшественника пролетариата, в данном

¹⁹ Ibid. S. 3.

²⁰ Der deutsche Bauernkrieg von A. Bebel // Vorwärts. 1878. 21 Apr. S. 4.

²¹ Ibid. S. 5.

случае эту роль исполняло крестьянство. Второй раз – в десятой главе «Мораль и право», где он связывал Крестьянскую войну со стихийной реакцией, выражением революционного инстинкта, а не целенаправленной революцией, однако именно благодаря этому инстинкту Крестьянская война, по мнению Ф. Энгельса, нерядовое событие в истории Германии²².

27 июля 1877 г. в «Форвертс» был опубликован очерк «Христианская свобода». «Немецкая “Крестьянская война” Бебеля напоминает нам о старом документе, который мы видели давным-давно и который заслуживает того, чтобы его вырвали из праха забвения» – такими словами начинается статья. Содержательно, это выпад в сторону князей Казимира и Георга Бранденбургских²³. В 1525 г. маркграфы издали для своих местных властей и подданных указ, в котором сообщали им, что крестьянское восстание возникло в немалой степени из-за «неуклюжих, безбожных» проповедей, или, вернее, «неумелых и неуклюжих» проповедников, и что они, поэтому, «...договорились с рядом курфюрстов и князей, дорогих дядей, зятьев и братьев дать всем подданным как можно более краткие инструкции, которые должны теперь и впредь претворяться в жизнь повсюду» (проповеди святого Евангелия и божественного слова). Каких-либо собственных комментариев редакция «Форвертс» не предоставила, поскольку текст этого указа, сам по себе, достаточно красноречиво говорил о том, что на самом деле христианская свобода для маркграфов означала слепое повиновение княжеской власти.

В газетном выпуске от 24 июля 1878 г. печатный орган Социалистической рабочей партии вступил в ожесточенную полемику с депутатом рейхстага и писателем, членом Национал-либеральной партии Л. Бамбергером²⁴. Спор касался современного состояния немецкой буржуазии, которая, по мнению социал-демократов, страдала отсталостью и запоздалым развитием в хозяйственном плане по сравнению с Англией и Францией, неспособностью брать политическую власть в свои руки. Буржуазию упрекали в эгоизме, постоянном тщетном поиске союзников, реакционных по своей природе, а также в том, что этап ее расцвета наступил в Германии слишком поздно²⁵. Статья заканчивалась ссылкой на Ф. Энгельса,

²² Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft von F. Engels // Vorwärts. 1877. 28 Mrz. S. 2

²³ Christliche Freiheit // Vorwärts. 1878. 27 Juli. S. 2.

²⁴ Deutschland und der Sozialismus von Ludwig Bamberger // Vorwärts. 1878. 24 Juli. S. 1.

²⁵ Ibid. S. 2.

конкретнее на его знаменитый труд «Крестьянская война в Германии», где идеолог марксизма обличал пороки буржуазии²⁶.

11 января 1878 г. «Форвертс» опубликовала сводку актуальных новостей под заголовком «Корреспонденция». В разделе «Франкфурт-на-Майне» за декабрь 1877 г. содержалась информация по поводу делегатской конференции социалистов Майнгау (Гау на Майне) и соседних округов Франкфурта-на-Майне в декабре. Социал-демократы констатировали успешность проведенного мероприятия. Участников было особенно много: 40 городов из 8 избирательных округов были представлены 48 делегатами. На повестке дня стояли следующие четыре пункта: 1) последние выборы в рейхстаг и их уроки; 2) регулирование агитации; 3) социалистическая пресса Майнгау и соседних районов; 4) распространение „Rundschau“ («Рундшау») и социалистических брошюр. «Рундшау» был пропагандистским социалистическим печатным органом, издававшимся в Гамбурге 1 раз в месяц. По четвертому пункту повестки дня было решено нанять способных и надежных торговцев книгами в «подходящих местах», но кроме продажи социалистической литературы в целом, особенно активно было принято решение распространять агитационные сочинения Ф. Лассалья и брошюры: «К аграрному вопросу» В. Либкнехта и «Немецкая крестьянская война» А. Бебеля. «Рундшау» должен был отныне популяризироваться посредством рекомендаций на народных рабочих собраниях. В очередной раз подчеркивалась значимость для социал-демократов агитационных брошюр В. Либкнехта и А. Бебеля, посвященных аграрному вопросу и Крестьянской войне²⁷.

Приведенные выше аргументы подтверждают тот факт, что освещение «Крестьянской войны» главным социал – демократическим рупором 1876–1878 гг., газетой «Форвертс», обеспечивалось под значительным влиянием марксистского, материалистического воззрения.

О Крестьянской войне писали не только в газете «Форвертс», но и в «Гамбург – Альтонаэр» („Hamburg – Altonaer“). Это издание было известно, благодаря работе в нем второго главного редактора «Форвертс», В. Хазенклевера. В этой газете он также занимал должность главного редактора. «Гамбург – Альтонаэр» был основан в 1875 г. Газета заявляла о себе, как о народном вестнике и первоначально печаталась в небезызвестном издательстве J.H.W. Dietz, принадлежавшем Иоганну Генриху Вильгельму Дитцу, известному социал-демократу. Позже газета перенесла печат-

²⁶ Ibid. S. 3.

²⁷ Correspondenzen. Frankfurt-am-Main // Vorwärts. 1878. 11 Jan. S. 4.

ный цикл в партийное издательство Auerdruckt. В период действия Исключительного закона против социалистов газета переименовалась в „Hamburger Echo“ («Гамбургское эхо»). До Первой мировой войны «Эхо», имевшая тираж более 76 000 экземпляров, считалась второй по величине ежедневной социал-демократической газетой Германии [Naake 2018, S. 38].

7 декабря 1876 г. в «Гамбург – Альтонаэр» была опубликована статья, посвященная Крестьянской войне и работе А. Бебеля по этой теме. В публикации заявлялось, что ни одна часть истории Средневековья не представляла большего интереса для сельского населения Германской империи, чем история немецкой Крестьянской войны. Автор подчеркивал, что восстание немецких крестьян против благородных и священнических трутней, которые жили на их поте и крови, оставалась неясной и малодоступной для народа страницей в истории²⁸. После небольшого вступления редакция желала «Крестьянской войне» Бебеля самого широкого распространения, указывала на исключительную важность работы в просвещении сельского населения. Особенно стоит отметить, что редакция «Гамбург-Альтонаэр», в отличие от «Форвертс», заострила внимание на том, что книга предназначалась в первую очередь для крестьян, а не рабочего движения в целом.

О принятии марксистской точки зрения в социалистической прессе при освещении Крестьянской войны говорит тот факт, что В. Хазенклевер был социалистом-лассальянцем, возглавлявшим в прошлом Всеобщий германский рабочий союз. В отличие от дружеских отношений с В. Либкнехтом, А. Бебелем и Ф. Энгельсом, у главного редактора «Гамбург – Альтонаэр» были куда более холодные и неприветливые отношения. Несмотря на это, обе работы по Крестьянской войне, «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса и «Крестьянская война» А. Бебеля, рекламировались на постоянной основе в гамбургском ежедневнике по вторникам и четвергам. Личная неприязнь к своей персоне, о которой он, скорее всего, знал, не мешала В. Хазенклеверу продвигать именно марксистский взгляд на Крестьянскую войну XVI в. в своей газете [Lidtke 1966, S. 296].

Заключение

Проанализировав публикации в периодических изданиях «Форвертс» и «Гамбург – Альтонаэр», можно сделать следующие выводы. Работа А. Бебеля, посвященная Крестьянской войне

²⁸ Der deutsche Bauernkrieg // Hamburg – Altonaer. 1876. 7 Dez. S. 1.

в германских землях XVI в., нашла мощный отклик в сознании рабочего движения. Пресса Социалистической рабочей партии Германии явно стремилась продвигать ее в массы. Восстание немецкого крестьянства использовалось в качестве красноречивого исторического образа, в основу которого легла идея о том, что враг «простого человека» остался неизменным. Подобная заинтересованность в историческом событии могла быть продиктована вполне прагматичным интересом в привлечении на сторону социал-демократии электората из сельской местности, прежде всего крестьян и наемных сельскохозяйственных рабочих. Рассмотренные публикации подтверждают работу партии в этом направлении. Схожее с пролетариатом социально-экономическое положение, которое усердно подчеркивалось в прессе тех лет, наглядно демонстрировало верность выбранной марксистской интерпретации истории, по мнению социал-демократов, а также убеждало читателей, что только марксистские методы помогут выйти угнетенным победителями из классового боя.

Литература

- Haake 2018 – *Haake* K. Helma Steinbach (1847–1918): Eine Vorkämpferin für Gewerkschaft, Genossenschaft und Partei. Hamburg: BoD – Books on Demand, 2018. 122 p.
- Lehnert 1983 – *Lehnert* D. Sozialdemokratie zwischen Protestbewegung und Regierungspartei. Von 1848 bis 1983. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1983. 260 p. (Neue historische Bibliothek Edition Suhrkamp; n. F., Bd. 248)
- Lidtke 1966 – *Lidtke* V.L. The Outlawed party. Social Democracy in Germany, 1878–1890. Princeton: Princeton University Press, 1966. 390 p.

References

- Haake, K. (2018), *Helma Steinbach (1847–1918). Eine Vorkämpferin für Gewerkschaft, Genossenschaft und Partei*, BoD – Books on Demand, Hamburg, Germany.
- Lehnert, D (1983), *Sozialdemokratie zwischen Protestbewegung und Regierungspartei. Von 1848 bis 1983*, Suhrkamp, Frankfurt a/M., Germany. (*Neue historische Bibliothek Edition Suhrkamp*; n. F., Bd. 248)
- Lidtke, V.L. (1966), *The Outlawed party. Social Democracy in Germany, 1878–1890*, Princeton University Press, Princeton, USA.

Информация об авторе

Даниил П. Голубев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; danila.golubev@mail.ru

Information about the author

Daniil P. Golubev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; danila.golubev@mail.ru

Первая миротворческая инициатива России в связи с англо-бурской войной 1899–1902 гг.

Борис М. Горелик

Институт Африки РАН, Москва, Россия,

boris.gorelik@inafr.ru

Аннотация. В первые недели англо-бурской войны (1899–1902 гг.) Россия как инициатор недавней Гаагской мирной конференции попыталась способствовать мирному урегулированию конфликта. Вновь обнаруженные архивные документы заставляют усомниться в распространенном мнении о преобладании геополитических расчетов и неискренности миротворческих устремлений царя и российской дипломатии в южноафриканском вопросе. До сих пор исследователи полагали, что на русско-германских переговорах в Потсдаме в ноябре 1899 г. вопрос о совместных действиях в связи с англо-бурской войной не обсуждался. Но появились основания полагать, что император Николай II и министр иностранных дел М.Н. Муравьев в октябре – ноябре 1899 г. всерьез рассматривали возможность организации коллективного дипломатического демарша ведущих континентальных держав. Муравьев обсуждал идею совместных действий с французским коллегой и, вероятно, поднимал этот вопрос на переговорах с германским статс-секретарем Б. фон Бюловым в Потсдаме. Однако инициатива не получила развития из-за позиции Германии. Заключив с Великобританией соглашение по Самоа, гарантировавшее германский нейтралитет в южноафриканской войне в обмен на территориальные уступки, германское правительство стало невосприимчиво к предложениям, противоречащим британским интересам. Таким образом, в тот период именно отказ Германии, а не отсутствие у России миротворческих намерений, помешал скоординированным действиям европейских держав по урегулированию южноафриканского конфликта.

Ключевые слова: англо-бурская война 1899–1902 гг., внешняя политика Российской империи, колониализм, империализм, Южная Африка

Для цитирования: Горелик Б.М. Первая миротворческая инициатива России в связи с англо-бурской войной 1899–1902 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 175–186. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-175-186

Russia's first peace-making initiative in response to the Anglo-Boer War of 1899–1902

Boris M. Gorelik

*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, boris.gorelik@inafr.ru*

Abstract. In the first weeks of the Anglo-Boer War (1899–1902), Russia, as the initiator of the recent Hague Peace Conference, attempted to facilitate a peaceful settlement of the conflict. Newly discovered archival documents challenge the prevailing view about the predominance of geopolitical calculations and the insincerity of the peace-making aspirations of the Tsar and Russian diplomats. Hitherto, researchers assumed that during the Russo-German negotiations in Potsdam in November 1899, the question of joint actions regarding the Anglo-Boer War was not discussed. However, there are now grounds to believe that Emperor Nicholas II and Foreign Minister M.N. Muravyov seriously considered the possibility of organizing a collective diplomatic *démarche* by the leading continental powers in October–November 1899. Muravyov discussed the idea of a joint action with his French counterpart and probably raised this issue during his negotiations with the German State Secretary B. von Bülow in Potsdam. However, the initiative did not materialize due to Germany's position. Having concluded an agreement with Great Britain regarding Samoa, which guaranteed German neutrality in the South African war in exchange for territorial concessions, Berlin became unreceptive to proposals contrary to British interests. Thus, during that period, it was Germany's refusal, rather than a lack of peace-making intentions on Russia's part, that prevented coordinated actions by the European powers to settle the South African conflict.

Keywords: Anglo-Boer War 1899–1902, foreign policy of the Russian Empire, colonialism, imperialism, South Africa

For citation: Gorelik, B.M. (2026), "Russia's first peace-making initiative in response to the Anglo-Boer War of 1899–1902", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 175–186, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-175-186

Введение

Российское правительство в конце XIX в. рассматривало Великобританию как основного геополитического соперника и стремилось противодействовать ее экспансии, в том числе в регионах, не входивших в сферу интересов России. Установление дипломатических отношений с Южно-Африканской Республикой незадолго до англо-бурской войны 1899–1902 гг. было частью стратегии,

направленной на поддержку государств, которые противостоят британскому влиянию [Голиков, Рыбаченок 2011, с. 97; Рыбаченок 2012, с. 321]. Благодаря далекой войне, у России появилась возможность использовать отвлечение внимания и сил Британской империи на южноафриканском направлении, чтобы достичь своих внешнеполитических целей в Азии. В то же время мировая общественность ожидала, что российский самодержец как инициатор Гаагской мирной конференции, закончившейся всего за 2,5 месяца до этого вооруженного конфликта, призовет Великобританию к соблюдению законов и обычаев ведения войны, а также предложит воспользоваться согласованными на конференции средствами урегулирования конфликтов¹.

Николай II симпатизировал бурам и внимательно следил за ходом боевых действий. В первые же недели южноафриканской войны он поручил своим дипломатам найти возможность помочь бурским республикам заключить мир на почетных условиях. Такой образ действий соответствовал сильным пробурским и антибританским настроениям в российском обществе [Англо-бурская война 2023, с. 14]. В ноябре 1899 г. российский император и его министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев собирались обсудить этот вопрос на встрече с Вильгельмом II и статс-секретарем графом Б. фон Бюловым в Потсдаме. Речь шла об организации совместного миротворческого демарша ведущих государств континентальной Европы.

Анализируя причины неудачи этой инициативы, исследователи сходятся во мнении, что ключевым препятствием стала позиция Германии, не присоединившейся к демаршу из-за нежелания вызывать недовольство британского правительства. Отказ Германии сделал попытку совместного вмешательства бесперспективной [Никитина 1970, с. 134].

Историки по-разному оценивают мотивы, из-за которых Россия побуждала державы выступить с миротворческим предложением. Действия российской дипломатии трактуются как блеф, за которым скрывалось желание подорвать международный престиж Великобритании. С этой точки зрения, Россия тогда была заинтересована не в прекращении, а в затягивании южноафриканской войны, чтобы продолжать пользоваться временным ослаблением грозного соперника в Азии [Витухновский 1949, с. 13, 91]. Согласно другой точке зрения, готовясь к потсдамским переговорам, Николай II и Муравьев хотели использовать ситуацию, прежде всего, для создания континентального антибританского блока [Davidson, Filatova

¹ *Мартенс Ф.Ф.* Гаагская конференция мира и англо-бурская война в Трансваале // *Правительственный вестник*. 1899. № 241. 4 (16) нояб. С. 1.

1998, p. 210]. Также высказывались предположения, что основной целью самодержца и главы его внешнеполитического ведомства было помешать невыгодному для России англо-германскому сближению на фоне южноафриканской войны [Spring 2014, pp. 46–48].

Итак, исследователи сомневаются в искренности намерений царя и его министра иностранных дел примирить противоборствующие стороны в Южной Африке. Они исходят из того, что российская сторона на потсдамских переговорах вообще не затронула вопрос о совместных действиях в связи с англо-бурской войной. Большинство авторов полагают, что в расчетах российской дипломатии в связи с ситуацией на юге Африки превалировала геополитика, а не миротворческие устремления.

Документы, вновь обнаруженные в Архиве внешней политики Российской империи и Российском государственном военно-историческом архиве, позволяют оспорить мнение о том, что российское правительство не рассчитывало способствовать восстановлению мира в Южной Африке в первые месяцы войны. Более того, появились основания предполагать, что миротворческая инициатива России все же обсуждалась на русско-германских переговорах в ноябре 1899 г.

Переговоры во Франции

Внешнеполитическое ведомство, так же как другие органы государственного управления, в октябре–ноябре 1899 г. не было склонно действовать решительно в связи с англо-бурской войной или создавать у британского правительства впечатление, что Россия готова к таким действиям. При этом как организатор Гаагской конференции Россия могла выступить с мирной инициативой. Англо-бурская война, разразившаяся всего через два с половиной месяца после завершения этой конференции, давала возможность впервые применить ее постановления на практике. Прежде всего это относилось к конвенции «О мирном разрешении международных споров», которую Великобритания подписала в Гааге. Нейтральные государства имели право предложить воюющим государствам добрые услуги (инициирование прямых двусторонних переговоров) или посредничество (активное участие в переговорах). Согласно конвенции, у противоборствующих сторон не было оснований рассматривать такое предложение как недружественный акт. Но любая из них могла отказаться от такого способа урегулирования конфликта [Игнатьев 2011, с. 94]².

² Там же. С. 19.

Российский министр иностранных дел Муравьев начал консультации по этому поводу с европейскими коллегами. Еще в начале октября 1899 г. в беседе с испанским премьер-министром Ф. Сильвелой он предположил, что надвигающаяся война в Южной Африке скажется на мировой политике³. Континентальным европейским державам, по мнению российского министра, следовало объединиться, чтобы ограничить экспансионизм Великобритании. Муравьев высказал мнение, что Германия, Франция и Россия найдут взаимопонимание по этому вопросу⁴.

Когда пришло известие о начале войны, Муравьев находился с частным визитом в Париже. В последующие недели он обсудил дальнейшие действия России и Франции с президентом Э. Лубе и министром иностранных дел Т. Делькассе. Во время встречи с ними Муравьев высказал предположение, что Великобритания, в конечном счете, одержит верх над бурами. Тем временем России и Франции следует согласовать свои действия с Германией, чтобы совместно участвовать в урегулировании южноафриканского конфликта.

Кроме того, российский министр предлагал воспользоваться ситуацией, чтобы получить уступки, желательные для трех держав, например по вопросу о режиме судоходства в Суэцком канале. Российское правительство хотело гарантировать беспрепятственное движение по каналу своих военных и торговых кораблей, которые обеспечивали ее экспансию в Восточной Азии.

В разговоре с Делькассе Муравьев предположил, что, ввязавшись в трудную и дорогостоящую войну на юге Африки, Великобритания окажется сговорчивее в вопросе о расширении нейтрализованной зоны канала [Andrew 1968, p. 163]. Это гарантировало бы свободу передвижения по нему судов всех держав как мирное, так и в военное время. Но французское правительство не желало раздражать Великобританию. Во-первых, Франция опасалась военноморского столкновения с ней, особенно в колониях. Во-вторых, Делькассе, в отличие от Муравьева, искал пути сближения с Великобританией и, в лучшем случае, ее присоединения к франко-русской коалиции [Venier 2014, pp. 67–68].

³ Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914 / ed. by J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme. Bd. 15. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte M.B.H., 1924. S. 132.

⁴ British Documents on the Origins of the War 1898–1914 / ed. by G.P. Gooch., H. Temperley. Vol. 1. L.: His Majesty's Stationery Office, 1927. P. 234–235; Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd. 15. S. 133–134.

Кроме того, президент и министр иностранных дел республики сомневались, что можно рассчитывать на участие Германии в миролюбивом демарше. С одной стороны, германское правительство давало понять, что склонно к сближению с Францией. В первую неделю южноафриканской войны кайзер Вильгельм II заявил французскому послу в Берлине, что представился случай «положить конец высокомерию и претензиям Англии» [Scholtz 1939, p. 73]. 18 октября статс-секретарь Бюлов посетил французского посла и заявил, что колониальные интересы их государств не противоречат друг другу, а все спорные вопросы в этой сфере можно решить путем переговоров. Позднее Бюлов признался австрийскому дипломату, что, под влиянием пробурских симпатий общественности, германское правительство на первой неделе войны всерьез задумалось о поиске взаимопонимания с Францией [Andrew 1968, p. 164]. Делькассе поручил послу в Берлине уточнить у Бюлова, какие темы предстоит обсудить на предполагаемых франко-германских переговорах. Но на этот раз статс-секретарь вел себя так, будто инициатива исходила от Франции. Поскольку германская сторона больше не поднимала этот вопрос, Делькассе стал сомневаться в возможности франко-германского сближения, в том числе, для примирения сторон англо-бурского конфликта [Bourgeois, Pages 1922, pp. 281–282]⁵.

Действительно, Германия тогда же вела переговоры с Великобританией о компенсации, которая гарантировала бы германский нейтралитет в течение южноафриканской войны. Бюлов и кайзер пытались добиться уступок, предостерегая британское правительство, что его соперники на континенте пытаются образовать антибританскую группировку с участием Германии. В начале ноября королева Виктория в частном письме сообщила Николаю II, что кайзер в разговорах с британским послом в Берлине утверждает, будто Россия хочет создать такую коалицию и заключила соглашение против Великобритании с афганским эмиром⁶.

Статс-секретарь Бюлов торопил британских визави: выгодный для Германии договор нужно было согласовать не только до запланированного на вторую половину ноября визита Вильгельма II

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. 1899 г. Д. 75. Л. 412–412 об.: Письмо Л.П. Урусова В.Н. Ламздорфу, 28 октября (9 ноября) 1899 г.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1194. Л. 102 об. – 103 об.: Письмо королевы Виктории Николаю II, 1 ноября 1899 г.

в Великобританию, но и до встречи кайзера и царя в Потсдаме в начале того же месяца. Великобритания показала бы своим соперникам, что Германию не вовлечь в континентальный альянс. За свою лояльность Германия ожидала компенсации: часть островов в архипелаге Самоа. Ее военно-морскому флоту они были нужны для стоянки на пути из Цзяо-Чжоу, германской колонии в Китае, к германским владениям в Тихом океане, а в перспективе – как база для экспансии в Латинской Америке [Никитина 1970, с. 133]. По признанию идеолога германской внешней политики барона Ф.А. фон Гольштейна, Германия не получила бы эти острова, если бы не война в Южной Африке [Kröger 2014, p. 32]. Великобритания, желая заручиться дружественным германским нейтралитетом, отказалась от притязаний на архипелаг и согласилась на его раздел между Германией и США.

Во время переговоров с Муравьевым в Париже в октябре французский министр иностранных дел высказал опасение, что, если коллективный миротворческий демарш состоится, его государство будет скомпрометировано перед Великобританией больше, чем другие участники. Делькассе не желал, чтобы, в случае неудачи, Франция в одиночку испытала на себе последствия британского недовольства. Тем не менее он согласился с российским коллегой, что, когда представится подходящий момент, Франция и Россия должны способствовать окончанию боевых действий в Южной Африке. Что касается преимуществ, которые его страна могла извлечь из коллективного давления континентальных держав на Великобританию, перспектива нейтрализации Суэцкого канала казалась ему заманчивой. Со своей стороны, Муравьев обещал выяснить отношение германского правительства к идее совместного демарша⁷.

Переговоры в Германии

Встреча Вильгельма II и Николая II, а также их министров иностранных дел была назначена на 8 ноября. Царь пристально следил за событиями в Южной Африке, где бурские вооруженные формирования наносили поражения британской армии на всех фронтах, и знал о пробурских настроениях, преобладавших в гер-

⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1899 г. Д. 75. Л. 411 об. – 412: Письмо Л.П. Урусова В.Н. Ламздорфу, 28 октября (9 ноября) 1899 г.; Documents diplomatiques français (1871–1914). 1e série. T. 16. P.: Imprimerie Nationale, 1959. P. 141.

манском обществе. До него, вероятно, доходили и сведения о том, что кайзер по-прежнему симпатизировал бурам⁸.

В письме сестре, великой княгине Ксении Александровне Николай II сообщал, что на встрече в Потсдаме он «намерен всячески натравливать императора на англичан, напоминая ему о его известной телеграмме Крюгеру!»⁹. Царь имел в виду нашумевшее послание Вильгельма трансваальскому президенту после неудачной попытки государственного переворота в Трансваале, инспирированной премьер-министром Капской колонии (1886). Кайзер тогда обещал, что Германия и другие державы помогут отстаивать самостоятельность Южно-Африканской Республики.

Утром того дня, когда Николай II и Муравьев приехали в Потсдам, было объявлено, что текст соглашения с Великобританией о разделе Самоа согласован. Это означало, что Вильгельм II и его министр иностранных дел намерены отклонить любое российское предложение об антибританских акциях.

Царю оставалось лишь заявить Бюлову, что он сочувствует бурам, но будет сдержанно реагировать на события в Южной Африке. Российский император дал понять германскому статс-секретарю, что не планирует вооруженного вмешательства в англо-бурский конфликт и не одобрит такое вмешательство других держав. Россия нуждается в мире, чтобы продолжать свое экономическое и культурное развитие. Она не желает столкновения между Францией и Великобританией. Что касается России и Германии, то, по словам самодержца, у них нет принципиальных противоречий, а значит, эти государства могут сотрудничать для поддержания мира¹⁰.

Сохранилась и записка Бюлова с изложением содержания его беседы с российским министром иностранных дел. Муравьев обратил внимание коллеги на то, что общественность в России, Франции и Германии призывает свои правительства «что-то предпринять против Англии» из-за ее стремления захватить бурские республики. Великобритании придется многим пожертвовать, чтобы победить в этой войне. Муравьев убеждал собеседника, что армия и даже флот Великобритании не так сильны, как можно предположить. Тем временем Германии и России надо поддерживать

⁸ *Prince Von Bulow C. Memoirs; 1897–1903. L.; N.Y.: Putnam, 1932. P. 298–299.*

⁹ ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 186. Л. 116: Письмо Николая II великой княгине Ксении Александровне, 21 октября (2 ноября) 1899 г.

¹⁰ *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd. 13. S. 228–229.*

наилучшие отношения друг с другом. Что касается согласованных действий в связи с англо-бурской войной, то пока «ничего нельзя поделаться». Франция тоже будет наблюдать за развитием событий на юге Африки¹¹.

Впрочем, изложение этого разговора в записке германского статс-секретаря не совпадает с тем, что рассказывал об этой встрече Муравьев. По возвращении в Петербург он беседовал о произошедшем в Потсдаме с военным министром А.Н. Куропаткиным, который записал в дневнике 6 (18) ноября 1899 г.:

Относительно Англии, Муравьев обсуждал с Бюловым следующие вопросы воздействия на Англию.

1. Полное невмешательство.
2. Посредничество.
3. Использование затруднения новым положением Англии и объявление Суэцкого канала нейтральным¹².

Судя по этим записям военного министра, глава российского внешнеполитического ведомства все же поделился с германским коллегой вариантами согласованных действий ведущих континентальных держав в связи с англо-бурской войной. Но правительство Германии не было настроено рассматривать эти возможности, и дальнейший зондаж был бы тщетным.

Впечатление, что Германия, войдя в соглашение с Англией, не захочет ничего предпринять против этой последней в данный момент, нашло подтверждение в моих беседах с императором Вильгельмом и графом Бюловым, – писал Муравьев российскому послу в Париже для сообщения Делькассе. – Короче говоря, Германия намерена остаться [безучастной] зрительницей нынешних событий в Трансваале¹³.

Заключение

По-видимому, Николай II и министр иностранных дел Муравьев в первые недели южноафриканской войны всерьез рассматривали возможность миротворческой инициативы, соответствовавшей

¹¹ Ibid. S. 230.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 1889. Л. 56 об.: Дневник А.Н. Куропаткина. 1899 г.

¹³ АВПРИ. Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 83: Телеграмма М.Н. Муравьева Л.П. Урусову, 5 (17) ноября 1899 г.

духу Гаагской конференции. В октябре и ноябре 1899 г. Муравьев обсуждал идею совместного демарша с французским коллегой и, вероятно, поднимал этот вопрос на встрече с германским статс-секретарем Бюловым в Потсдаме, предлагая различные варианты действий, включая посредничество. Однако эта инициатива потерпела неудачу из-за позиции Германии. Эта держава заключила с Великобританией соглашение о разделе островов Самоа, гарантировавшее ее нейтралитет в обмен на территориальные уступки. Из-за этого Германия стала невосприимчивой к предложениям о совместных действиях, противоречивших интересам Великобритании, что подтвердилось в ходе потсдамских переговоров. Таким образом, отказ Германии, а не отсутствие у России миротворческих намерений, помешал организовать коллективный демарш европейских держав для урегулирования англо-бурского конфликта.

Литература

- Англо-бурская война 2023 – Англо-бурская война 1899–1902 гг.: опыт и перспективы исследования / отв. ред. Б.М. Горелик, В.В. Грибанова, А.А. Токарев. М.: Ин-т Африки РАН, 2023. 372 с.
- Витухновский 1949 – *Витухновский А.Л.* Россия и англо-бурская война: Дис. ... канд. ист. наук. Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Л., 1949. 246 с.
- Голиков, Рыбаченок 2011 – *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* ...И Африка нам не нужна? // Родина. 2011. № 1. С. 97–102.
- Игнатъев 2011 – *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в конце XIX – начале XX в. (Россия перед вызовами новой эпохи). М.: ГЕОС, 2011. 220 с.
- Никитина 1970 – *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.). М.: Наука, 1970. 213 с.
- Рыбаченок 2012 – *Рыбаченок И.С.* Закат великой державы: Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. 581 с.
- Andrew 1968 – *Andrew Ch.* Théophile Delcassé and the making of the Entente Cordiale: A reappraisal of French Foreign Policy, 1898–1905. L.: Palgrave Macmillan, 1968. 330 p.
- Bourgeois, Pagès 1922 – *Bourgeois E., Pagès G.* Les origines et les responsabilités de la Grande guerre: preuves et aveux. P.: Hachette, 1922. 499 p.
- Davidson, Filatova 1998 – *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War: 1899–1902. Cape Town; Pretoria; Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. 287 p.
- Kröger 2014 – *Kröger M.* Imperial Germany and the Boer War: from colonial fantasies to the reality of Anglo-German estrangement // The international impact of the Boer War / ed. by K. Wilson. Abingdon: Routledge, 2014. P. 25–42.

- Scholtz 1939 – *Scholtz G.D. Europa en die Tweede Vryheidsoorlog 1899–1902*. Johannesburg: Voortrekkerpers, 1939. 224 p.
- Spring 2014 – *Spring D. 'Russian foreign policy and the Boer War' // The international impact of the Boer War / ed. by K.M. Wilson. Abingdon: Routledge, 2014. P. 43–64.*
- Venier 2014 – *Venier P. French foreign policy and the Boer War // The international impact of the Boer War / ed. by K.M. Wilson. Abingdon: Routledge, 2014. P. 65–78.*

References

- Andrew, C. (1968), *Théophile Delcassé and the making of the Entente Cordiale: A reappraisal of French Foreign Policy, 1898–1905*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Bourgeois, E. and Pagès, G. (1922), *Les origines et les responsabilités de la Grande Guerre: preuves et aveux*, Hachette, Paris, France.
- Davidson, A. and Filatova, I. (1998), *The Russians and the Anglo-Boer War: 1899–1902*, Human & Rousseau, Cape Town, Pretoria, Johannesburg, South Africa.
- Golikov, A. and Rybachenok, I. (2011), “...And we don't need Africa?”, *Rodina*, no. 1, pp. 97–102.
- Gorelik, B.M., Gribanova, V.V. and Tokarev, A.A., eds. (2023), *Anglo-burskaya voina 1899–1902 gg.: opyt i perspektivy issledovaniya* [Researching the Anglo-Boer War of 1899–1902: The practice and the future], Institut Afriki RAN, Moscow, Russia.
- Ignat'ev, A.V. (2011), *Vneshnyaya politika Rossii v kontse XIX – nachale XX veka (Rossiya pered vyzovami novoi epokhi)* [Russian foreign policy in the late 19th – early 20th century (Russia facing the challenges of the new era)], GEOS, Moscow, Russia.
- Kröger, M. (2014), “Imperial Germany and the Boer War: from colonial fantasies to the reality of Anglo-German estrangement”, in Wilson, K., ed., *The International Impact of the Boer War*, Routledge, Abingdon, UK, pp. 25–42.
- Nikitina, I.A. (1970), *Zakhvat burskikh respublik Anglii (1899–1902 gg.)* [The seizure of the Boer republics by England (1899–1902)], Nauka, Moscow, USSR.
- Rybachenok, I.S. (2012), *Zakat velikoi derzhavy: Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tseli, zadachi, metody* [Decline of a great power. Russian foreign policy at the turn of the 19th – 20th centuries: Goals, tasks, methods], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Scholtz, G.D. (1939), *Europa en die Tweede Vryheidsoorlog 1899–1902*, Voortrekkerpers, Johannesburg, Pretoria, South Africa.
- Spring, D. (2014), “Russian foreign policy and the Boer War”, in Wilson, K., ed., *The International impact of the Boer War*, Routledge, Abingdon, UK, pp. 43–64.
- Venier, P. (2014), “French foreign policy and the Boer War”, in Wilson, K., ed., *The International impact of the Boer War*, Routledge, Abingdon, UK, pp. 65–78.
- Vitukhnovskii, A.L. (1949), *Rossiya i anglo-burskaya voina* [Russia and the Anglo-Boer War], Ph.D. Thesis (History), Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Борис М. Горелик, кандидат исторических наук, Институт Африки РАН, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; boris.gorelik@inafr.ru

ORCID ID: 0000-0001-8839-3889

Information about the author

Boris M. Gorelik, Cand. of Sci. (History), Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001; boris.gorelik@inafr.ru

ORCID ID: 0000-0001-8839-3889

Политика
оптимизации внутрирегионального пространства
Российской Федерации:
проблемы асимметричного федерализма
и пространственного развития

Егор Е. Кочетков

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия;*

*Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия, miiten@mail.ru*

Анна А. Никлаус

*Московский психолого-социальный университет,
Москва, Россия, nicklaus.anna@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается политика оптимизации внутрирегионального пространства Российской Федерации применительно к проблемам асимметричного федерализма и пространственного развития. Актуальность темы обусловлена сохраняющимися диспропорциями социально-экономического развития российских регионов и исторически сложившейся асимметрией в их политико-правовом статусе. Во введении обосновывается значимость исследования сбалансированного регионального развития и преодоления последствий асимметричного федерализма. В разделе «Материалы и методы» описаны используемые источники (научные публикации, нормативные акты, статистические данные) и подходы (историко-политический анализ, институциональное сравнение, анализ региональной статистики). В разделе «Обсуждение» представлен обзор литературы: выделены основные работы, посвященные становлению и адаптации асимметричного федерализма в России, а также подходы зарубежных и отечественных исследователей к проблемам территориального развития. В разделе «Результаты» анализируется эволюция российской региональной политики с 1990-х гг. до настоящего времени – от заключения Федеративного договора 1992 г. до Стратегии пространственного развития до 2036 г. Показано, что федеральный центр предпринимал меры по унификации федеративных отношений (отмена отдельных договоров с регионами, укрупнение субъектов), одновременно пытаясь выровнять уровни развития территорий. Представлены данные о сохраняющемся многообразии регионов по ключевым показателям

(например, разрыв в валовом региональном продукте на душу населения между наиболее и наименее развитыми субъектами превышает 60 раз). Стратегия пространственного развития рассматривается как современный инструмент оптимизации, однако отмечаются присущие ей недостатки (ориентация на поддержку агломераций в ущерб периферии и др.). В заключение обобщаются выводы о том, что, несмотря на формальное снижение уровня асимметрии федерализма, проблемы пространственного развития требуют продолжения адаптивной политики, учитывающей дифференциацию регионов и обеспечивающей баланс между единством страны и ее территориальным разнообразием.

Ключевые слова: асимметричный федерализм, территориальное развитие, региональная политика, Федеративный договор, пространственное неравенство, Стратегия пространственного развития, оптимизация, адаптация

Для цитирования. Кочетков Е.Е., Никлаус А.А. Политика оптимизации внутрирегионального пространства Российской Федерации: проблемы асимметричного федерализма и пространственного развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 187–217. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-187-217

Policy of optimizing the intraregional space of the Russian Federation: issues of asymmetrical federalism and spatial development

Egor E. Kochetkov

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia,
miiten@mail.ru*

Anna A. Niklaus

*Moscow State University of Psychology and Social Sciences,
Moscow, Russia, nicklaus.anna@gmail.com*

Abstract. The article examines the policy of optimizing the intraregional space of the Russian Federation in the context of issues of asymmetrical federalism and spatial development. The relevance of this topic stems from the persistent disparities in the socio-economic development of Russia's regions and the historically entrenched asymmetry in their politico-legal status. The Introduction substantiates the importance of researching balanced regional development and overcoming the consequences of asymmetrical federalism. The

“Materials and Methods” section describes the sources used (scholarly publications, legal acts, statistical data) and the approaches applied (historical-political analysis, institutional comparison, elements of regional statistical analysis). The “Discussion” section provides a literature review: it highlights key works on the formation and adaptation of asymmetrical federalism in Russia, as well as domestic and foreign researchers’ approaches to problems of territorial development. The “Results” section analyzes the evolution of Russia’s regional policy from the 1990s to the present – from the signing of the Federative Treaty in 1992 to the adoption of the Spatial Development Strategy before 2036. It shows that the federal center has taken steps to unify federal relations (abolishing certain region-specific agreements, merging smaller regions), while simultaneously attempting to equalize levels of territorial development. Data is presented demonstrating the continuing wide divergence of regions on key indicators (for example, the gap in gross regional product per capita between the most and least developed subjects exceeds 60-fold). The Spatial Development Strategy is considered as a modern tool of optimization, however its inherent shortcomings are noted (focus on supporting agglomerations at the expense of periphery, etc.). In conclusion, the findings are summarized: despite a formal reduction in the asymmetry of federalism, the problems of spatial development necessitate a sustained adaptive policy that takes into account regional differentiation and ensures a balance between the country’s unity and its territorial diversity.

Keywords: asymmetric federalism, territorial development, regional policy, Federative Treaty, spatial inequality, Spatial Development Strategy, optimization, adaptation

For citation: Kochetkov, E.E. and Niklaus, A.A. (2026), “Policy of optimizing the intraregional space of the Russian Federation: issues of asymmetrical federalism and spatial development”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 187–217, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-187-217

Введение

Россия является федеративным государством с одной из самых больших территорий в мире и ярко выраженной региональной дифференциацией. На протяжении постсоветской истории в Российской Федерации возникли предпосылки к развитию асимметричного федерализма, подразумевающего неравномерность статусов и полномочий субъектов федерации. Данный феномен возник в начале 1990-х гг. как политический компромисс, позволивший сохранить целостность страны в условиях укрепления региональных элит и сепаратистских тенденций [Srivastava 2023].

В 1992 г. был подписан Федеративный договор, юридически закрепивший особые условия для ряда республик и областей, что заложило основы современной асимметрии федеративного устройства¹. С одной стороны, такая гибкость отношений центра и регионов в начальный период сыграла «связующую» роль и предотвратила возможную дезинтеграцию России [Кочетков 2011], с другой стороны, проблемы асимметричного федерализма проявились в виде правовой и экономической неоднородности регионов, появления привилегированных субъектов и роста дисбалансов между центром и периферией.

Одновременно в стране обострилась проблема пространственного развития. Под влиянием рыночных реформ 1990-х гг. и дальнейших экономических трансформаций усилилось межрегиональное неравенство: одни регионы (преимущественно ресурсодобывающие или крупнейшие города) добились высокого роста, тогда как другие испытывали стагнацию. К началу 2000-х гг. разрыв между лидерами и аутсайдерами регионального развития стал весьма значительным. По данным Росстата, валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения в богатейшем регионе (Ненецкий автономный округ) в 2018 г. достиг ~6950 тыс. руб., тогда как в беднейшей республике (Ингушетия) составил лишь ~113 тыс. руб.²

Таким образом, экономический потенциал субъектов РФ отличается более чем в 60 раз, что порождает острые вопросы о путях выравнивания и оптимизации внутреннего пространства страны.

Политика оптимизации внутрирегионального пространства направлена на преодоление указанных диспропорций и повышение эффективности управления территориями. Под «оптимизацией» в данном контексте понимается комплекс мер, с помощью которых федеральная власть стремится рационально перераспределить ресурсы и полномочия внутри страны, стимулировать сбалансированное развитие регионов и укрепить целостность государства. Актуальность исследования этой политики обусловлена несколькими

¹ Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120324/ (дата обращения: 24.11.2025).

² Ингушетия за пять лет почти удвоила ВРП, доходы бюджета выросли в 2,2 раза. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/ingushetiya-za-pyat-let-pochti-udvoila-vrp-dohody-byudzheta-vyrosli-v-2-2-raza> (дата обращения: 24.11.2025).

факторами. Во-первых, сохранившиеся элементы асимметричного федерализма продолжают влиять на взаимоотношения центра и субъектов, требуя специальных механизмов адаптации [Кочетков 2024]. Во-вторых, в условиях современной экономики усиливается концентрация развития в отдельных «полосах роста» (например, в Москве и Санкт-Петербурге), что без компенсирующих мер может приводить к дальнейшему углублению регионального неравенства. В-третьих, стратегические документы последнего десятилетия (в частности, Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г.) непосредственно были нацелены на решение задач территориального развития и потому нуждаются в научной оценке на предмет их достаточности и результативности.

Цель данной статьи – проанализировать эволюцию и результаты политики оптимизации внутрирегионального пространства России, выявить проблемы, связанные с асимметричным характером российского федерализма, и определить, насколько успешно решаются задачи пространственного развития. Для достижения этой цели последовательно рассмотрены: а) теоретические основы и взгляды исследователей на асимметричный федерализм и региональное развитие; б) основные этапы и инструменты государственной региональной политики в РФ; в) текущие проблемы и достижения в выравнивании внутрирегионального развития. Структурно статья включает введение, описывающее актуальность проблемы, обзор литературы в разделе «Обсуждение», анализ эмпирических и нормативных материалов в разделе «Результаты» и заключение с выводами по теме исследования.

Материалы и методы

Исследование опирается на широкий круг материалов: нормативно-правовые акты, статистические данные и научные публикации. В первую очередь проанализированы базовые документы, определившие конфигурацию российского федерализма, – Конституция РФ 1993 г. и Федеративный договор 1992 г. Конституция провозгласила равноправие субъектов Федерации, но в реальности на протяжении 1990-х годов действовали многочисленные особые соглашения центра с регионами, изменявшие эту модель³. Поэтому для понимания истоков асимметрии были привлечены материалы о заключении и содержании двусторонних договоров федерального

³ Конституция Российской Федерации. 2025. URL: <https://constrf.ru/> (дата обращения: 24.11.2025).

центра с отдельными республиками РФ в 1990-е г. Кроме того, рассмотрены стратегические документы новейшего времени – Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утвержденная в 2019 г.), которая формировала современную политику в сфере регионального развития до 2024 г., и Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г.). Анализ положений этих Стратегий и сопоставление их с экспертными комментариями позволили оценить текущие приоритеты государства и выявить возможные ограничения в реализации поставленных целей.

Для эмпирической иллюстрации использовались данные Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат) по социально-экономическим показателям регионов. В частности, сопоставлены показатели валового регионального продукта (ВРП) на душу населения по субъектам РФ, уровень дотационности региональных бюджетов, динамика численности населения регионов (миграционный отток/приток) и другие параметры, характеризующие пространственное развитие. Статистические сведения систематизированы и представлены в виде таблиц для наглядного отображения сохраняющейся дифференциации (см. табл. 1 в разделе «Результаты»).

В части научной литературы основными источниками стали работы отечественных политологов и экономистов, исследующих федерализм и региональную политику – А.В. Федякина, Н.В. Зубаревич, В.Н. Лексина, А.Н. Швецова, Е.Е. Кочеткова и др., – а также труды зарубежных авторов по проблемам асимметричного федерализма (J. Martinez-Vazquez, H. Hale, D. Treisman и др.), в которых подробно раскрыты генезис и трансформация российского федерализма в 1990–2000-е гг. и оценены современные модели территориального устройства РФ. Эти публикации послужили базой для формулирования гипотез о причинах и механизмах асимметрии в российской федеративной системе.

Методологически исследование опирается на сочетание нескольких подходов: историко-генетического, институционального и сравнительного. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию федеративных отношений и региональной политики РФ во времени – от становления новой государственной системы в начале 1990-х гг. до наших дней – и связать ее этапы с политическими решениями (например, реформами 2000-х гг.) и экономическими процессами. Институциональный анализ применялся для рассмотрения формальных институтов (федеральные

округа, распределение предметов ведения, механизмы межбюджетного регулирования) и неформальных практик (неофициальные договоренности центра с отдельными главами регионов) как инструментов реализации политики на местах. Сравнительный подход проявился во внутреннем сравнении регионов между собой – группировка субъектов по типам (доноры и реципиенты бюджета, быстрорастущие и депрессивные территории, моноэтнические республики и многонациональные области и т. д.) для выявления связи между их статусом, ресурсами и степенью эффективности в развитии.

Таким образом, исследование носит междисциплинарный характер, сочетая политологический анализ федеративных отношений с экономико-географическим анализом пространственного развития. Надежность выводов обеспечивается опорой на официальные данные, а также критическим сопоставлением различных точек зрения. Ограничения исследования связаны главным образом с неполнотой доступных данных о неформальных аспектах федеральной политики (например, о закулисных механизмах распределения ресурсов между регионами) и сложностью измерения некоторых качественных характеристик (уровня «асимметричности» отношений и т. п.). Тем не менее комплексный подход позволяет получить целостное представление о проблематике оптимизации внутрирегионального пространства в России.

Обсуждение

Проблемы асимметричного федерализма и пространственного (регионального) развития находились в центре внимания исследователей с момента формирования новой российской государственности. В научной литературе сложились два взаимосвязанных направления: первое – анализ собственно федеративных отношений, их эволюции и правовых основ; второе – изучение социально-экономической дифференциации регионов и политики регионального развития. В данном разделе рассматриваются ключевые работы и позиции авторов по обоим направлениям, что позволяет определить интеллектуальный контекст для интерпретации полученных результатов.

Асимметричный федерализм: генезис и адаптация. Понятие асимметричного федерализма применительно к России отражает ситуацию, когда разные субъекты Федерации обладают разным объемом прав и полномочий. Зарубежные исследователи отмечали, что в 1990-е гг. такая модель во многом носила вынужденный

характер: она рассматривалась как «лекарство» от возможного распада страны [Treisman 1999]. Так, J. Martinez-Vazquez в своей работе “Asymmetric federalism in Russia: cure or poison?” [Martinez-Vazquez 2003] указывает на то, что дифференцированный подход центра к регионам на раннем этапе действительно способствовал удержанию федерации от дезинтеграции, но в долгосрочной перспективе породил новые риски и дисбалансы. По сути, «раннее лекарство обернулось ядом» – излишняя фрагментация правового поля ослабляла управляемость государством. Сходной точки зрения придерживается и индийский исследователь R. Srivastava, отмечая, что многие ученые считают: асимметричный федерализм предотвратил гражданский конфликт и распад России в начале 1990-х, но позже стал источником институциональных противоречий [Srivastava, 2023]. Эти оценки подчеркивают двойственный характер явления: как необходимого компромисса и одновременно фактора риска.

Отечественные политологи с начала 2000-х гг. активно анализировали природу и последствия российской федеративной асимметрии. Серия работ по данной тематике была опубликована Е.Е. Кочетковым. В своей работе автор проанализировал предпосылки к тому, чтобы Федеративный договор 1992 г. заложил основы асимметричного федерализма в России [Кочетков 2011]. Договор, заключенный между федеральным центром и субъектами, предоставил республикам широкий спектр прав (включая собственные конституции, государственные языки и т. д.) и тем самым фактически ввел разнокачественный статус регионов. В другой своей работе автор рассмотрел феномен симметрии и асимметрии федеративного государства как отражение территориально-политической и правовой дифференциации [Кочетков 2013]. В многонациональных странах, к которым относится Россия, определенная степень асимметрии неизбежна и проистекает из различий историко-правовых условий вхождения регионов в состав государства, уровня их экономического развития, этнокультурных особенностей. Однако чрезмерная асимметрия чревата конфликтами и дисфункциями в управлении.

Отдельное внимание направлено на проблему адаптации асимметричного федерализма к современным условиям. После 2000 г., с приходом новой федеральной власти, начался процесс преобразования федеративных отношений, который можно рассматривать как попытку адаптации ранее сложившейся асимметрии [Кочетков 2014]. Российская федеративная система столкнулась с необходимостью реагировать на изменившуюся политико-экономическую конъюнктуру: укрепление «вертикали власти», перерас-

пределение доходов от экспортных ресурсов, рост межбюджетных трансфертов. В этих условиях центр-региональные отношения требовали особых механизмов, чтобы смягчить возникающие противоречия. Отмечается, что адаптация проходила неравномерно: некоторые элементы асимметрии были устранены (например, денонсация двусторонних соглашений Москвы с регионами), но сохранялись значимые различия – прежде всего в экономическом положении субъектов и в неформальном влиянии региональных лидеров. В целом исследования последних десятилетий подтверждают тот факт, что современный российский федерализм трансформировался в адаптированную асимметричную модель, где формально все субъекты уравниваются, но де-факто сохраняются значимые различия и требуется постоянная корректировка механизмов взаимоотношений.

Эти идеи развиваются и в более поздних публикациях. Так, был представлен адаптированный асимметричный федерализм как комплексный объект исследования, соединив политологический и правовой анализ [Кочетков 2018а], где сделан акцент, что российский опыт сочетает элементы симметрии (единое конституционное пространство) и неизжитые элементы асимметрии (особый статус ряда национальных республик, различия в налоговых режимах, персонализированные договоренности центра с некоторыми регионами). Кроме того, были рассмотрены и возможные пути реформ федеративного устройства – «модели оптимизации территориально-политического устройства». Еще в 2009 г. был проведен обзор дискуссий о том, каким образом можно структурно переустроить федерацию для повышения ее эффективности [Федякин, Кочетков 2009]. Позднее были предложены конкретные меры оптимизации – в частности, укрупнение административно-территориальных единиц, разграничение полномочий между уровнями власти на рациональной основе и т. д. [Кочетков 2018б].

Таким образом, отечественные исследования не только фиксируют проблемы асимметрии, но и предлагают подходы к их решению.

В последние десятилетия появилось достаточно много работ по изучению федерализма и региональной политики, внесших вклад в исследование эволюции научных взглядов на региональный уровень политики России, прослеживая концептуальные истоки обсуждения федерализма еще в дореволюционной и советской науке [Федякин 2005].

В.Н. Лексин и А.Н. Швецов в своих работах анализировали проблемы разграничения власти между центром и регионами, обосновывая необходимость четких «правил игры», исключающих

произвольное перераспределение полномочий. Они указывали, что устойчивость федерации зависит от прозрачности и предсказуемости отношений центра и субъектов, тогда как избыточная гибкость 1990-х гг. приводила к конфликтам и конкурентному лоббизму региональных элит.

Н.В. Зубаревич сосредоточилась на социально-экономическом измерении асимметрии, показывая, как усилилось неравенство регионов в 2000-е гг.: по ее оценкам, основная часть прироста ВРП концентрировалась в нескольких сырьевых и столичных регионах, тогда как многие периферийные субъекты стагнировали [Зубаревич 2014]. Она критиковала практику «точечной» поддержки отдельных территорий и отсутствие системной политики выравнивания жизненных условий в стране.

Важно отметить и работы, посвященные сопоставлению российского федерализма с зарубежным опытом. Теоретики федерализма (например, Р. Уоттс, А. Степан) выделяли Россию как пример «мультиэтнической асимметричной федерации», схожей в некоторых аспектах с Индией, где штаты отличаются по статусу, или с Испанией, практикующей асимметричную децентрализацию [Watts 1999]. Однако в отличие от указанных стран российская модель 1990 – начала 2000-х гг. характеризовалась более высокой степенью неформальности: многие особенности взаимоотношений центра и регионов основывались не столько на конституционных положениях, сколько на политических договоренностях. Н. Hale в сравнительном анализе СССР и России показал, что в постсоветской России федеральный центр сумел сохранить контроль над ключевыми ресурсами (нефть, газ, финансовые потоки), что сдерживало распад, тогда как в СССР республиканские элиты обладали большей институциональной автономией, что в итоге привело к дезинтеграции. Hale вводит понятие «патронально-сетевой федерализм» для описания ситуации, когда центр удерживает регионы через сеть патронажа и распределения благ, а не через формальные институты [Hale 2004] – это во многом совпадает с практиками России 2000-х гг.

К середине 2010-х гг. в литературе все чаще звучал вопрос: удалось ли России уйти от асимметричного федерализма или он принял новые формы? Например, Г.Р. Шайхутдинова в монографии «Современный российский федерализм» отметила переломный момент – отказ от продления особого договора с Республикой Татарстан в 2017 г. – как событие, существенно изменившее характер федерации [Shaikhutdinova 2020]. По ее словам, после июля 2017 г. формальных основ для асимметрии не осталось, и де-юре Россия превратилась в весьма централизованное государство.

Г.Р. Шайхутдинова описывает эволюцию от «асимметрично-договорной» модели 1990-х гг. к фактически унитарной модели 2010-х. Однако ряд других исследователей подчеркивают, что де-факто асимметрия не исчезла: она проявляется в особых условиях для некоторых регионов (например, непропорционально больших федеральных трансфертах и политической автономии для Чеченской Республики) и в сохраняющемся перекосе развития (экономическом, инфраструктурном) между центром и периферией страны. Иными словами, федерализм стал более унифицированным юридически, но проблемы, которые он призван решать (сглаживание различий, удовлетворение запросов регионов), полностью не устранены, они трансформировались в плоскость пространственной экономики и неформальной политики.

Региональное развитие и пространственная политика. Параллельно с дискуссиями о федерализме развивалось направление исследований, посвященное региональной экономике и политике выравнивания развития территорий. Здесь базовыми являются работы экономико-географов и регионалистов, анализирующих распределение производительных сил, инфраструктуры и человеческого капитала по пространству России. Еще в 1990-е гг. учеными было зафиксировано явление «поляризованного развития»: наиболее мощные экономические центры (Москва, Санкт-Петербург, нефтегазодобывающие регионы Западной Сибири) ушли далеко вперед, в то время как многие сельскохозяйственные и индустриальные области центральной России, а также часть республик Северного Кавказа оказались в тяжелейшем кризисе. Н.В. Зубаревич образно разделила страну на «четыре России» – несколько мегаполисов, успешные сырьевые регионы, индустриальную периферию и депрессивную сельскую глубинку – между которыми растет разрыв по уровню доходов населения, инвестициям, качеству жизни [Zubarevich 2012]. Такая картина потребовала переосмысления государственной региональной политики.

В 2000-е годы основным инструментом выравнивания стали финансовые механизмы: дотации и субсидии из федерального бюджета менее обеспеченным субъектам. Исследователи отмечали, что объем межбюджетных трансфертов существенно вырос, и к концу 2000-х более половины регионов страны зависели от федеральных вливаний свыше чем на 40% своих бюджетов. Это позволило смягчить самые острые проявления бедности в регионах, но не создало стимулов для их самостоятельного развития. Многие экономисты критиковали подобный подход как «уровнительный», снижающий мотивацию региональных властей к наращиванию собственной налоговой базы. Кроме того, распределение помощи носило во

многим политизированный характер: как показывали данные, некоторые регионы получали трансферты, не пропорциональные объективным показателям бедности, а исходя из лоббистских возможностей или стратегической важности для центра.

Начиная с 2010-х гг. в рамках научных обсуждений набирает популярность концепция пространственной стратегии – долгосрочного планирования развития территории страны. Здесь на первое место выходит вопрос о так называемом «опорном каркасе» расселения и экономики – сети опорных городов и транспортных коридоров, вокруг которых должно концентрироваться развитие. В 2019 г. правительство России утвердило Стратегию пространственного развития РФ до 2025 г., и эксперты активно включились в анализ этого документа. Так, коллектив авторов под руководством В.Е. Селиверстова из Сибирского отделения РАН сравнил проектные версии Стратегии и окончательный вариант, отметив серьезное смещение приоритетов: из первоначально прогрессивной концепции, содержавшей честный анализ вызовов и продуманные сценарии развития, в итоговом тексте остались лишь самые общие места [Seliverstov et al., 2019]. Ученые указывают на ряд концептуальных дефектов Стратегии – игнорирование новых трендов (например, цифровизации экономики, изменений климата), упор на развитие крупных городских агломераций при недостаточном внимании к проблемам малых городов и села, недостаточное учитывание задач экологии и человеческого капитала.

Н.В. Зубаревич также отмечает спорные моменты: ставка на поддержку десяти крупнейших агломераций (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.) может привести к дальнейшему оттоку населения из средних и малых городов, усиливая диспропорции. Таким образом, хотя появление общенациональной Spatial Development Strategy само по себе приветствуется экспертами, содержание этого документа подвергается обоснованной критике за недостаточную проработанность механизмов обеспечения социальной справедливости и сбалансированности развития [Zubarevich 2012].

Другим аспектом региональной политики, обсуждаемым в литературе, является практика укрупнения регионов. В 2005–2008 гг. в России была проведена серия реорганизаций субъектов: шесть малых автономных округов были объединены с соседними краями и областями (например, Коми-Пермяцкий округ – с Пермской областью, Эвенкийский и Таймырский округа – с Красноярским краем). Это рассматривалось как шаг к оптимизации управляемости и снижению издержек асимметрии (автономные округа обладали специальным статусом внутри областей). Анализ этих процессов

показал, что укрупнение действительно упрощает административную структуру, но не гарантирует экономического эффекта: многие присоединенные территории по-прежнему отстают по развитию, просто их проблемы стали менее заметны на общем фоне укрупненного региона. Тем не менее прецедент укрупнения важен политически – он продемонстрировал возможность пересмотра внутреннего деления России, что теоретически открывает путь для дальнейшей оптимизации, например, слияния слабых регионов с более сильными. Однако после 2008 г. процесс приостановился, видимо, из-за опасений дестабилизации и сопротивления региональных элит.

Подводя итог обзору литературы, следует отметить, что консенсусным является мнение о необходимости баланса между единством и разнообразием в российской федерации. Асимметрия федерализма признается в определенной степени неизбежной (учитывая масштабы и многообразие страны), но она должна быть управляемой и прозрачной. Необходимы институциональные механизмы, снижающие риски конфликта между центром и регионами и обеспечивающие всем субъектам приемлемый уровень развития. Пространственная (региональная) политика рассматривается как ключевой инструмент для сглаживания неравенства: помимо финансовой поддержки, акцент делается на стимулировании собственной экономической активности регионов, развитии инфраструктуры, создании точек роста в депрессивных территориях. Научные дискуссии смещаются от вопроса «нужен ли особый статус регионам» к вопросу «как добиться равных возможностей развития для разных регионов». Далее, в разделе «Результаты», мы рассмотрим, как эти идеи реализуются на практике и каких успехов и проблем удалось достичь к настоящему времени.

Результаты

История российской региональной политики за последние три десятилетия демонстрирует чередование периодов децентрализации и централизации, что напрямую связано с попытками государства решить проблемы асимметричного федерализма и обеспечить равномерное развитие территории страны. Ниже представлены основные этапы и меры, характеризующие эту эволюцию, а также анализ их результатов с точки зрения оптимизации внутрирегионального пространства.

1. 1990-е гг.: становление асимметричного федерализма и первые попытки выравнивания. После распада СССР новая Российская Федерация унаследовала значительную дифференциацию

субъектов по статусу: в ее состав вошли национальные республики, края, области, города федерального значения, автономные округа. Федеративный договор 1992 г., разделенный на три части (для республик, краев/областей и автономий), закрепил особые права национальных республик. Им гарантировалось собственное гражданство (в дополнение к общероссийскому), право устанавливать государственные языки, приоритет республиканских законов в случае противоречия с федеральными (в рамках предметов совместного ведения). Многие крупные республики (Татарстан, Саха (Якутия), Башкортостан) заключили с Москвой отдельные двусторонние соглашения, расширявшие их автономию – вплоть до особых условий по налогам и управлению природными ресурсами. В то же время другие субъекты (обычные области) таких привилегий не получили. Это породило ситуацию, которую Д. Трейзман назвал «договорами как наградами»: регионы, способные торговаться с центром, добились преимуществ, в то время как более слабые остались в общем режиме [Treisman 1999].

Социально-экономическая политика 1990-х гг. носила скорее реактивный характер – федеральный центр, испытывая сам глубокий кризис, не имел возможности реализовать масштабную стратегию выравнивания. Основным механизмом поддержки регионов были трансферты из федерального бюджета и фонды финансовой поддержки, созданные к концу десятилетия. Однако объемы их были невелики, и они не предотвращали рост диспропорций. В этот период усилилось разграничение регионов на «доноров» (которые перечисляли в федеральный бюджет больше, чем получали обратно) и «реципиентов». Доноров было немного (не более 8–10 регионов, включая города федерального значения и нефтегазовые округа). Уже к 1997 г. совокупно 80% всех поступлений в федеральный бюджет обеспечивали 8 субъектов РФ⁴. Это свидетельствовало о концентрации экономической активности, тогда как большинство территорий оказались зависимыми от перераспределения. Тем не менее политическая фрагментация того периода мешала осуществлять целенаправленную оптимизацию внутрирегионального пространства – каждый регион во многом «выживал» самостоятельно.

2. Начало 2000-х гг.: централизация и формальное сокращение асимметрии. В 2000 г. курс региональной политики кардинально

⁴ Число регионов-доноров за 10 лет сократилось почти вдвое // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/events/news/chislo-regionov-donorov-za-10-let-sokratilos-pochti-vdvoe--28984/> (дата обращения: 24.11.2025).

поменялся. Новый федеральный центр взял курс на укрепление вертикали власти и устранение произвольных автономий. Были созданы федеральные округа – надрегиональные структуры, объединившие субъекты (7, а затем 8 округов) под кураторством полномочных представителей президента. Эта мера была направлена на усиление контроля Москвы над губернаторами. В 2004 г. произошла отмена прямых выборов глав регионов – вместо этого их стал назначать (фактически рекомендовать законодательным собраниям) президент. Одновременно в 2001–2003 гг. был проведен пересмотр двусторонних договоров: ряд соглашений с регионами (особенно противоречивших федеральным законам) отменили, другие не продлили по истечении срока. Кульминацией стал 2007 год, когда истек срок действия договора с Татарстаном – самого статусного из региональных соглашений. Хотя Татарстан пытался пролонгировать договор на новых условиях, центр отказался; в результате с 2007 г. эта республика перешла на общие основания федеративных отношений.

По оценке экспертов, к концу 2000-х гг. правовая база асимметричного федерализма была во многом демонтирована [Лексин, Швецов 2024]: конституционные нормы о равенстве субъектов стали подкрепляться единообразием законодательства по всей стране (региональные конституции и уставы были приведены в соответствие с федеральной Конституцией, противоречащие положения устранены).

Стоит отметить и уже упомянутое укрупнение субъектов: в 2005–2008 гг. число регионов сократилось с 89 до 83 (впоследствии, с присоединением Крыма, стало 85). Это сократило число внутренних границ и особых статусных единиц (например, автономных округов осталось только 4, причем все они административно «встроены» в состав иных областей/краев). С точки зрения оптимизации управляемости шаг был позитивно воспринят: уменьшилось дублирование функций, расширились экономические пространства регионов. Следует учитывать, что укрупнение затронуло преимущественно слабые северные территории с малым населением, и макроэффекта на общероссийское развитие не оказало.

В финансово-экономическом плане 2000-е гг. стали периодом роста федерального влияния. Резко возросли цены на нефть, наполнив бюджет, и центр воспользовался этим, чтобы инициировать национальные проекты и программы развития регионов. Отдельные территории получали целевые субсидии на реализацию приоритетных национальных проектов (здравоохранение, образование, жилье). Однако распределение этих ресурсов не всегда учитывало

степень отсталости региона; часто больше средств получали более развитые субъекты, способные предложить софинансирование и освоить бюджеты. Тем не менее в целом по стране наблюдался экономический подъем, и беднейшие регионы тоже выиграли в абсолютных показателях. Индекс фондов потребления (соотношение доходов 10% наиболее и наименее обеспеченных регионов) в эти годы несколько сократился.

К концу 2000-х гг. российская модель федерализма приобрела относительно симметричный характер в юридическом измерении: более не осталось субъектов с эксклюзивными договорными отношениями. Все регионы перешли на единый режим, определяемый Конституцией и федеральными законами. Вместе с тем фактическая централизация привела к тому, что федеративные начала заметно ослабли – политологи заговорили о «унитарном тренде» или даже о формировании де-факто унитарного государства в оболочке федерации [Фадеичева 2011]. Именно в этот период встал вопрос о том, как далее развивать территорию страны: будет ли центр опираться лишь на командно-административные методы или выработает стратегию партнерства с регионами.

3. 2010-е гг.: разработка стратегий и новые вызовы. В новом десятилетии федеральная власть признала необходимость системного подхода к региональному развитию. Были приняты долгосрочные документы – Государственная стратегия региональной политики до 2020 г. (2013 г.) и Стратегия пространственного развития до 2025 г. (2019 г.). Их цель – сформулировать приоритеты и инструменты сокращения межрегиональных диспропорций. Ключевыми тезисами Стратегии 2019 г. стали: поддержка опорных центров экономического роста (120 приоритетных городских агломераций), развитие десяти крупных макрорегионов, диверсификация экономики восточных территорий, повышение транспортной связности, выравнивание качества жизни (доступ к базовым услугам независимо от места проживания). Предусматривалось, что к 2024 г. разница в уровне социально-экономического развития между регионами снизится, а к 2030 г. все субъекты достигнут определенных минимальных стандартов по ключевым индикаторам.

На практике реализация этих стратегических целей столкнулась с рядом трудностей. Во-первых, резкое замедление экономического роста в стране после 2014 г. (вследствие падения цен на нефть и санкций) ограничило ресурсы, доступные для региональной поддержки. Многие программы, намеченные в стратегии, не получили полноценного финансирования. Во-вторых, централизация бюджетно-налоговой системы привела к тому, что у регионов мало соб-

ственных стимулов развивать экономику: дополнительные доходы изымаются в центр через настройку налогового регулирования. В результате богатые регионы не заинтересованы сильно наращивать базу (с них больше заберут), а бедные – не могут, даже если захотят, из-за отсутствия инвестиций. В-третьих, демографические процессы усугубляют дисбалансы: продолжается миграционный отток населения из многих дальневосточных, сибирских, северных регионов в Центральную Россию. Это подрывает потенциал развития тех территорий, которые призваны быть форпостами роста (например, Дальний Восток, для которого созданы как нацпроекты, так и льготы).

Тем не менее некоторые позитивные сдвиги в пространственной политике произошли. Во-первых, были созданы особые территории опережающего развития (ТОР) – режимы на Дальнем Востоке и затем в моногородах, предоставляющие налоговые льготы и упрощенное администрирование для инвесторов. Во-вторых, реализуется крупный инфраструктурный проект – модернизация Транссиба и БАМа, строительство новых автомобильных магистралей (например, трассы «Таврида» в Крыму, Центральной кольцевой автодороги вокруг Москвы и др.), что улучшает связность и открывает удаленные регионы для рынков. В-третьих, отмечается усиление межрегионального сотрудничества: по инициативе центра запущены программы типа «сотрудничество регионов» (например, соглашения между богатым и бедным регионом об обмене опытом, шефстве над проектами). Однако степень влияния этих мер на общую картину неравенства пока ограниченная.

Чтобы оценить текущую ситуацию с точки зрения оптимизации внутрирегионального пространства, рассмотрим некоторые данные более подробно. Таблица 1 ниже демонстрирует разницу в уровне экономического развития (ВРП на душу населения) для выборки наиболее и наименее развитых регионов России (по усредненным данным до 2020 г.):

Данные таблицы подтверждают наличие крайних полюсов в экономическом пространстве России. Нефте- и газодобывающие регионы Арктики и Западной Сибири (Ненецкий, Ямало-Ненецкий округа) имеют колоссальный объем ВРП на душу населения за счет добычи ресурсов при малой численности населения. С другой стороны, аграрные и преимущественно дотационные республики Северного Кавказа (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Чечня, Ингушетия) демонстрируют самые низкие показатели, в десятки раз уступая лидерам. Несмотря на многолетние программы помощи, эти регионы остаются внизу рейтингов по доходам, уровню промышленного производства и инвестициям.

Таблица 1

Примеры регионов РФ
с самым высоким и самым низким ВРП на душу населения
(средняя выборка за последнее десятилетие)⁵

Топ-5 регионов (наивысший ВРП/душа)	ВРП на душу, тыс. руб.	Боттом-5 регионов (низший ВРП/душа)	ВРП на душу, тыс. руб.
Ненецкий автономный округ	6950,4	Карачаево- Черкесская Республика	165,4
Ямало-Ненецкий автономный округ	5710,1	Кабардино- Балкарская Республика	168,2
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	2680, 1	Чеченская Республика	133,4
Сахалинская область	2407,9	Республика Ингушетия	112,6
Чукотский автономный округ	1578,5	<i>(Примечание: в числе последних также находятся Республика Тыва (~213), Республика Дагестан (~203) и др.)</i>	<i>(для сравнения: среднее по РФ ~510)</i>

Важно отметить, что высокая величина ВРП не всегда означает высокое качество жизни: в автономных округах значительная часть прибыли уходит в федеральный центр или за рубеж акционерным компаниям, а население небольшое. Тем не менее показатели отражают дисбаланс экономической базы регионов. Задача оптимизации – не столько уравнивать их абсолютно (что утопично), сколько обеспечить приемлемый минимум развития и возможностей повсеместно. Согласно официальным критериям, ключевым ориентиром является сокращение разрыва между группой лидеров и аутсайдеров. Однако эксперты отмечают, что за последние 15 лет

⁵ Данные по: Валовой региональный продукт на душу населения. Россия. В целом по стране // Statbase. URL: <https://statbase.ru/data/rus-gross-domestic-product-by-region-per-capita-national-stat/> (дата обращения: 24.11.2025).

существенного уменьшения этого разрыва не произошло: богатые регионы продолжили расти, бедные – выживали при поддержке бюджета, и в относительном выражении разница даже увеличилась.

Оценка эффективности политики. Государственная политика по оптимизации внутрирегионального пространства дала смешанные результаты. Положительным следует считать укрепление единого правового поля и управляемости: сегодня федеральный центр обладает достаточными рычагами контроля над региональными процессами, что предотвращает произвольные сепаратистские демарши, характерные для ранних 1990-х. Асимметрия федерализма в политико-правовом измерении существенно сократилась – все субъекты равны перед Конституцией, Федеральным собранием и правительством, имеют одинаковый набор полномочий (за исключением особого статуса двух столиц и новых регионов типа Севастополя, однако эти отличия невелики). Институт полпредов и регулярное взаимодействие губернаторов с федеральным центром (через Госсовет, президиум правительства и т. п.) способствуют более согласованной региональной политике. Можно сказать, что к концу 2010-х гг. РФ превратилась из фактически конфедеративного образования начала 90-х в достаточно унифицированную федерацию.

В то же время экономическое и социальное пространство страны остается неоднородным, и инструменты государства не всегда успешно справляются с этой неоднородностью. Стратегия 2019 г. в значительной мере осталась на бумаге: по оценке Счетной палаты РФ, целевые показатели по уменьшению межрегионального разрыва к 2020 г. выполнены не были. Пространственное развитие идет стихийно: частный бизнес инвестирует преимущественно в те регионы, где выше прибыль (т. е. в развитые), а госинвестиции распределяются исходя из политических или оборонных приоритетов. Крупные федеральные вложения, например, пошли на проекты в Москве (реконструкция столичной инфраструктуры к чемпионату мира, программы реновации жилья), в Крым (строительство Крымского моста и трассы), на Дальний Восток (создание ТОРов и субсидирование ТОР-резидентов). Эти проекты важны, но они точечные и не покрывают всей территории.

Эксперты высказывают опасения, что концепция поддержки агломераций, заложенная в Стратегию, может усилить отток ресурсов из периферии. Если все лучшее (финансы, кадры) концентрировать в «точках роста», то вокруг них могут образовываться зоны упадка – феномен, известный по латиноамериканским странам (роскошные анклав среди бедности). Чтобы этого избежать, нужна комплексная политика развития сельских районов, малых городов, что пока реализуется слабо.

Еще один момент – неформальные аспекты асимметрии. Хотя формально особых статусов у регионов теперь нет, некоторые регионы де-факто пользуются исключениями. Яркий пример – Чеченская Республика, получающая самые большие дотации на душу населения и обладающая негласно более широкой свободой во внутренних делах (силовые структуры, соблюдение федеральных норм) по сравнению с другими субъектами. Это своего рода «скрытая асимметрия», основанная на политических договоренностях между центром и региональным руководством. Аналогично Москва имеет непропорционально большое влияние на федеральную политику и экономику, существенно превосходя другие субъекты по ресурсам (бюджет Москвы превышает бюджеты многих федеральных министерств). Таким образом, оптимизация пространства упирается не только на формальные институты, но и в политико-экономическую конъюнктуру.

В последние годы обозначились новые факторы, влияющие на территориальное развитие: пандемия COVID-19 (она по-разному затронула регионы, отразившись на местных экономиках и системах здравоохранения) и текущая внешнеполитическая напряженность в Европе (которая может менять приоритеты инвестиций, логистические связи – например переориентация торговли на восток актуализирует инфраструктуру в Сибири и на Дальнем Востоке). Эти вызовы подняли вопрос об обновлении Стратегии пространственного развития, о корректировке целей и перераспределение ресурсов в пользу уязвимых регионов.

Новая Стратегия пространственного развития РФ до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., принятая распоряжением правительства № 4146-р от 28.12.2024 г.⁶, прямо поставила задачу «оптимизации пространственной организации страны», что трактуется не как «выравнивание любой ценой», а как структурная перепланировка внутри самих субъектов с опорой на центры роста, каркасную инфраструктуру и селективную поддержку периферии. Применительно к решению проблемы оптимизации внутрирегионального пространства с учетом асимметрии федеративных отношений в этом документе закрепляется курс на «сбалансированное

⁶ Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.html (дата обращения: 24.11.2025).

и полицентрическое развитие», при этом сохраняет ключевые принципы версии 2019 г. – приоритизацию опорных макрорегионов и сценарий «точек роста», но при этом акцентируются такие задачи, как:

- включение Арктики и «новых территорий» (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области) в единую рамку;
- перевод части инструментов (инфраструктурные бюджетные кредиты, субсидии, спецрежимы) в режим проектного управления;
- ежегодная отчетность федеральных органов перед Минэкономразвития о достижении целевых индикаторов.

В тексте Стратегии констатируется, что меж- и внутрирегиональные диспропорции особенно увеличились в период между 2017 и 2022 гг., в частности разрыв по ВРП на душу населения увеличился с 3,7 до 4,2 раз, а по инвестициям – с 4,1 до 4,7 раз. При этом в 74 регионах фиксируется снижение внутрирегионального неравенства по доходам, но общероссийский коэффициент Джини почти не меняется – т. е. «ядро» регионов тянет вперед, а периферия не успевает. Такая асимметрия затрагивает не только разные субъекты, но и «город-село», «агломерация-окрестности» внутри каждого субъекта федерации.

Стратегия ставит целью «формирование сбалансированной территориальной организации экономики», а среди основных принципов выделяет:

- 1) дифференцированный подход – помощь слабым территориям при снятии барьеров для сильных;
- 2) рост самостоятельности территорий за счет сбалансированной межбюджетной политики – попытка смягчить вертикальный финансовый дисбаланс, лежащий в основе асимметричного федерализма;
- 3) оптимизация административно-муниципального устройства для более рационального расходования бюджетов, сохраняя доступность услуг.

Среди предлагаемых мер оптимизации территории РФ можно выделить следующие (см. табл. 2):

В процессе выравнивания асимметрии при реализации Стратегии следует также учитывать потенциальные сложности, такие как необходимость преодоления вертикального фискального разрыва, различия правовых режимов, взаимоотношения внутри самих сложносоставных регионов, что требует учета возможных долгосрочных эффектов от политика оптимизации внутрирегионального пространства в рамках Стратегии.

Таблица 2

Ключевые механизмы
оптимизации внутрирегионального пространства,
заложенные в Стратегии пространственного развития РФ
до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.

<i>Механизм</i>	<i>Как работает</i>	<i>Потенциальный эффект для оптимизации</i>
Финансовое «точечное» выравнивание	Целевые субсидии и иные межбюджетные трансферты субъектам на со-финансирование инфраструктуры «с учетом приоритетов пространственного развития»	Возможность быстро закрывать инфраструктурные «провалы» внутри субъекта, но риск перераспределения в пользу уже сильных городов-агломераций
Кластеризация + полицентричность	Закрепление в стратегии сети опорных центров 2-го уровня (города 300–500 тыс.) и промышленных/логистических кластеров	Снижает миграционный дрейф к столицам, поддерживает «средние» города
Инфраструктурные бюджетные кредиты (ИБК)	Кредиты до 15 лет под низкий процент на региональные дороги, соц инфраструктуру	Позволяют субъекта-заемщику одновременно улучшать доступность периферии и не загружать текущий бюджет
Спецрежимы и налоговые льготы	ТОР/СПВ на Дальнем Востоке, Арктическая зона, СЭЗ в новых территориях	Усиливают асимметрию, но дают «локальные окна» роста для депрессивных муниципалитетов
Цифровая связность и сервисная модель	Обязательное покрытие 5G-магистралими ключевых внутренних маршрутов, супер-сервисы «ГосТерра» для МСП	Сглаживает транспортно-информационный разрыв «центр–периферия»

Таблица 3

Возможные эффекты
от реализации Стратегии пространственного развития РФ
до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.
в условиях асимметричного федерализма

<i>Проблема</i>	<i>Эффект стратегии</i>	<i>Оценка</i>
Высокий вертикальный фискальный разрыв (до 62% доходов субъекта – трансферты)	Сохраняет централизованное распределение, но вводит показатель «динамика НДФЛ на душу» для оценки эффекта трансфертов	Риск: зависимость регионов не снижается; плюс: появляется КРІ, привязывающий дотации к реальному росту
Разные правовые режимы (МО, СПб, Чукотка, новые территории)	Прямо закрепляет «дифференциацию мер» и возможность прямого федерального управления инфраструктурными проектами на территориях особого статуса	Укрепляет «много-скоростную» модель; стимулирует точечный рост, но грозит углубить разрыв «обычных» областей
Управление внутри регионов	Ставка на агломерационные транспортные каркасы и поддержку малых городов (≤ 100 тыс.) через пилот «Сильные муниципалитеты»	Потенциально выравнивает доступ к услугам, если финансирование дойдет до муниципалитетов

Вопрос о том, насколько данная стратегия способна оптимизировать внутрисубъектное пространство, остается открытым. В таком подходе есть плюсы и минусы. Позитивный посыл состоит в том, что полицентричная модель формально закреплена и ставка делается не только на мегаполисы, но и на средние города-ядра, пакет финансовых инструментов (инфраструктура бюджетных кредитов (ИБК) + субсидии) позволяет точно устранять внутренние «узкие места» – дороги, коммунальная инфраструктура, а включение КРІ для оценки результативности трансфертов создает мотивацию к реальному росту, а не к «освоению средств». Нельзя не отметить и то, что фокус на «точках роста» может усилить микро-диспропорции, поскольку ресурсы стягиваются в агломерации, периферийные районы субъекта рискуют остаться без кадров и налоговой базы, централизация управленческих решений в стратегии

закрепляет доминирующую роль федерации (план мероприятий, контроль, прямое финансирование) без реальной фискальной автономии муниципалитетов, при этом ассиметричные режимы усиливают «конкуренцию за льготы» между регионами, но системного механизма их дальнейшей интеграции стратегия не предлагает.

В то же время человеческий капитал: меры по притоку квалифицированных кадров в малые города и сельские территории сформулированы декларативно; без реформы рынка труда и образования диспропорции сохраняются.

В целом очевидно, что новая стратегия делает шаг к оптимизации внутрирегионального пространства, но по-прежнему опирается на логику селективного роста и централизованного перераспределения. Без усиления муниципальной фискальной самостоятельности и системных механизмов горизонтального выравнивания риски углубления асимметричного федерализма сохраняются.

В этой связи можно предложить такие общие меры оптимизации внутрирегионального пространства России, как расширение участия регионов в установлении спецрежимов, с переходом от «назначения» льгот федеральным центром к системе bottom-up заявок (инициативы снизу) от субъектов и муниципалитетов, реализацию сетевых проектов «средних» городов (300–500 тыс.) для стимулирования горизонтальных альянсов в инфраструктуре высоких скоростей (электрички-спутники, магистральные дороги), налаживание механизма «участия сообщества» в выборе приоритетов (цифровая платформа для отбора проектов), способного снизить риски неравномерного распределения средств внутри субъекта.

Таким образом, российское государство стремится институционально оптимизировать федеративное устройство, устранив наиболее острые правовые перекосы асимметрии и укрепив вертикаль управления. Однако задача оптимизации собственно развития регионов решена не до конца. Межрегиональные различия, как и 30 лет назад, остаются значительными, а механизмы их сглаживания пока недостаточно эффективны. Можно утверждать, что федерализм в России стал более «симметричным» юридически, но страна по-прежнему развивается асимметрично экономически.

Заключение

Анализ показал, что политика оптимизации внутрирегионального пространства России является сложным и многоплановым процессом, развивающимся в тесной связи с трансформацией федеративных отношений. В исторической ретроспективе российский федерализм

прошел путь от крайне асимметричной и децентрализованной модели 1990-х гг. к более унифицированной и централизованной модели 2010-х гг. Эта эволюция во многом диктовалась стремлением федерального центра укрепить управление и национальную целостность, устранив потенциальные угрозы распада. Современная Россия подошла к рубежу 2020-х с фактически новой конфигурацией: формальное равенство субъектов закреплено, однако существенные различия между ними никуда не исчезли, а приобрели иные проявления – прежде всего в сфере экономики и качества жизни.

Основные выводы исследования можно сформулировать следующим образом:

1. Историческое наследие асимметричного федерализма преодолено не полностью. Несмотря на отмену особых договоров и уравнивание юридического статуса регионов, асимметрия федерализма в России трансформировалась, но сохранилась в неявной форме. Она выражается в неформальных договоренностях и особенностях распределения ресурсов, которые дают отдельным регионам преимущества перед другими. Тем самым из поля конституционного права асимметрия переместилась в поле политико-административной практики.

2. Меры «оптимизации» федеративных отношений были необходимы и частично успешны. Создание федеральных округов, централизация власти и укрупнение регионов позволили снять остроту противоречий 1990-х гг. и заложить основу для единообразной государственной политики на всей территории страны. Без этих шагов устойчивое развитие государства было бы под угрозой – здесь можно согласиться с мнением, что асимметричный федерализм как «лекарство» выполнил свою функцию стабилизации, но затем потребовались «корректирующие таблетки» централизации. Однако эти меры имели и побочные эффекты: снизилась самостоятельность регионов, их инициатива, что в долгосрочной перспективе может тормозить развитие.

3. Пространственное развитие остается диспропорциональным. Данные по экономическим и социальным индикаторам свидетельствуют о сохраняющемся сильном неравенстве между регионами. Разрыв между лидерами и отстающими регионами по ВРП, бюджету, уровню бедности практически не сократился за последние десятилетия, а по некоторым параметрам вырос. Оптимизация внутрирегионального пространства как выравнивание условий жизни пока достигнута не была. Отчасти смягчены крайние проявления (нет регионов в состоянии коллапса, как это было в 1990-е гг., благодаря системе финансовой поддержки), но устойчивого сближения уровней развития не произошло.

4. Стратегические документы и планы пока не реализованы в полной мере. Принятая Стратегия пространственного развития РФ – шаг в правильном направлении, однако ее содержание и исполнение подвергаются критике. Она больше фиксирует проблемы, чем предлагает механизмы их решения. Реализация же во многом буксует из-за недостатка финансирования и четкого межведомственного взаимодействия. Для успешной оптимизации требуется не только декларация целей, но и создание действенных инструментов на местах.

Рекомендации и перспективы

На основе проведенного анализа можно предложить несколько направлений совершенствования политики. Во-первых, необходимо усиление дифференцированного подхода внутри самой выравнивающей политики – условно говоря, «асимметричная региональная политика» взамен асимметричного федерализма. Федеральному центру следует не одинаково ко всем применять одну мерку, а разрабатывать индивидуальные программы развития для разных типов регионов (для сырьевых – одни меры, для депрессивных индустриальных – другие, для аграрных – третьи и т. д.). Во-вторых, важно постепенно возвращать регионам мотивирующую автономию – например, через разрешение оставлять больший процент дополнительных доходов в своем бюджете (что стимулирует развитие экономики на местах). Такой управляемый элемент асимметрии – в сфере экономических стимулов – мог бы стать «адаптационным механизмом», позволяющим примирить разнообразие условий с единством правил. В-третьих, требуются инвестиции в инфраструктуру связности: без транспортной и цифровой инфраструктуры многие удаленные регионы обречены оставаться вне общих процессов. Это подразумевает продолжение проектов вроде расширения железных дорог, развития авиасообщения внутри страны, распространения высокоскоростного интернета в малых населенных пунктах.

Наконец, оптимизация внутрирегионального пространства – это не одноразовая кампания, а постоянный адаптивный процесс. Мир и страна меняются, возникают новые вызовы (например, попытки перехода к «зеленой» экономике или геополитические изменения в период после 2022 г.). Значит, и региональная политика должна быть гибкой. Вероятно, в будущем возможен переход к более полицентричной модели развития России, когда появится несколько относительно сбалансированных макрорегионов, каж-

дый со своими крупными центрами, связанных между собой эффективной логистикой и экономическим взаимодействием. Такой подход соответствовал бы как интересам национальной безопасности (развитие Сибири и Дальнего Востока как противовес перенаселению центра), так и задаче снижения внутренней миграции в несколько городов.

Подводя итог, можно констатировать: асимметрия федерализма в России перестала быть открытой угрозой единству страны, но стала скрытым фактором, осложняющим достижение равномерного развития. Политика оптимизации внутрирегионального пространства пребывает в стадии формирования – сделаны важные шаги, но впереди еще значительная работа по реализации принципов справедливости и эффективности на всей территории федерации. Сохранение национальной целостности в долгосрочной перспективе будет зависеть не только от силы центральной власти, но и от способности государства обеспечить каждому региону условия для развития и самореализации в составе единой страны.

Благодарности

Авторы выражают благодарность коллегам за консультации и обсуждение материалов, а также рецензентам статьи за ценные замечания, позволившие улучшить содержание работы.

Acknowledgements

The authors expresses gratitude to his colleagues for consultations and discussion of the materials, as well as to the reviewers of the article for valuable comments that helped improve the content of the work.

Литература

- Зубаревич 2014 – *Зубаревич Н.В.* Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО: Российский экономический журнал. 2014. № 4 (478). С. 7–27.
- Кочетков 2011 – *Кочетков Е.Е.* Федеративный договор и формирование асимметричного федерализма в современной России // Вестник Российской нации. 2011. № 3 (17). С. 185–188.
- Кочетков 2013 – *Кочетков Е.Е.* Симметрия и асимметрия федеративного государства как отражение территориально-политической и правовой дифференциации // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 6. С. 218–223.

- Кочетков 2014 – *Кочетков Е.Е.* Проблемы адаптации асимметричного федерализма в современной России // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2014. № 4 (45). С. 84–93.
- Кочетков 2018a – *Кочетков Е.Е.* Адаптированный асимметричный федерализм как комплексный объект исследования политической науки и смежных дисциплин: Адаптированный асимметричный федерализм как комплексный объект исследования. М.: Социально-политическая мысль, 2018. 209 с.
- Кочетков 2018б – *Кочетков Е.Е.* Модель оптимизации территориально-политического устройства России // Проблемы и перспективы развития транспорта: Труды XI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А.А. Горбунова, А.В. Федакина. Т. 1. М.: Социально-политическая мысль, 2018. С. 88–97.
- Кочетков 2024 – *Кочетков Е.Е.* К вопросу о политике адаптации асимметричного федерализма // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвина, М.М. Мчедлова, Л.Н. Тимофеева. М.: Аспект Пресс, 2024. С. 301–302.
- Лексин, Швецов 2024 – *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России // Федерализм. 2024. № 2. С. 9–31.
- Фадеичева 2011 – *Фадеичева М.А.* От субъекта к объекту: новые тренды региональной политики России // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета: В 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. С. 399–402.
- Федакин, Кочетков 2009 – *Федакин А.В., Кочетков Е.Е.* В поисках оптимальной формы территориально-политического устройства современной России (обзор научных и общественно-политических дискуссий) // Политическая наука. 2009. № 1. С. 108–136.
- Федакин 2005 – *Федакин А.В.* Образ государства как исследовательская задача современной политологии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2005. № 3. С. 3–18.
- Shaikhutdinova 2020 – *Shaikhutdinova G.R.* Contemporary Russian Federalism: Delimitation of Jurisdictional Subjects and Powers. Kazan: T.M.C. Asser Press, 2020. 92 p.
- Hale 2004 – *Hale H.E.* Divided we stand: Institutional sources of ethnofederal state survival and collapse // World Politics. 2004. Vol. 56. No. 2. P. 165–193.
- Martinez-Vazquez 2003 – *Martinez-Vazquez J.* Asymmetric federalism in Russia: Cure or poison? // International Studies in Fiscal Decentralization / ed. by R. Bird, R. Ebel. Washington, DC: World Bank, 2003. P. 241–268.
- Seliverstov et al. 2019 – *Seliverstov V.E., Melnikova L.V., Kolomak E.A. et al.* Spatial development strategy of Russia: expectations and realities // Regional Research of Russia. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 155–163.
- Srivastava 2023 – *Srivastava R.* Federalism in Russia after 1991 // International Studies. 2023. Vol. 60. Iss. 1. P. 297–208.

- Treisman 1999 – *Treisman D.* After the Deluge: regional crises and political consolidation in Russia. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. 312 p.
- Watts 1999 – *Watts R.L.* Comparing federal systems. Kingston: School of Policy Studies: Queen's University Press, 1999. 138 p. (Queen's Policy Studies; vol. 50)
- Zubarevich 2012 – *Zubarevich N.V.* Four Russias: human potential and social differentiation of Russian regions and cities // *Russia 2025: Scenarios for the future.* L.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 67–85

References

- Fadeicheva, M.A. (2011), “From subject to object: new trends in Russia's regional policy”, in *20 let postsovetsoi Rossii: krizisnye yavleniya i mekhanizmy modernizatsii: materialy XIV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Gumanitarnogo universiteta* [20 years of post-Soviet Russia: crisis phenomena and modernization mechanisms. Proceedings of the 14th All-Russian Scientific and Practical Conference of the University of Humanities], Gumanitarnyi universitet, Ekaterinburg, Russia, pp. 399–402.
- Fedyakin, A.V. and Kochetkov, E.E. (2009), “Searching for the optimum form of territorial and political system of modern Russia (the review of scientific and political discussions)”, *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 108–136.
- Fedyakin, A.V. (2005), “Image of state as a problem of modern political science”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 3, pp. 3–18.
- Hale, H.E. (2004), “Divided we stand: Institutional sources of ethnofederal state survival and collapse”, *World Politics*, vol. 56, no. 2, pp. 165–193.
- Kochetkov, E.E. (2011), “Federative treaty and the formation of asymmetrical federalism in modern Russia”, *Vestnik Rossiiskoi natsii*, no. 3, pp. 185–188.
- Kochetkov, E.E. (2013), “Symmetry and asymmetry of a federal state as a reflection of territorial-political and legal differentiation”, *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, no. 6, pp. 218–223.
- Kochetkov, E.E. (2014), “Issues of adaptation of asymmetrical federalism in modern Russia”, *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura*, vol. 45, no. 4, pp. 84–93.
- Kochetkov, E.E. (2018), *Adaptirovannyi asimmetrichnyy federalizm kak kompleksnyy ob'ekt issledovaniya* [Adapted asymmetrical federalism as a complex object of research]. Sotsial'no-politicheskaya mysl', Moscow, Russia.
- Kochetkov, E.E. (2018), “Model of optimization of the territorial-political structure of Russia”, in Gorbunov, A.A. and Fedyakin, A.V., eds., *Problemy i perspektivy razvitiya transporta: Trudy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems and prospects of transport development: Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference], vol. 1, Sotsial'no-politicheskaya mysl', Moscow, Russia, pp. 88–97.

- Kochetkov, E.E. (2024), "On the issue of adaptation policy of asymmetrical federalism", in Gaman-Golutvin, O.V., Mchedlov, M.M. and Timofeev, L.N., eds., *Rossiya v politsentrichnom mirovom poryadke: vyzovy i novye paradigmy razvitiya* [Russia in a polycentric world order: challenges and new development paradigms], Aspekt Press, Moscow, Russia, pp. 301–302.
- Leksin, V.N. and Shvetsov, A.N. (2024), "Natural and regulatory-imperative in Russia's spatial development", *Federalizm*, no. 2, pp. 9–31.
- Martinez-Vazquez, J. *Asymmetric federalism in Russia: Cure or poison?* in Bird, R.M. and Ebel, R.D., eds., *International studies in fiscal decentralization*, World Bank, Washington, DC, USA, pp. 241–268.
- Seliverstov, V.E. Melnikova, L.V., Kolomak, E.A., Kryukov, V.A., Suslov, V.I. and Suslov, N.I. (2019), "Spatial development strategy of Russia: expectations and realities", *Regional Research of Russia*, vol. 9, no. 2, pp. 155–163.
- Shaikhutdinova, G.R. (2020), *Contemporary Russian Federalism: Delimitation of Jurisdictional Subjects and Powers*, T.M.C. Asser Press, Kazan: Kazan University Press, Russia.
- Srivastava, R. (2023), "Federalism in Russia After 1991", *International Studies*, vol. 60, iss. 1, pp. 197–208.
- Treisman, D. (1999), *After the Deluge: regional crises and political consolidation in Russia*, University of Michigan Press, Ann Arbor, USA.
- Watts, R.L. (1999), *Comparing federal systems*, School of Policy Studies, Queen's University Press, Kingston, Jamaica.
- Zubarevich, N.V. (2012), "Four Russias: human potential and social differentiation of Russian regions and cities", in *Russia 2025: Scenarios for the Future*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 67–85.
- Zubarevich, N.V. (2014), *Regional'noe razvitiie i regional'naya politika v Rossii* [Regional development and regional policy in Russia], *EKO: Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, vol. 478, no. 4, pp. 7–27.

Информация об авторах

Егор Е. Кочетков, кандидат политических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14;

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия; 127994, Россия, Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9; miiten@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7443-8089

Анна А. Никлаус, кандидат политических наук, доцент, Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия; 115191, Россия, Москва, 4-й Родинский пр-д, д. 9А; mpsu@mpsu.ru
ORCID ID: 0000-0003-2647-6317

Information about the authors

Egor E. Kochetkov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; 14, Alexander Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236041;

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia; bldg. 9, bld. 9, Obraztsova St., Moscow, Russia, 127994; miiten@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7443-8089

Anna A. Niklaus, associate professor, Moscow State University of Psychology and Social Sciences, Moscow, Russia; 9A, 4th Roshchinsky passage, Moscow, Russia, 115191; mpsu@mpsu.ru

ORCID ID: 0000-0003-2647-6317

Книжная полка

УДК 930.323.1(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-218-225

История этноконфессиональных отношений в России:
размышления над книгой М. Кизилова и Г. Бондаренко
«Старообрядцы и евреи. Триста лет рядом».
М.: НЛЮ, 2024. 352 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»)

Екатерина А. Архипова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, arkhekaterina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу научно-популярной книги М.Б. Кизилова и Г.В. Бондаренко «Старообрядцы и евреи. Триста лет рядом». Автором подчеркивается актуальность изучения этноконфессиональных отношений для современной российской историографии и смелость исследователей, предпринявших попытку проанализировать взаимодействие двух конфессиональных групп – старообрядцев и евреев. В рецензии рассматривается структура исследования, привлеченные источники и основные положения авторов. В частности, положительно оценивается привлечение в качестве источников глубинных интервью представителей старообрядческих и еврейских общин. Вместе с тем отмечается недостаточное раскрытие вопроса о политике властей в отношении старообрядцев и евреев; причин конфликтов между старообрядцами и евреями преимущественно на рубеже XIX – начала XX в., специфики представления темы в литературном и публицистическом дискурсах XIX – начала XX в. Высказываются критические соображения относительно аналитических процедур и применения научно-справочного аппарата. В заключении делается вывод, что научно-популярная книга М.Б. Кизилова и Г.В. Бондаренко поднимает действительно сложную тему и представляет интересный исторический материал, однако ей все же не достает представления результатов современной историографии и глубокого анализа привлекаемых источников и исторического контекста.

Ключевые слова: старообрядцы, евреи, конфессиональная группа, Российская империя, этноконфессиональные отношения

© Архипова Е.А., 2026

Для цитирования: Архипова Е.А. История этноконфессиональных отношений в России: размышления над книгой М. Кизилова и Г. Бондаренко «Старообрядцы и евреи. Триста лет рядом». М.: НЛО, 2024. 352 с.: ил. (Серия «Что такое Россия») // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 1. С. 218–225. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-218-225

The history of ethnic and confessional relations in Russia:
Reflections on the book by M. Kizilov and G. Bondarenko
“Old Believers and Jews. 300 years nearby”.
Moscow: NLO, 2024. 352 p. ; il. (Series “Chto takoe Rossiya?”)

Ekaterina A. Arkhipova
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, arkhekaterina@yandex.ru*

Abstract. The article examines the popular scientific book written by M.B. Kizilov and G.V. Bondarenko “Old Believers and Jews. 300 years nearby”. The author emphasizes the relevance of studying the ethnic and confessional relations for the modern Russian historiography and the boldness of researchers who attempted to analyze the interaction of two confessional groups – Old Believers and Jews. The review deals with the structure of the book, applying historical sources and the main theses. In particular the application of the interviews with the representatives of Old Believers’ and Jewish communities is rated very positively. At the same time it notes that such questions as the policy toward Old Believers and Jews, the reasons of conflicts between Old Believers and Jews mainly at the end of the 19th – at the beginning of the 20th century, the specificity of presentation of this issue in the literary and journalistic discourses in the 19th – at the beginning of the 20th century aren’t described in a proper way. Researchers’ analytical procedures and the way of footnotes’ application are criticized in the review. Finally the author comes to conclusion that the popular scientific book of M.B. Kizilov and G.V. Bondarenko raises really complicated problem and presents interesting historical material. However, the book lacks for the presentation of modern historiography’s findings and thorough analysis of historical sources and context.

Keywords: Old Believers, Jews, Russian empire, confessional group, ethnic and confessional relations

For citation: Arkhipova, E.A. (2026), “The history of ethnic and confessional relations in Russia: Reflections on the book by M. Kizilov and G. Bondarenko

'Old Believers and Jews. 300 years nearby'. Moscow: NLO, 2024. 352 p.; il. (Series 'Chto takoe Rossiya?'), *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 218–225, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-1-218-225

Введение

Выход в свет работы, которая посвящена не только истории и культуре одной конфессиональной группы, но и межконфессиональному диалогу старообрядцев и евреев в конце XVIII – начале XXI в. можно только приветствовать. Трудно сомневаться в том, что сравнение различных конфессиональных групп и изучение их взаимодействия на весьма обширной территории на протяжении длительного периода делает картину прошлого более сложной и насыщенной.

Изданная в серии «Что такое Россия» книга – результат проекта, поддержанного фондом «Хамовники» и завершено в 2019 г. Подготовили эту книгу М.Б. Кизилов, специалист по истории и культуре евреев, преимущественно проживающих на территории Крыма, и Г.В. Бондаренко, специалист по истории и культуре древней Ирландии (прихожанин Тверской старообрядческой общины храма во имя святителя Николая Чудотворца в Москве)¹.

Основное содержание

Во введении авторы следующим образом определяют цель своего исследования – рассмотреть «преимущественно историю того, как преследуемые властями евреи и старообрядцы жили по соседству, взаимодействовали, вступали в контакты и в смешанные браки, переходили в веру своих соседей и помогали друг другу пережить сложные времена и спастись от преследований» (с. 10). Исследователи также заявляют свою позицию, согласно которой «именно постоянное экономическое и идеологическое давление властей, объявлявших обе группы маргинальным и враждебным государству элементом, который следовало всячески преследовать

¹ Проект «Этнокультурные и межконфессиональные контакты между старообрядцами и евреями России в прошлом и настоящем» // Фонд социальных исследований «Хамовники». URL: <https://khamovniki.ru/etnokulturnye-i-mezhkonfessionalnye-kontakty-mezhdu-starobryadtsami-i-evreями-rossii-v-proshlom-i/> (дата обращения: 04.11.2025).

и угнетать, было основным фактором, способствовавшим развитию тесных связей между отдельными евреями и старообрядцами» (с. 10). В центре внимания книги оказывается именно положительный опыт еврейско-старообрядческого диалога. Хотя и негативный опыт также не ускользает от внимания авторов.

Книга состоит из 6 глав. Первая глава освещает историографию данного вопроса, историю возникновения старообрядчества и появления на территории России евреев, пересечение старообрядческой и еврейской тем в русской художественной литературе и публицистике и др. Последующие главы – вторая и третья – затрагивают вопросы об отношении старообрядцев к евреям и евреев к старообрядцам, переход евреев в старообрядчество и примеры смешанных браков. В четвертой главе рассмотрено взаимодействие этих конфессиональных групп на территориях их совместного компактного проживания – это прежде всего бывшие западные губернии Российской империи (территории современной Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтийских государств). И наконец, последние главы раскрывают историю взаимоотношения старообрядцев и евреев на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны и их контакты в наши дни.

Помимо привлечения различных видов письменных источников исследователи в основу данной работы положили глубинные интервью с представителями старообрядческих и еврейских общин, записанные преимущественно в 2018 г. Именно на их основе написаны наиболее интересные, на наш взгляд, и целостные четвертая и пятая главы книги. Так, например, в пятой главе М.Б. Кизилов и Г.В. Бондаренко через устные рассказы респондентов раскрывают конкретные истории спасения евреев старообрядцами на оккупированных территориях.

Отдавая должное смелости авторов, предпринявших попытку рассмотреть столь сложный для изучения объект, отметим, что она побуждает заинтересованного читателя поразмышлять над книгой и темой, которой она посвящена. Прежде всего обращает на себя внимание, что привлекаемые историками глубинные интервью могли бы во многом определить структуру самого исследования. Что имеется в виду?

Необходимо отметить, что предмет изучения, избранный авторами, достаточно сложен и в силу своей двойственности (рассматриваются две различные в этноконфессиональном плане общности), и в силу достаточно широких хронологических рамок. К тому же выдвинутая во введении гипотеза о том, что преследование властей явилось основным фактором, способствовавшим развитию тесных связей между представителями этих общностей, требовала

обоснований и доказательств в основной части книги. Однако государственная политика в отношении старообрядцев и евреев не была рассмотрена даже в форме краткого обзора, хотя историография вопроса весьма внушительна. В работах ряда исследователей представлена более сложная историческая картина взаимоотношений данных конфессиональных групп с властью [Зеньковский 2006, с. 437–482; Клиер 2000; Миллер 2010, с. 142–192; Каганович 2016].

Несмотря на то что старообрядцы и евреи были преследуемыми группами, представители властей отдавали себе отчет в их специфике. На окраинах Российской империи старообрядцы выступали в качестве «русского элемента», на который власть в определенной степени даже опиралась (например, общеизвестна вполне лояльная по отношению к официальному Санкт-Петербургу позиция старообрядцев во время польских восстаний). Этот вопрос еще требует детального рассмотрения, но уже на данном этапе можно предположить, что если геополитические или экономические мотивы властей доминировали над идеологическими (конфессиональными), то государство проявляло определенную гибкость. К тому же не следует забывать, что выработка определенной политики – нередко результат борьбы различных ведомств, каждое из которых, действуя в своих интересах, отстаивает свое видение той или иной проблемы.

Авторы могли бы пойти другим путем, сузить предмет исследования и написать историю представлений старообрядцев и евреев друг о друге, опираясь на материалы интервью, источники личного происхождения, публицистику и художественные произведения. Тогда бы, возможно, и структура книги была бы более стройной и логичной.

К тому же некоторые заявленные сюжеты остались нераскрытыми должным образом. Так, например, раздел «Евреи и старообрядцы в русской художественной литературе и публицистике» представляет собой иллюстративное описание произведений или фрагментов произведений таких авторов, как И.С. Аксаков, Н.С. Лесков, П.И. Мельников, И.И. Лажечников, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, М.М. Пришвин. Перед глазами читателя пробегают калейдоскоп имен и произведений при полном отсутствии контекста, объяснения логики изложения и, к сожалению, выводов.

Тема негативного опыта взаимодействия евреев и старообрядцев также вызывает некоторые вопросы. Авторы пишут, что старообрядцы принимали участие в еврейских погромах – Балтском 1882 г. (с. 127) и Гомельском в 1903 г. (с. 130). Но при этом остаются нераскрытыми причины участия в них старообрядцев. Подробнее разбираются погромы в Новозыбкове 18 октября 1905 г. (с. 132–133), в Стародубе в 1889 г. и 1905 г. (с. 127–130, 134) и др.

Приведенный авторами материал позволяет предположить, что погромы были вызваны в одних случаях экономической конкуренцией старообрядцев и евреев, в других – неприятием демонстраций социалистов, среди организаторов которых были и евреи.

В книге описываются случаи, когда старообрядцы спасали евреев во время погромов. В конце этого раздела исследователи отмечают: «После установления советской власти и вплоть до наших дней, насколько нам известно, таких масштабных конфликтов между старообрядцами и евреями, как в царское время, больше не было» (с. 137). Однако вопрос, чем эти «масштабные конфликты» обуславливались, авторы оставляют без ответа...

Не вполне убедительными представляются примеры негативных действий евреев в отношении старообрядцев. Вряд ли участие низших полицейских чинов (евреев) в обыске дома старообрядческого книготорговца Головастика и изъятии икон является проявлением негативного отношения евреев к старообрядцам. В данном случае они лишь исполняли свои должностные обязанности (с. 138).

Хотелось бы также обратить внимание на особенности работы исследователей с источниками и литературой. Даже принимая во внимание научно-популярный жанр серии «Что такое Россия», все-таки чувствуется острая необходимость в подстрочных примечаниях. Так, например, исследователи пишут: «Действительно, в списке 30 богатейших предпринимателей России на 1914 г., опубликованном журналом “Forbes”, можно найти девять старообрядческих династий (Гарелины, Коноваловы, Красильщиковы, Морозовы, Рябушинские, Смирновы, Солдатенковы, Солодовниковы, Стахеевы) и четыре еврейские (Бродские, Гинцбург, Каменки, Поляковы) – практически половину от всего списка!» (с. 71–72). Во-первых, необходимо было пояснить читателю, что это материал «Старые русские», подготовленный В. Гаковым для журнала «Forbes» на основе данных, представленных в современной историографии, и при экспертной поддержке Л.И. Бородкина, А.Д. Кузьмичева и Ю.А. Петрова². Во-вторых, нужно понимать, что это очень приблизительный список 30 самых богатых предпринимателей Российской империи начала XX в. Не совсем ясно, почему авторы считают, например, Гарелиных, Стахеевых, Г.Г. Солодовникова (в статье В. Гакова речь идет именно о нем, а не о роде), Красильщиковых старообрядцами. В самой статье “Forbes” не говорится, что они принадлежали к старообрядчеству. Если авторы располагают данными об их принадлежности к старообрядчеству, то следовало их раскрыть.

² Гаков В. Старые русские // Forbes. 2005. № 5 (14). С. 172–189.

Заклучение

Подводя итоги, хочется еще раз приветствовать попытку поднять столь сложную тему для широкой читательской аудитории. Однако представляется, что цель научно-популярного издания заключается в том, чтобы показать сложность исторической картины, опираясь на достижения современного исторического знания. В данном случае это не совсем так. Книга М.Б. Кизилова и Г.В. Бондаренко представляет собой скорее сборник отдельных очерков, зачастую насыщенных действительно интересным материалом, которым, однако, не достаает исторического контекста и глубокого анализа привлекаемых источников.

Литература

- Зеньковский 2006 – *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: В 2 т. / сост. Г.М. Прохоров, общ. ред. В.В. Нехотина. М.: Ин-т ДИ-ДИК, 2006. 688 с.
- Каганович 2016 – *Каганович А.* Друзья поневоле: Россия и бухарские евреи, 1800–1917 г. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 526 с. (*Historia Rossica*)
- Клиер 2000 – *Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.; Иерусалим: Мосты культуры: Gesharim, 2000. 351 с. (*Bibliotheca judaica. Современные исследования*)
- Миллер 2010 – *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с. (*Historia Rossica*)

References

- Kaganovich, A. (2016), *Druz'ya ponevole: Rossiya i bukharskie evrei, 1800–1917 gg.* [Unwilling friends. Russia and Bukharian jews, 1800–1917], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (*Historia Rossica*)
- Klier, J.D. (2000), *Rossiia sobiraet svoikh evreev: Proiskhozhdenie evreiskogo voprosa v Rossii: 1772–1825* [Russia gathers her Jews: The origins of the “Jewish question” in Russia, 1772–1825], *Mosty kul'tury*, Gesharim, Moscow, Russia, Jerusalem, Israel. (*Bibliotheca judaica. Sovremennye issledovaniya*)
- Miller, A. (2010), *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism: essay about the methodology of historical study], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (*Historia Rossica*)
- Zenkovsky, S.A. (2006), *Russkoe staroobryadchestvo* [Russia's Old Believers], Institut DI-DIK, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Екатерина А. Архипова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; arkhekaterina@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0003-9868-8762

Information about the author

Ekaterina A. Arkhipova, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; arkhekaterina@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0003-9868-8762

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 1
2026

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 6 раз в год

Подписано в печать 29.04.2026

Выход в свет 06.05.2026

Формат 60×90^{1/16}

Уч.-изд. л. 12,4. Усл. печ. л. 14,1

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2347

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru